

*Ульяна
Жигалова*

Горький
шоколад

Книга 2



И снова жизнь решает все за Ксению. Спасти детей, и ради этого принять помощь того, кого ненавидела и боялась. Уехать на край света, спрятаться и встретить своего палача на пляже у самого дома. Пытаться разлюбить, но всю жизнь быть верной одному мужчине. Потерять детей, почти сойти с ума, но возродиться. Найти детей, найти себя и несмотря ни на что — стать счастливой. Содержит нецензурную брань.

Ульяна Жигалова

Горький шоколад 2. Из пепла

Глава 1. Из пепла...

Патологоанатом Сергей Васильевич, семидесятилетний доктор, который работал больше по привычке, чем из-за зарплаты, пришел на смену как всегда бодрый и энергичный. Его сменщик, «молодой» врач, всего пятидесяти лет, встретил его хмурой улыбкой.

— Петрович, ты чего такой смурной? Здоровье подводит, или жена разлюбила?

— Ты Васильич, сейчас тоже смурной станешь. Нам привет из 90-х прилетел, вон, ночью менты привезли кучу братков, их где-то недалеко в разборках положили. Я двоих успел вскрыть, там огнестрел, делов-то. А еще пять в холодильнике, тебе останутся. Не успеешь, завтра пусть дамы режут. Менты, то есть полицейские, за бумагами приедут не раньше, чем через неделю.

— Эт-то где у нас такие войны опять пошли?

— Да где-то в области, говорят залётные на московских наехали. Вот им одну машину взорвали, там жмур весь обгорелый как головешка, а вторую машину из автоматов покروшили. А нам теперь работы подбросили.

— Ладно, иди домой, я разберусь.

Рабочий день начинался неудачно, обычно «клиентов» было мало — районная больница лечила пациентов неплохо, умирали редко, и работу в основном подкидывала полиция — то бомж где-нибудь замерзнет или упьется палёнкой, то автомобили на трассе столкнутся.

Сергей Васильевич просмотрел журнал, клиентов привезли три часа назад. Начинать надо было не откладывая, работы много. Он подумал, и решил первым отработать с обгоревшим, со свежими силами, там более сложно. Велел санитарам готовить тело, а сам пошел курить на задний двор. Когда вернулся, санитары уже срезали с трупа одежду. Тело обгорело всей передней стороной, особенно пострадали руки и лицо. Васильич включил диктофон и стал делать описание тела.

— Так, мужчина, лет 35–37, сложение спортивное, отмечается глубокие ожоги рук и ног, лица, — тут он попытался поднять веко, — пострадали глаза.

Ему показалось или веко дрогнуло? Он быстро приложил палец к артерии на шее, нет опять кажется? Или все же есть пульс — редкий, нитевидный? Он стал искать еще точки, где прощупывается пульс, прислушался — человек дышал, тихо, редко и прерывисто.

— Да что ж вы, суки, делаете то, — выругался он на полицейских, — он же жив еще, хотя и не жилец. Я ж не могу живого вскрывать!

Забыв о запрете курить в прозекторской, достал сигарету и затянулся.

— Да мужик, ты кремень. Три часа в холодильнике, а еще жив. А сколько со взрыва прошло, хрен знает. Вот только вряд ли тебя скорая возьмет, да и шансов у тебя ноль.

Он вспомнил, как на встрече с друзьями, его одноклассник, ожоговый хирург из известного центра, рассказывал, что они ведут испытания искусственной кожи, ноу-хау чисто российское, наносят ее как крем из пульверизатора. Результаты хорошие, но испытывать на людях нельзя, надо кучу согласований получить.

— Ну что, мужик, это твой шанс. Если там не вытащат, нигде не вытащат.

Он набрал телефон друга, дождался ответа и заговорил:

— Здорово, Аркадий Моисеевич! Узнал? Долго жить буду. Да, все там же, тружусь конечно. А что делать, внуков-правнуков нет, мои давно в Австрии живут. Я один, да мой пес, вот и вся жизнь. Я к тебе по делу, Аркаша. Слушай, мне пострадавшего привезли, пс

бумагам он труп. А мужик жив, хоть три часа в холодильнике пролежал. Твой случай, ожог процентов 50, степень третья и четвертая. Но мужик кремень, держится. Забери его, а? А тс скоряк его увезет хрен знает куда, и завтра он будет труп, как только из шока выведут. А тебе твои ноу-хау надо испытывать, вот клиент.

Через полчаса во дворе больницы опустился маленький санитарный вертолет, и бывшего жмурика забрали.

В расстроенных чувствах, Сергей Васильевич не заполнил в журнале, что клиент оказался жив, и его увезли в ожоговый центр. Дальше навалилась работа, и об этом случае все забыли.

Полицейские получили заключения о смерти пятерых братков, пожали плечами — обсчитались, видимо. За покойниками приехали дружки, такие же братки, вели себя скромно, пытали еще об одном теле. Но попали в «дамскую» смену, где были посланы далеко и надолго.

Ник, а это был он, не приходил в себя долго. Только те, кто думает, что человек в коме ничего не ощущает, глубоко ошибаются. И боль, и жар в обожжённом теле были равны адским мукам, ему казалось, что он до сих пор горит в пламени. В его воспаленном мозгу все стояла картина огненного вихря, слизывающего плоть с его рук, и ударившего в лицо. Он опять и опять чувствовал нестерпимый жар, треск горячей кожи на лице и веках, удушающий запах горелой плоти.

... Потом кошмары сменили направленность, и он видел себя голодным ребенком семи лет, в грязной замусоренной комнате. Вот, кажется мужики, которые вчера принесли водку и еду, ушли. Он на пальцах тихонько подходит к двери кладовки и выглядывает в щель. Никого нет, только на груди грязного белья, в которую превратилась постель лежит его мать, в отвратительно-вульгарной позе. С задраным подолом халата и бесстыдно раскинутыми ногами. Мальчик выходит, опускает подол халата, потом закрывает мать простыней. На столе, среди бычков и огрызков, видит надкусанный бутерброд, почти целый! Проглатывает его за секунду, но пустой желудок просит еще. В тарелке осталась какая-то еда, вроде бы картошка, но в ней погасили сигарету, и есть это невозможно. Он берет огрызки хлеба, усаживается на стул, и ест, запивая хлеб водой из-под крана.

Возле кровати он замечает шприцы, это его пугает — мать раньше никогда не кололась, только пила. Он подходит к постели и пытается заглянуть в лицо. Маленький мальчик, он боится узнать, что эта женщина, грубая, визгливая, но единственная, окажется мертвой. Постояв минут двадцать, трогает мать за плечо. Реакции нет. Слезы катятся из глаз, без звука, пацан трясет ее за плечи. Рука сваливается с кровати и остается висеть. Мальчик ищет зеркало, в кино так проверяли, жив человек или нет. Но у матери давно нет косметички и зеркальца. Тогда он снимает небольшое зеркало в ванной, идет в комнату и пытается приложить его ко рту. Зеркало все же достаточно велико, получается не сразу. Стекло остается чистым, но мальчик уже и так знает, что мать мертва. Садится на пол, и надолго замирает. Никто не придет, никто не поможет — родственников нет, соседи давно ненавидят мать за постоянные шумные гулянки.

Потом мальчик вспоминает, что мать всегда заставляла наводить в доме порядок, это у нее было вбито на подкорке пьяного мозга. Аргумент был один — люди же придут.

И мальчик идет наводить порядок. Открывает балкон, несмотря на сквозняк. Он собирает в мусор всю посуду со стола, тащит таз с водой и моет полы. Водой или ручьями слез, непонятно. Потом он достает из шкафа лучшее платье мамы, в котором она два месяца

назад отводила его в первый класс. Трезвая и веселая, он так надеялся, что навсегда.

Мокрым полотенцем вытирает лица, причесывает волосы. Долго мучается чтобы снять грязный халат и натянуть платье. Когда в доме чисто, мать лежит со сложенными на животе руками, спокойная, без вечно пьяной гримасы, ему опять кажется, что она жива. Он начинает трясти ее и плакать.

Когда слезы иссякли окончательно, ослабевший пацан идет и звонит в соседскую дверь. Ему открывает тетя Нина, вечно сердитая и горластая тетка, мать двойняшек Саньки и Сеньки.

— Чего тебе, Коля? — спрашивает она, и замечает, что пацан сейчас упадет, подхватывает его на руки. Ее руки теплые и сильные, отчего слезы опять начинают лить, только теперь рыдания не дают дышать, и он не может выговорить ни слова. Женщина несет его на кухню, садит на табурет, и приговаривая «тише, тише, милый», дает воды.

— Мама, мама умерла, — заикаясь выдыхает Коля.

— Господи, как? Когда?

— Вчера, поздно вечером.

— Как вчера? Почему ты только сейчас пришел? — Женщина в шоке и недоумении.

— Я полы мыл, мама всегда говорила, если люди придут, должно быть чисто.

Глаза Нины принимают неизъяснимое выражение, она прижимает его голову к груди, и плачет сама.

Дальше все закрутилось, как на карусели. Прибежал муж соседки, начались звонки, приехали врачи, милиция, опека. Колю напоили лекарством, накормили, и полусонным куда-то везли. Неделью он провел в больнице, где кормили целых три раза в день, и была чистая постель! А потом его повезли в детский дом. Нянечки смотрели на него с жалостью, а он не понимал, почему. Дом же детский, он представлял это себе как сказочный, пряничный, игрушечный дом, где все принадлежит детям. А привезли его в казенный детский ад, не слишком сильно отличающийся от тюрьмы.

...Девушка... Лица ... целует его и плачет. Тоненькая сероглазая девочка, его любовь, его душа.

— Коля, Коля а вдруг в Афган! — она рыдает и цепляется за его одежду. Он пытается отцепить её руки и обнять её, прижать к себе. Но девушка исчезает, а вместо неё он видит старый обшарпанный спортивный зал.

.... Он, Коля, ему 8 лет, и взяв ключи у дяди Гриша сторожа, он занимается утром до завтрака, пока все спят. Пацан ничего не умеет, но упорство гонит его: сперва бег по кругу, потом он отжимается, подтягивается на турнике, всего пять раз... Потом сдирая ладони лезет по канату. Дверь спортзала открывается и заходит такой же тощий пацан, как и он, в такой же майке и застиранных трусах. Свистящим шепотом он спрашивает:

— Слышь Колян, ты чего?

.... Как хочется пить, во рту скрипит песок, губы высохли и потрескались. Солнце печет, жара обжигает легкие. Он пытается открыть глаза, боль в простреленной руке и в боку чуть не отбрасывает его опять в беспамятство. Их десант почти полностью был расстрелян в воздухе. Он слышит чужой гортанный голос, потом выстрелы.

«Добивают раненных», понимает он. Закусывая губы, достает гранату, и вытащив чек ждет, зажимая её в руке. Вот силуэты в этих их балахонах приближаются, и уже чувствуя, что теряет сознание он из последних сил бросает гранату. Взрыв и темнота.

... Боль, боль везде. Грохот работающего двигателя. Вертушка, нашли, свои. Он опять

теряет сознание и слышит крик:

— Нет, сержант! Держись! Мы тебя почти уже спасли!!

... Какой сержант? Он Колька Костаниди, детдомовец, ему 13 лет и у него сегодня первый бой. Это он так называет бой — на самом деле драка, один на один. С этим уродом по прозвищу Скотина, который терроризирует весь детдом и насилует кого хочет. Ему 16 лет, но он выглядит на все двадцать, здоровый туповатый мужик, сс рано проснувшейся сексуальностью. Они бьются на пустыре за школой — вокруг стоят его друзья, и подпевали Скотины. Но здесь и сейчас он должен, и он победит. Рыжая ухмыляющаяся рожа, с толстыми губами качается перед глазами, Скотина замахивается кулачищем, но у него кроме веса ничего больше нет. Колька ловко уходит из под удара и бьет его в под-дых. Тот сгибается, подставляя голову ... Еще удар, и Скотина на земле. Он вскакивает с рыком и налитыми кровью глазами...

... Он стоит с вещмешком в отделе кадров местного отделения полиции. И вальяжный майор, посмотрев его документы, медленно говорит:

— Вы комиссованы по ранению, и по документам к службе не годны. Приходите через годик, как долечитесь.

Он стоит на крыльце, и думает, куда идти. Через год? А что кушать этот год? Где спать? Детдомовцам положено жилье, но квартира его матери куда-то делась, потом его забрали в армию. Рядом останавливается машина, из неё выходит мужик, толстый и навороченный, в кожаной куртке и дорогих джинсах.

— Не узнаешь, солдат? Я Серега, ну Серега-фарцовщик? На три года старше тебя, мы вместе на борьбу ходили. Поехали, что-ли.

... Он Ник, Ник Бешеный, ему двадцать семь. И они с друзьями зубами выгрызают правс на жизнь — сперва шиномонтажка, потом гоняли подержанные машины из-за границы. Сейчас он пытается удержать небольшое частное охранное агентство. И вот, пара быков привезла его на разговор к авторитету. Наверно будут отжимать фирму, и требовать процент. Но высокий седой мужик, кивает, и быки уходят.

— Я много слышал о тебе, Коля. Ну не криви рожу-то, передо мной ты пацан. Так вот, Коля, назревает война. Некоторые авторитеты оборзели, и их давно нужно поставить на место. Свои я не могу доверить такое дело, есть обстоятельства. Но ты ж афганец, руки замарать боишься, я знаю, что ты никого не убил. Так вот, Коля, сделаешь для меня одно дело — и никто никогда тебя больше не тронет. Но об этом никто, слышишь никто не должен знать! — Он кидает на стол фотографию — женщина и пацан.

— Нужно вывезти из города, да и из страны. Если узнают, что это мой сын, пацану не жить. Вывезешь их ты. Тебя со мной никто связать не сможет. Не смотри на меня, ну и что, что вор в законе? Я что, не человек? Нельзя чтобы узнали, что у меня есть семья, не положено. Да и боюсь за них.

... Он в домике, деревня, маленький дом бабушки Лики. Они ждут оформления визы — маленькая учительница английского и пацан Дениска. Сейчас женщина с ребенком сжались в один комок на диване, а в дверях стоят, ухмыляясь бойцы Быка. И друг, Витька, подходит сзади забрать пистолет.

— Прости, Колян. Но каждый сам за себя, бабки обещали нехилые. — Ник бьет головой назад, разбивая лицо Витьки в кровь, выхватывает оба пистолета и стреляет в ухмыляющиеся лица бойцов. Женщина кричит, пацан воеет. Это предательство жгёт грудь, но — не верить. Никому. На улице стрельба и вбегает Макс, увидев, что все целы, переводит дыхание.

— Ник, урод! Я думал не успею! Хорошо, эти дебилы хвастались, что поехали тебя брать с курочкой Седого.

... И опять картина смерти матери, которая снова менялась на ад огненного смерча, и он горел, горел в огне, сжимая до боли зубы. Не кричать, не плакать, не жаловаться. Первые заповеди детдомовца. И он молчал. Молчал, сжав зубы. Иногда ему казалось, что к нему прикасаются прохладные руки, иногда он проваливался в сон, слышал голоса, которые говорили, что какой-то мужик боец и отлично держится. Но потом огненный вихрь опять возвращал его в ад, потом в грязную квартиру с мертвой пьяной матерью. И так без конца.

Первый раз он пришел в себя через полгода. На глазах была повязка, руки и ноги болели нещадно, лицо и грудь были покрыты влажными повязками.

— Где я? — голос был чужим, тихим и скрипящим до омерзения. — Где я? Где я? — Началась истерика, быстро прибежали люди, вкололи в вену укол, и он опять провалился в забвение.

Следующий раз был легче, сознание было яснее, он понял, что в больнице. Медсестра ему пояснила, что он в ожоговом центре, что в принципе сочеталось с огненным бредом. Но вот вспомнить, кто он и почему здесь, не удавалось. На вопрос врачей, помнит ли он свое имя, ответил:

— Колька я, наверное. Больше ничего не помню.

Документов при нем не было, так и внесли в историю болезни — Николай Неизвестный. Потом было еще полгода жутких болезненных процедур, шрамы начали расти и стягивать руки, проводились операции по возвращению подвижности кистям. Ступни частично отняли, когда он был в бреду. Шрамы на веках не давали закрыть глаза, зрение сумели спасти — процентов на десять. То есть, он видел силуэты, немного различал цвета, но не мог читать, смотреть телевизор. Один из пациентов при выписке отдал ему транзистор, и он слушал радио. Это было все доступное ему удовольствие. Через год его планировали перевести в дом инвалидов, он был готов к беспросветному нищему существованию, и все гадал, где и как он жил все годы после того, как пацана Кольку привезли в детдом.

Память вернулась внезапно, просто обрушив все плотины сознания. Вернулась, когда он услышал, как кто-то в коридоре окликнул кого-то именем «Макс!»

Макс — и тут же хлынули картинки, детский дом, пацан на соседней кровати, клятвы о вечной дружбе, колледж, первая автомойка, бригада пацанов.

— Телефон, дайте телефон, мне нужно позвонить. Только номер, номер наберите, я не увижу.

Он диктовал номер, брал трубку дрожащими пальцами, и услышав в ней знакомый голос, прошептал:

— Макс, братан. Детдомовцы своих не бросают. — Там застыла тишина, на том конце трубки, потом друг так же шепотом спросил:

— Ник? Братан, это ты? Ты? Ты где? Ты же погиб год назад!

— Я, я жив, Макс. Приезжай. Сейчас тебе расскажут, где я.

Макс прилетел тем же вечером, а через три дня они полетели в Израиль. Еще год операций, процедур, несбывшихся надежд. Коляска с полным фаршем электронного управления, четкое знание, что это навсегда, и отвращение — зверское отвращение — к этому телу, обезображенному глубокими шрамами, к скрюченным, несмотря на все процедуры рукам, жуткой маске вместо лица, с вечно приоткрытыми глазами.

Но Ник был Ником, пацаном, который в семь лет дал отпор подросткам-насильникам в детском доме, бился до крови за каждого малявку, и создал первую банду из таких же малявок как он. Они бились металлическими прутьями от железных кроватей, стояли друг за друга — и к двенадцати его годам в детском доме не осталось насильников. Да, девочки спали с мальчиками, по желанию, за подарки. Но насиловать никто их не смел, как и мальчишек.

И теперь, он вернулся в свой город, встал на свое место, и по-прежнему управлял своей империей. Только теперь его никто не видел, за светом направленной в лицо гостю лампы.

Когда все дела были приведены в порядок, ушлый оборотень, взорвавший его машину, был наказан, Ник спросил Макса про Куклу. Выслушал без эмоций, велел отправить людей на наблюдение и для охраны.

Глава 2. Не спеши на тот свет

Ксения шла за подобрившей ее старушкой еле живая. Мокрая одежда прилипла к телу, остывшие конечности плохо слушались — ноги были как деревянные, руки, прижатые к животу, ничего не чувствовали. Ей казалось, что замерзло не только тело, но и душа. Босые ноги не ощущали камней и мусора на тропинке, хорошо, что идти было недалеко, просто подняться по тропинке, проложенной наискосок по крутому склону. У самого обрыва оказался небольшой домик, с огородиком и покосившейся банькой. Река давно подмыла берег, и смыла забор, так что огородик начинался прямо от обрыва.

Бабушка, а может женщина, девушка не могла разобрать, остановилась на обрыве и молча ждала ее, не пытаясь помочь. Когда Ксения дошла до нее, она сурово покачала головой в белом платочке, и кивнула в сторону баньки:

— Туда иди сразу, я сейчас подойду, возьму сухие вещи.

Ксения так же на автопилоте пошла к баньке, дверь, потемневшая и покосившаяся, не поддавалась, да и руки никак не могли зацепить толстую деревянную ручку. В голове опять зазвенело и ноги стали ватными. Сзади послышались шаги, и руки женщины буквально подхватили девушку. Она поддержала ее за локти, фактически обняв сзади, потом придерживая одной рукой, открыла дверь.

— Заходи скорее, баня еще горячая, я вчера поздно топила.

Она фактически донесла девушку до широкой лавки, и споро уложив, начала стягивать одежду. В бане было градусов сорок, но Ксению по-прежнему бил озноб. Старуха налила в большой таз горячей воды и стала поливать ее сверху, это помогало мало. Тогда она усадила ее на лавку, в ноги поставила таз с горячей водой, из второго поливая ее сверху. Вода обжигала кожу разностью температур, но не могла согреть.

— Ох-тыж, горе то какое, хорошо бы в ванну тебя, но откуда здесь ванна? Да и баня почти остыла. Годи, я пойду растоплю огонь и принесу чаю, внутрь поможет быстрее.

Ноги согревались в тазу, а тело по-прежнему была крупная дрожь. Старуха накинула ей на плечи какое-то старое покрывало, потом гремела дверцами печки, слышался запах дыма, потом убежала в дом. Вернулась с кипящим пластмассовым чайником, банкой малинового варенья и большой кружкой. Навела горячей воды с малиной и с ложки стала поить девушку.

Понемножку отошли руки, и Ксений попыталась взять в руки кружку.

— Тихо ты, ошпаришься же, — бабка отодвинула ее руки, и продолжила давать горячий напиток из ложки.

— Теперь пробуй руками шевелить, пусть кровь разойдется.

Девушка покорно сжимала руки, разжимала и пыталась удержать дрожь. Бабка покачала головой, и опять ушла куда-то. Потом слышался шум, она тащила что-то тяжелое. Как оказалось, это было деревянное корыто, даже больше похожее на низкий бочонок. Пожилая женщина подставила его под кран, откуда лилась горячая вода, и все бормотала.

— Этот лагушок у меня под сливом стоит, дождевую воду собирать, ты девка худенька, как раз на корточки влезешь туда. — Разговаривая, она бодро подливала холодной воды, помешивала, добавляла какие травы. — Мы ж тебя сварить не хотим. Ну вот, готово, сама сможешь залезть?

— Бабушка, мне греться нельзя так, беременная я. — Прошептала Ксения, впервые

пробуя свой голос.

— О, уже речь очнулась, ничего, ничего, ты недолго, пока трясушка не пройдет, потом просто погреешься на полке и все. Чего ж ты, беременная, в реке то оказалась? Я пошла грядки полоть, я всегда с четырех утра на огороде, пока мошки нет. Гляжу — хтой-то плывет. Река наша не така, чтобы в ней такие заплывы устраивать. И то чудо, что выплыла.

— Так получилось, бабушка. А плаваю я хорошо, только вот уж сильно холодная вода, да и река широкая, думала не дотяну.

— Все то у вас, молодых, получается! Беременность получилась, в речку сигануть получилось. Думаешь не поняла я, что ты самоубивца? Что, мужик кинул, а ты топиться побегла? А мой-то, вон по зиме на охоте сгинул после войны, а я одна, да с тремя. И топиться не бегла, а сестра моя — с войны пятерых тянула, трое своих, да двое эвакуированных. Не бегли! — Тут старуха заметила, что девушка молча плачет, слезы катятся по лицу без всхлипов и вздохов.

— Прости, дочка, не до меня тебе сейчас. Сугрелась маненько? Давай теперь еще горяченького попей, я правда про заварку забыла. Да чай после распивать будем. Давай на полок, каменка подтопилася, сейчас поддам жару, да разотру тебя.

Ксения смогла удержать приостывшую кружку, и большими глотками стала пить горячеватый чай. Внутри потеплело, стала отпускать дрожь и холод. Бабка помогла ей вылезти из бочонка, подняться на полок. Поддала немного жару — пар еще был белым, плохо прогретым. Но все же теплым. Старуха взяла с полки какую-то плоску, и стала растирать тело девушки желтой массой. По запаху стало понятно, что это мед, но с добавками. От массажа кровь быстрее побежала по телу, возвращая чувствительность коже и мышцам. Бабка еще поддала в каменку, теперь пар был горячее, и девушка почувствовала, наконец, что ей жарко.

— Вот и ладно, вот и согрелись. Полежи чуток, я одежку принесу, сполосну тебя и в дом.

Лежать на полке в бане было жарко, но так здорово — она жива, она будет жить, слезы все так же лились из глаз, но теперь скорее от счастья. Дай Господь этой женщине всех благ, за то, что стояла и ждала, когда девушка доплывет до берега, а потом кинулась помогать. Ей больше не хотелось вспоминать предательство Дэна, свою прошлую нелепую жизнь. И лежа здесь, в покосившейся баньке, она дала себе слово — больше никто не будет управлять ее жизнью, больше никто не подойдет к ней так близко, что сможет ударить в спину.

— А вот и я, вот принесла тебе одежду, да полотенца. Сейчас моемся, и в постель. Ты лежи, я все сама, не то скинешь мне тут робёнок. — Говоря все это, бабка бодро намылила травяную мочалку, и стала смывать с тела мед с каким-то жиром. Это получалось у нее удивительно ловко, да Ксения легко поддавалась ее рукам, которые напомнили ей руки матери, так же ловко купавшие ее в детстве. Бабка сполоснула ее водой с травами, с запахом смородины и мяты. Завернула в полотенце, и усадила на лавке.

— Предбанника то у меня нету, тута и одеваюся я. Сейчас дверь приоткрою, обтирайся, да надевай вот платье. Чистое оно, не бойсь, это специальная одёжа, после бани одевать. Все равно еще пот гнать будет, потом дам переодеться.

Ксения послушно вытерлась, не вставая с лавки и взяла протянутое ей бабкино ситцевое платье. Чистое и глаженое, оно было беленьким с узкими кружавчиками. Надев балахон через голову, девушка встала поправить подол, и качнулась в сторону.

— Не спеши, теперь уже спешить то тебе и некуда. Сиди, жди девять месяцев, не

нервничай и не думай. На вот тапки старые, одень к дому дойти.

Они, почти обнявшись, дошли до домика, хорошо, что крылечко было низеньким, в одну ступень, иначе девушка просто не поднялась бы на него. В доме старуха провела ее в махонькую спальню, с высоко взбитой кроватью. Под покрывалом обнаружилось пуховое одеяло и перина, все в веселеньком рисунке самошитою белья. Старуха уложила Ксению на огромную подушку полусидя, со всех сторон укрыла одеялом. Перина непривычно охватила тело снизу и сбоку, сразу обдавая теплом.

— Ну вот, жить можно. Сейчас чаю принесу с медом, потом спи.

Чай Ксения пила так же полусидя, почти не слушая бабкино бормотанье, и сразу провалилась в сон. Сон был глубоким, душно-жарким, с кошмарами, в которых она сперва тонела, потом ее допрашивали какие-то люди. Ей казалось, что она бежит куда-то, но руки и ноги связаны жаркими путами.

Очнувшись она вечером следующего дня. Старуха сидела за столом, в комнате было сумеречно, маленькие оконца давали мало света, под иконами в углу горела лампадка. Белье на кровати, платье на Ксении — все было мокрым, хоть выжимай.

— Напугала ты меня девка, я уж и скорую вызывала. Они тебя забрать хотели, а ты кричишь, нет и все. Не отдала, так чуть сама рядом не легла. Врач сказала, если помрешь, меня посадит. Вставай, если можешь.

Ксения села, голова кружилась, на локте был виден след от укола. Но на удивление, чувствовала она себя хорошо. Положила руку на живот — как он там?

— Не скинула, не бойсь. Тогда б не оставили. Иди, будем ужинать, да думать, что с тобой делать.

— Бабушка, спасибо Вам, вы меня спасли. Только мне бежать нужно из города, срочно. Пусть все думают, что я утонула. — Девушка взяла из рук старухи очередное балахонистое белое платье, больше похожее на ночную рубаху.

— Не рассказывай мне ничего, я больше суток твой бред слушала, чего не поняла, значит того и не надобно. Знаю я, мне карты про тебя сказали много, бежишь ты всю жизнь, как волчонок, а вины на тебе нет. Хочешь дальше бежать — твое дело. А вот знаю, если воротись, твой мужик тебе ноги целовать будет и прощенья просить, любит он тебя. — Все это бабка выговаривала, снимая влажное постельное,

— Так любит, что уничтожить хотел. Нет бабушка, больше никаких мужиков. Дальше я сама, деньги у меня есть — мне друг оставил. Мне б только в город попасть тишком, да лучше б ночью сегодня.

Они поели густого супа из тушёнки и свежей зелени, и женщина повела ее за собой. За раскидистой яблоней обнаружилась калитка, и узенькая улочка, на которой стоял зеленый старый москвич. К удивлению Ксении, бабка открыла дверь и села за руль. Она подошла, осматривая машину — трудно было поверить, что эта машина на ходу.

— Не бойсь, мне внучок эту рухлядь в лучшем виде содержит. Сколько лет предлагает новую купить, да я сорок лет за рулем этой колымаги, уж и сгинем — так вместе.

— Бабушка, скажите, как Вас зовут? А то неловко все получилось, даже не познакомились. Я Ксения.

— Зовут зовуткой, а величают уткой. Зовешь бабушкой и зови, ни к чему тебе. А ты не Ксения, имен у тебя, как днёв в месяце. И знать не хочу. Отвезу куда скажешь, и Господь с тобой, не слушаешь меня — пойдешь длинной дорогой, да всё придешь туда же. Только не одна смерть тебя там ждет, не один раз по краю пройдешь. Воля твоя. Знаю, думаешь, как

меня отблагодарить, а мне твоего спасибо не надо. Как выберешься, в церковь ходи, милостыню подавай, да увидишь человека в беде — помоги. Тем и отплатишь мне.

К дому Ксении они подъехали за полночь, в квартире огня не было. Девушка поднялась на этаж, открыла дверцу электрического щитка, там на специальном подвесе хранились запасные ключи. Усмехнулась, вспомнив Ника — его наука, вбито до корней волос.

Тихо открыла дверь, в нос ударил запах спиртного, табака, перегара, прокисшей еды. Значит эта троица до сих пор тут бухает, подумала Ксения. Оставив дверь приоткрытой, на цыпочках, двигаясь бесшумно, как привидение, прошла в гардеробную. Первым делом достала паспорт и карты, зашитые под двойным дном. В кармане сумочки забрала резервный телефон. Потом быстро сложила в пакет одежду и туфли, переодеться в доме не решилась, могут проснуться эти товарищи.

Так же на цыпочках, благо тапки были мягкие, и шаг получался бесшумным, двинулась на выход, тут в спальне кто-то заворочался. Девушка замерла, опустив пакет на тумбу в прихожей. Зевая и почесываясь, не включая свет в коридор выполз Игорь, судя по росту. Увидев белый силуэт девушки, он замер:

— Ксюха? Ты... ты это.... Я не виноват, пощади ... — он бухнулся на колени, и даже голову склонил к полу.

Ксения подхватила пакет, бесшумно выскользнула на площадку, и прикрыла дверь, не давая замку защелкнуться. В квартире послышалась возня, потом Игорь заорал:

— Мужики, мужики, вставайте, за мной Ксюха приходила!

Теперь можно было не опасаясь, захлопнуть дверь, в этом шуме щелчок замка уже не услышат. Быстро сбежав на первый этаж, в закутке за лифтом натянула джинсы и водолазку, одела мокасины, и выскочила из подъезда. В квартире уже горел свет, но по лестнице никто не гнался, значит поверили в призрак.

Бабулька довезла ее до круглосуточного супермаркета, где они и расстались. Ксения в порыве благодарности, поцеловала ей руку, за что бабка согнутым пальцем стукнула ее по лбу.

— Упрямыя! Ну Бог с тобой, иди своей дорогой!

Девушка сняла деньги с карты, быстро набрала минимум вещей в тут же купленную дорожную сумку — человек без багажа может привлечь внимание. Вызвала такси, и по дороге, по телефону купила билет на утренний рейс до Москвы на имя Миланы Войцеховской. Горько усмехнулась, вбивая данные паспорта, не упомнишь какой это паспорт, и какое имя. В аэропорту, после регистрации прошла в назойливые магазины — тут и брендовые сумки и обувь, и духи, и косметика. Двигаясь от одного к другому, Ксения постепенно преображалась.

Сперва появилась яркая помада, потом поверх водолазки накинула летний удлиненный пиджак, ярко-оранжевого цвета. Волосы скрутила и убрала под шелковый шарф, повязанный на богемный манер, причем продавщица уверяла, что ей дико идет. Дальше мокасины сменила на туфли на высоком каблуке, явно подделку под известный бренд, судя как они стали натирать ноги. Закончила преображение так же оранжевой сумочкой под «Гуччи» с дикими стразами. Наверное, Гуччи бы удавился, узнав, что именно китайцы выдают за его стиль. Высокий каблук изменил походку, и в самолет садилась уже уверенная в себе надменная полячка.

Из Москвы позвонила в Сочи, Максусу.

— Душа моя, ты воскресла? Нам сообщили, что ты утопилась. Я ни секунды не поверил.

чтобы наша Кукла, да так глупо сгинула. Ну что ж, тут воскрес еще кое-кто и ждет с тобой встречи.

Глава 3. Второй раз в ту же реку

Сочи встретил ее липкой жарой, слепящим солнцем и белозубой улыбкой Макса. Тот приехал за ней сам, хотя Ксения ждала не выше охранника. Макс стоял у выхода из здания аэропорта, опираясь спиной на джип, и сиял глазами и улыбкой. Давно он таким не был, с самой смерти Ника. И тут только до Ксении дошло, о каком воскрешении мог говорить Макс — общий знакомый у них был один. В душе появилось гадкое чувство сожаления, ведь если Ник жив, это конец ее свободе, но с другой стороны — смерти она ему точно не желала. И, пришлось сделать шаг навстречу новой старой жизни. «Помни, что ты обещала себе там, на полке в покосившейся бане — никто больше не будет управлять тобой!!»

— Привет Макс! Ты пошутил, или Ник и вправду жив?

— А ты, я вижу не слишком рада! — Он забрал сумку, сунул ее в багажник. И открыв дверь, и дождавшись, когда Ксения сядет в машину, продолжил. — Не все так просто, Ник жив, да.

Макс надолго замолчал, подбирая слова. Ксения тоже молчала, ждала и не хотела мешать. Уже выехав за последний шлагбаум, заговорил снова.

— Только, это не совсем Ник — не тот красавец-босс, крутой парень и задавака. Он сильно обгорел, почти не видит, руки и ноги повреждены очень сильно, часть пальцев на ногах удалили. Лицо пострадало. Он на коляске передвигается, но не позволяет считать его инвалидом. Помнишь кино про Фредди Крюгера? Так вот, тот красавец по сравнению с Ником. И я тебе скажу так, мелкая дрянь, если ты посмеешь его жалеть, я тебя сам убью.

— Назовешь еще раз дрянью, пожалуюсь Нику. Где же он был два с лишним года? — В голове было сложно уложить информацию. Жалеть Ника? Она больше не самоубийца.

— Он давно уже здесь. Хотел оставить тебя наедине с твоим счастьем и любовью. Я привез его через год где-то после той аварии. Он лежал в Москве, в ожоговом центре. Там произошла путаница, его привезли без документов, по сути, на опыты. Испытывали на нем какую-то искусственную кожу, жидкую вроде. Это его и спасло. Я нашел потом врача, что его туда пристроил. Не поверишь, патологоанатом из подмосковной больнички. Он его из холодильника на вскрытие взял первым из наших пацанов, и случайно почувствовал пульс, нитевидный как он сказал. А его кореш диссертацию писал по этой коже, ему случай нужен был тяжелый. А на всех наших менты уже справки дали — мертвы все. Этот дедок, звонит своему корешу и отправляет обгорелый полутруп в институт. А мне дают свидетельство о смерти без трупа, типа сгорел до пепла, схоронили.

Когда Ник очнулся, он не помнил ничего почти. Только детство, а мы же в детдоме вместе были, вот он меня и вспомнил, только через год почти. Ты уже наследство получила и уехала. Я Ника год по европейским клиникам таскал, что смогли, восстановили. Он все тот же, потихоньку вспоминает, но еще не все. Тебя помнит. Братва вся его признала, но по бумагам он мертв. Сейчас у него, как и тебя, другое имя, другое лицо, другая жизнь. Я свою долю наследства ему вернул, а твою он брать не хочет. Да, и про садиста-красавчика своего ему не пой, мы всё знаем, и что он сейчас в реанимации после инфаркта, тоже.

— Кто в реанимации? Дэн? Но как? — От неожиданности голос Ксении дрогнул.

— Ишь, как любовничка своего жалеешь, а он тебя пожалел? Не смей при Нике даже вид показать, а то он его уроет. И так уже людей послали, разденут твоего милого до нитки. — По тону Макса было понятно, что он так и не простил ей, что она не смогла

ответить на любовь Ника. Ха-ха, любовь. Да он виду не подал ни разу, а ее и сейчас ледяной ужас охватывает при воспоминании о его взглядах.

За разговором они приехали к коттеджу, окруженному высоким забором. Ворота открылись автоматически, везде стояли камеры наблюдения, а живых охранников, как раньше не было. Увидев, как девушка внимательно осматривается вокруг, Макс усмехнулся.

— Правильно догадалась, на людях появляться не любит. Теперь у нас все электроника. Только медбрат один живой, да кухарка. Помнишь, повариху твою? Когда отель продали, она осталась без работы. Мыкалась долго, потом я ее здесь на базаре встретил. Она Нику стала второй матерью, потому смотри, вякнешь не то, быстро скалкой в лоб получишь.

Они подошли к резным белым дверям кабинета, Макс постучал, дождался ответа, и открыв дверь, шутовски поклонился Ксении, протягивая руки:

— Прощу вас, мадам!

В комнате был полумрак, толстые шторы закрывали окно. На столе горела лампа, с низким абажуром, так что лицо сидящего за столом человека было в тени. Ксения старалась подавить внутреннюю дрожь и в голосе.

— Ну здравствуй, Ник! Рада что ты жив. Хреновое было дельце, тебя обыграли в тот раз. — Голос не сразу подчинился, но к концу фразы удалось выровнять.

Хриплый смех был ей ответом, голос человека не был голосом Ника — обожженные связки выдавали лишь шепот, хрипловато-свистящий, режущий ухо.

— Узнаю мою наглуую Куклу! Ты девочка, ни хрена не рада моему воскрешению! Ты была рада, когда я сдох.

— Врать не буду, была рада, свободу почуяла. Только вот где моя свобода и где я. Так что забудем, теперь я рада, что ты жив! — Она обошла стол, нагнулась поцеловать его в щеку. Но Ник резко отъехал на кресле, подняв руку в перчатке.

— Не смей! Никогда не подходи ко мне! Никогда не прикасайся ко мне! Это правило для всех! И не смей меня жалеть! Я все еще сильнее тебя и многих других. — Голос был тих, но прежний металл все же слышался.

— Как скажешь, — равнодушно ответила девушка, и вернувшись назад уселась на диван, закинув ногу на ногу, — узнаю старину Ника, вечно у тебя тараканы в башке. Слушай, я устала, хочу есть и спать. Ты распорядись, а? А вечером нам придется поговорить.

— Вечером я тебя не смогу принять, у меня процедуры разные. Говори сейчас. И давай без соплей — коротко, и по существу.

— Ок. Я беременна, и отзови своих братков, которые поехали по душу Дэна. Не хочу быть причиной смерти отца своего ребенка. Пусть живет.

— Ну ты наглая, Ксюха. Ты уроду лям баксов накатила, хату бомжам отдала, а папа Ник тебя даром кормить будет? Теперь еще и со щенком этого уroda? — Насмешливый шепот сипел и хрипел, как меха старой гармони.

Ксения вскочила, и перегнувшись через стол к лицу Ника тоже зашептала:

— Не смей! Мой ребенок никогда не будет щенком! Он мой, и только мой! Бабки забери, а Дэна не тронь! Твои бабки мне тоже не нужны, сама заработаю, ты забыл — у меня европейское образование и два языка? А еще твоя наука, да мне цены нет. Твои конкуренты меня не раз вербовали, а я ведь могу и согласиться.

— Сядь! — Ник молчал минут пять, потом раздался смех, сперва показавшийся кашлем. — Наконец-то у моей игрушки прорезался голос, я думал, ты всю жизнь будешь по чужой веревочке ходить. Только ты забыла — образование у Оксаны Валеевой, а ты теперь у

нас кто? Вот то-то же. Все, свободна, я тебя услышал. Иди, Макс покажет тебе твои комнаты, и где кухня. Пошли вон все! Кому я сказал!

Ксения лениво встала, хмыкнула и послала воздушный поцелуй силуэту за лампой.

— Пока, милый, я вижу ты не в духе. Соскучишься, знаешь где меня найти, — и покачиваясь на каблуках, походкой от бедра, как ее учил Ник, удалилась из кабинета. В коридоре, под насмешливым взглядом Макса, вытерла холодный пот со лба.

— Есть и спать. Веди меня, верный Санчо Панса!

В кухне тетка Маруся кинулась обниматься, потом отскочила, смутившись.

— Ой, простите, я по-простому. Уж очень рада вас видеть!

— Спасибо, тетя Маруся! Я тоже рада вас видеть! А почему вы здесь? Что случилось с отелем?

— Сожгли нас, дочка. Говорят, искали какую-то женщину, то ли шпионку, то ли воровку. Вроде думали на тебя, ты только уехала, через месяц и сожгли. Добро никто не погиб, но наших всех жалко... Кто где, всех пораскидало. Ой, я болтаю, а ты кушать, наверное, хочешь? С дороги же!

Забегала, накрывая на стол прямо в кухне, запахи пошли упоительные, аж желудок выдал громкую руладу.

— Ого, — засмеялась кухарка, — проголодалась! Сейчас я тут накрою, и мы поговорим по-бабски, ты мне все расскажешь, что и как.

Обед занял почти два часа, историю своей любви Ксения рассказала осторожно, без подробностей. Изменил, обманул, нашел другую. Тетка Маруся аж слезу уронила, надо же, а такая любовь была! Такой порядочный мужчина! Никто бы не поверил!

Перед сном девушка долго думала о Нике, о том холоде, что опять поселился в душе. Она боялась жалеть его, но помимо воли, жалость крутила в душе, как крутит суставы при гриппе. Она успела рассмотреть его лицо, да это было ужасно, но не ужаснее, чем она себе представила. Карие глаза, полуслепые, но живые и с огромными зрачками, придавали беззащитный вид ужасному Нику.

Глава 4. Планы на жизнь

Утром за ней пришел Макс, удивленно-радостный. Не хамил, глазами не прожигал. Ксения напряглась, что ж изменилось за ночь.

— Не поверишь, Кукла, наш босс просто ожил с твоим приездом. Вчера от массажа с мазями не отказался, знаешь, как шрамы болят и тяжело их разрабатывать? Боль, что аж зубы крошатся. А сегодня с утра изъявил желание завтракать, вместе с нами. Маруся уже накрыла в столовой. Только уж прости, солнце он не любит, шторы будут закрыты.

В пустом доме и правда была праздничная атмосфера, вроде бы все так же, но гнетущей тишины нет. В столовой накрыт стол, на крахмальной белой скатерти куча блюд и тарелочек, запах Марусиной выпечки окутал весь дом.

Ксения с Максом сели — он справа от прибора в торце стола, она — слева. Ждали молча. Ровно в девять, под шум электромотора, въехал на коляске Ник.

— Доброе утро! Я решил, что самые близкие мои люди вполне могут справиться с нервами, и привыкнуть к моему внешнему виду. Надеюсь, аппетит я вам не испорчу? — Сарказм был тот же, хотя голос иной, и если не всматриваться, а только слушать, вполне можно привыкнуть, решила Ксения.

— Доброе, Ник! Не испортишь, я так хочу есть! У меня пока нет токсикоза, а есть жуткий жор. Так что, пожалейте меня, давайте начнем без предисловий!

Ник опять улыбнулся, и кивнул Максусу на блюда, накрытые серебряными колпаками. Тот открыл все, положил ему на тарелку немного паровой рыбы под сливочным соусом, ломтик хлеба. Ел Ник левой рукой, правая в перчатке лежала на подлокотнике кресла.

Ксения же с удовольствием подвинула к себе омлет, потом рыбу, потом попросила сделать кофе латте в большой кружке, и приступила к пирожкам.

— Детка, если ты будешь так есть, к родам ты не войдешь ни в одну дверь, — прошептал Ник, давно отложивший вилку, и с непонятной гримасой, разглядывавший Ксению.

«Да, надо еще научиться определять, когда он улыбается, потому что на улыбку это совсем не похоже» подумала девушка, а сама засмеялась.

— Сама не знаю, куда в меня лезет. Вчера груш съела штук пять, а сегодня еще хочу, как будто умру без них. Скажи спасибо, что груши, некоторые тетки известку и мел жрут.

— После завтрака Макс отвезет тебя в больницу, пройдешь полное обследование. Если надо — будешь неделю туда ходить, я хочу, чтобы с тобой все было хорошо. Мне теперь не грозит занять семью и детей, и твой ребенок станет моим наследником. Поэтому, прошу всех так к нему и относиться.

— А ты ничего не попутал, мой безумный босс? Это мой ребенок, и он будет только моим.

Макс тоже охренел от заявления друга, и прокашлявшись, попросил:

— Ник, давай не делать поспешных выводов. Если тебе нужны дети, мы можем нанять суррогатную мать, сделать эхо и так далее. Вон Киркоров себе уже двух сделал.

— Макс, ты мне друг и брат, но решать я буду сам. Мои решения не обсуждаются. Кукла, ты поела? Вас ждут к десяти, я договорился.

— Ник, я должна тебе сказать, там, когда я выплыла из реки, и чуть не сдохла, я дала себе слово — никто никогда больше не будет управлять моей жизнью. Тем более жизнью

моего ребенка. Даже ты. Оставь эти глупые планы.

— Детка, помолчи. Подумай и ты поймешь, тебе это ничего не стоит. А без моей защиты что ждет тебя и твоего ребенка? Какое из своих имен ты ему дашь? Макс, свободны, уведи ее, иначе я рассержусь. — Как всегда босс был бескомпромиссным и упертым.

Ксения скомкала салфетку, и зло бросила ее на стол, глядя в глаза Ника встала, возмущенно пыхтя, потом повернулась и пошла собираться. Вслед ей полетел то ли кашель, то ли смех.

В платной клинике их встретили как дорогих клиентов, по всем кабинетам Ксению сопровождала медсестра, УЗИ, анализы — все показало, что и будущая мама и ребенок абсолютно здоровы. Никаких дополнительных исследований не понадобилось. Обратно в коттедж вернулись после магазина, Ксения купила все необходимое, потому что в спешке побега не подумала о самом простом — ни зубной щетки, ни минимального набора косметических средств.

Нику уже доложили, что здоровье безупречно, но тем не менее наговорили кучу требований — по режиму, витаминам, питанию, физической активности. Словом, к их возвращению были доставлены куча разных вещей, витамины, фрукты, экологически чистые продукты, вещи для будущей мамы и ребенка, все из самых лучших гипоаллергенных тканей. Ксения, войдя в свою комнату, поначалу просто обалдела от количества фирменных упаковок, среди которых ее поразили упаковки женского белья, не эротично-кружевного, а хлопково-удобного.

Прибежавшая Маруся, восхищалась каждой вещичкой, помогала разбирать вещи, и создавала такой умильно радостный фон, что постепенно и Ксения втянулась в этот процесс.

Вечером, когда Ксения сидела в большой гостиной с книжкой и скучала, к ней пришел подвыпивший Макс. Ник, по-прежнему вечерами предпочитал быть в одиночестве, и Макс пил виски, сидя рядом с Ксенией, и болтая обо всем.

В этот вечер Макс выпил больше обычного, и разозлился на замечание девушки, что он относится к Нику как раб к хозяину.

— Да что ты можешь понимать про нас, ты, домашняя девочка, которую растили мама и папа, баловали и спать укладывали под сказочку? А мы — детдомовские, у нас пап и мам не было, знаешь, что такое детский дом? Во что превращаются дети живущие там? Это волчата, и далеко не безобидные. Ник стал для нас всех старшим братом, хотя по возрасту он и не старше меня. Когда он к нам пришел, в комнате нас жило семь таких же сопливых пацанят, по шесть-семь лет. Ник был восьмым, восемь железных кроватей, ободранные тумбочки, казенное серое белье.

Все думают, что самое страшное, это голод, отсутствие красивой одежды. Нет, это не самое страшное, еда была, ее хватало. Пусть невкусная, но достаточно, раз в неделю — выход в кинотеатр, одежду тоже какую-то выдавали. Самое страшное — насилие. Когда уходили воспитатели, дети оставались один на один друг с другом. Отбирали конфеты, их следовало сохранить до вечера, и откупиться от гиен. Детей били, издевались за просто так, потому что сильнее. И парни постарше насиловали детей. Да, всех детей, не только девочек.

Где-то через пяток дней, после того как Ник к нам пришел, изнасиловали пацана — ему было лет восемь, я помню, как он лежал лицом в подушку, от стыда не показывая лица, и не разрешил нам говорить воспитке о случившемся. Через день у него начался сепсис, тот насильник был здоровый парняга, лет 16-ти, а весил все сто килограмм, наверное. Он порвал пацану все внутренности, и пацана не спасли, потому что мы тоже промолчали.

Тогда Ник всю ночь раскачивал изголовье железной кровати, отогнул поперечину и вытащил металлический вертикальный стержень. Он держал его под матрасом, на ночь возле двери мы ставили стул, чтобы проснуться, если полезут к нам. Однажды ночью они пришли — банда пятнадцатилетних насильников с подпевалами, первый же кто просунул руку отодвинуть стул, получил прутом по пальцам. Ник сломал ему все пальцы, и тот побоялся сознаться, кто его ударил и за что. С тех пор у него было прозвище — Бешеный Ник. Мы ходили все вместе, нас пытались подкараулить на лестнице, затащить в темный закуток — Ник бросался в драку первым, и мы вставали за его спиной. Мы кусались, царапались, пинали куда достанем. Два месяца мы выдерживали осаду, потом нас оставили в покое.

В свободное время Ник ходил в спортзал на первом этаже, тренировал выносливость, прыгал, бегал, лазил по канату. Сперва мы просто ходили за компанию, потом начали тренироваться тоже. Потом он затащил нас на секцию при школе, мы стали заниматься дзюдо, уже с нормальным тренером. Он таскал нас в тир стрелять, в секцию бокса, мы бегали в парке. Единственное, чего Ник не мог терпеть — слёз и воровства.

Уже в тринадцать лет он был главарем детской банды, не знаю, как назвать иначе, и держал весь детский дом. Причем боссом он был жестким — спорт, учеба, хоть тройку, но ты должен был получить. Воспитатели и директор его обожали — дисциплина железная, все дети занимаются спортом, успеваемость подтянули. И с тех пор в детском доме не было насилия... Да, девочки спали с парнями — но только по согласию, пацанов не трогал никто. Ник девок презирал, называл их «детдомовскими давалками», и с ними не спал никогда. «Чистые» девочки в школе с нами не дружили, поэтому его первая любовь была уже в колледже.

Девчонка, сирота как мы, но жила с бабушкой, тонкая бледная моль, но что-то в ней Ник нашел. После первого курса нас забрали в армию, а эта дура оказалась беременной. Никому не сказав, очень боясь своей бабушки, она пошла с нашими дурами на криминальный аборт. Умерла от потери крови. С тех пор Ник не любил никого, нет, бабы были конечно, он же живой. Вешались они на него пачками, но больше пары месяцев он ни с кем не встречался.

Когда он привел тебя, ты была похожа на его бледную моль. Я видел, но он сам не понимал, что влюбился в тебя, он как с нами в детдоме — жесткими методами воспитывал тебя, гнул под себя.

— И как же он стал криминальным авторитетом? От детдома это далеко, и от Ника Робин Гуда тоже.

— А это уже другая история, когда мы вернулись из армии, страна лежала в разрухе, разгар девяностых. Это у тебя был дом, родители, а у нас ничего. Дэн и здесь нас вытянул, мы в бойцах недолго бегали, через год у нас уже шиномонтажка с автомойкой была. Ник ее в карты выиграл, все наши там жили, на втором этаже. Потом была война авторитетов, ну так получилось, что помог Ник одному крутому. Потому его никогда не трогали, он сам по себе, ни под кем не ходил. Он постоять за себя мог, но силой не любил, больше хитростью, ну тебе ли не знать.

— А что стало с тем бандитом, что сжег его тогда в Москве? Не поверю, что вы не отомстили. — Ксения помнила, что за компромат был и как они его добыли.

— Дяденька убежать не успел. Он в свое время общак у урок спер, потом переобулся и в бизнес, еще в депутаты залез. Кому надо, получили все документы в тот же день, дядя не

знал про новые технологии. Ник должен был вернуться и отменить отправку электронной почты. Раз не вернулся, компромат ушел кому надо. Говорят, дядька перед урками на коленях стоял, руку ему правую отрезали живьем...

— Все! Избавь меня от кровавых подробностей! — Ксения ушла к себе, и еще долго перед глазами её стояли эти маленькие озлобленные пацаны, защищавшие свою жизнь, и как бы это грубо не звучало — задницу, с железными прутьями в руках. Ей стало жаль Ника, его жизнь была вечной борьбой, откуда там могла быть любовь и доброта? И тем не менее, он следил за её жизнью, пришел на помощь. С этого дня Ксения стала относиться к Нику немного по-другому. Он уже не казался ей монстром, и неожиданно прошел страх.

Глава 5. Новое имя, новая жизнь

На следующий день, после позднего обеда Ник пригласил их вместе с Максом к себе в кабинет. Когда Ксения попыталась поблагодарить его за подарки, он остановил ее жестом. Макс толкнул её локтем, видимо перебивать босса теперь не принято.

— Макс, я подумал, здесь нашей мадмуазель оставаться не стоит. Помнишь, у нас в отступных от того крутого москвича остался особняк в Испании? Мы тогда оформляли его как раз на имя Миланы. Ты же сейчас приехала по этому паспорту? Завтра же закажи ремонт, новую обстановку, дизайн, чтобы все было прилично, но без шика. Как только дом будет готов, наша Ксения — Милана едет туда. Потом нам надо будет ее там легализовать — ищем кандидата на брак, так чтобы взял деньги, дал фамилию и исчез из поля зрения. Без мокрухи, ясно? Лишь бы гражданство сделать. Через пару лет оформим развод. Дом, как я помню, на две изолированные квартиры? Вторую обставить для меня. Я буду там жить примерно месяц из трех. Задача ясна?

Теперь ты, душа моя. На твоём счете моих денег больше ляма баксов. Забирать я их не буду, раз ты хочешь быть самостоятельной, я позволю тебе работать, но не раньше, чем ребенку исполнится полтора года. Пока живи, отдыхай, учи испанский. У тебя же только английский и немецкий? Время есть, справишься. Если мне нужно будет где-то появиться в сопровождении жены, ты будешь ее изображать. Не в России, а за границей, здесь мне светиться не с руки. Кроме того, ты делаешь все переводы, ведешь всю переписку с иностранцами. И если мне нужно, чтобы ты была милой — ты будешь милой. Скажу быть стервой — будешь стервой. У меня есть планы на бизнес в Европе, мне нужны партнеры, и ты мне поможешь. Есть вопросы?

— Нет вопросов, большой босс. Мое положение не позволит спать с кем-то по твоей указке, но и потом я этого делать не буду. Все остальное — сколько угодно. Я все же занималась своим маленьким бизнесом, и совсем неплохо. Опыт у меня есть. Только прошу, не говори со мной таким тоном, я больше не маленькая девочка, не твоя Кукла, ок?

— Учту, но и ты учти, ошибок и предательства я не прощу. По поводу твоего Дэна — я его не буду убивать. Но дело его пощипаю, потом лично объясню, за что. И больше на эту тему мы не говорим. Свободны, партнеры!

— Ник, прости, могу я поговорить с тобой наедине?

— Не сегодня. Свободны, я сказал. Макс, утром с тебя доклад по всем делам, и так три дня уже запустили все дела. И там у тебя в почте расписание — завтра я жду всех начальников служб по всем направлениям.

Выйдя из кабинета, Ксения удивленно глянула на Макса:

— Что-то изменилось? Кроме охранной службы у вас завелись другие дела?

— Ты многого не знаешь, мы теперь главные акционеры «Инженерных Технологий», большой холдинг, у нас ряд объектов строится, часть из них входит в олимпийские. Страна готовится к олимпиаде, разве мы можем остаться в стороне, и не заработать свой миллиард? — За легким тоном скрывалась гордость за достигнутое. — Вот только раньше он лично ни с кем не встречался. И это меня радует, босс-призрак не всегда может иметь вес.

— И как вам удалось влезть в такие дела? Там же свой на своем сидит. Строительный бизнес давно поделен по всей стране.

— Мы в курсе, что твой любовничек был из этих кругов, нахваталась вершков? А

помнишь, мы земельки в Сочи ухватили в полпобережья? Цена ее выросла, и мы, как собственники, имели преимущество, поделиться пришлось конечно, не без этого. Но теперь мы вполне легальный холдинг, с огромным штатом людей и миллиардным оборотом. Завтра представлю тебя дирекции, ты уже в штате, личным помощником генерального! Гордись, кукла. С маленькой гостинцы — в левые руки директора холдинга, это рост.

— Отчего же не в правую руку? — Упоминание о Дэне испортило настроение, и да, все что ей было известно в этой сфере, с его же слов.

— Не наглей, правая рука здесь и навсегда — я. А ты — каприз босса. Помни об этом. Сегодня он тебя поднимет, завтра кинет. Будь осторожна, я слежу за тобой! — Макс улыбнулся акульей улыбкой, помахал рукой и ушел.

Ксения усмехнулась в душе, если б он знал, что это внимание Ника, к которому так ревнует, эти деньги и положение — ей не нужны. Хочется маленький домик, сад и возможность растить ребенка.

Перед ужином ей позвонила Маруся, предупредила, что сразу после ужина приедет машина, повезет ее на прогулку на побережье. Ксения вышла к ужину сразу в легком платье и балетках — не спорить же с этим сумасшедшим по пустякам. На берег они приехали втроем, водитель ловко выгрузил коляску, помог Нику сесть, и остановился, цепко оглядывая окрестности. Ник поехал тихонько по дорожке вдоль берега, девушка пошла рядом. Разговор не клеился, Ник молчал, она тоже. Гуляли больше часа, ей хотелось спросить о его лечении, что еще можно сделать с этими шрамами на лице и руках. Но каждый раз, взглянув на лицо Ника, она глотала фразу.

Так и повелось — один раз в день, иногда после завтрака, иногда вечером, их вывозили на прогулку. Она привыкла к молчаливому присутствию Ника, его голосу, его шрамам и постепенно перестала их замечать.

Её представили совету директоров как личного помощника, в доме оборудовали кабинет. Переводов было мало, вряд ли на это пятнадцатизэтажное офисное здание она была единственным переводчиком. Тем не менее, она постоянно была занята, и если первые дни она еще плакала по ночам, вспоминая Дэна, то потом ей не дали такой возможности. Ник велел ей читать все договора, проводил с ней ликбезы, поясняя детали и каверзные моменты. Кроме того, уроки испанского, заучивание по пятьдесят слов ежедневно, аудио уроки, она стала так занята, что времени совсем не оставалось для грусти.

Однажды вечером она узнала Ника ещё с одной, неожиданной для себя стороны. Она услышала разговор, удививший её и пробудивший много вопросов. Макс вечером обратился к Нику:

— Босс, звонила директриса, Аннушка говорит пацаны выиграли олимпиаду по физике. Областную, теперь надо ехать в Москву, нужны деньги.

— Какой класс? Сколько их? Кто поедет с ними?

— Десятый вроде, парней трое, все три первых места наши. Поедет Аннушка и физичка. Надо пацанам подарки что ли, сделать, — мужчина задумался, вспоминая.

— Отлично, переведи сколько надо, дай поручение общему отделу, пусть билеты и гостиницу закажут. Пару-тройку дней добавь, пусть погуляют по столице. Это и будет подарок, баловать не будем. Пусть Аннушка там насчет поступления сразу присматривается. Если выиграют, или хоть в первый десяток попадут, отправим учиться в столицу. А насчет подарков, как обычно, выпускникам.

Ксения еле вытерпела, чтобы подловить одного Макса и расспросить об этом разговоре.

Оказалось, они помогают своему детскому дому, где Аннушка — это директор.

— Понимаешь, Ник настоял, создать попечительский совет. И все бывшие воспитанники, кто чем может помогают. Кто деньгами, кто детей на лето в деревню берет. А помощь распределяет совет из старших ребят и учителей. Иногда на общем собрании решают, что купить. Наши дети и на море ездят, и компьютерный класс у них есть, и ансамбль. Борька-боксер подарил недавно новый автобус. — Видно было, что он гордится этим, и готов рассказывать бесконечно.

— А что за подарки выпускникам?

— Ну во-первых, мы следим чтобы дети получили квартиры от государства, как положено по закону. Они же дурачки, их кинуть легко. Девочки, как правило, просят платье на выпускной, парни — телефоны. За золотую медаль дарим ноутбук, помогаем устроиться, кто хочет учиться — помогаем, на работу устроиться, ну как-то так.

— А кто глава этого попечительского совета? Ник?

— Был Ник, после этой истории — я. Но все равно он босс, он все решает.

— А почему он сказал — баловать не будем?

— Да мы поначалу давай всем детям телефоны, тряпки покупать не глядя. Только что легко получено, не ценят. За месяц они все просрали — кто продал, кто потерял. Потом поняли, что надо заработанное давать, чтобы ценили. Чтобы не привыкали, что в жизни левые плюшки будут.

Ксения долго ворочалась перед сном, вспоминая жесткого Ника, как он хлестал её по лицу, останавливая истерику, и не могла поверить, что этот человек может о ком-то заботиться. К утру она поняла, что и это его поведение было проявлением его жесткой заботы, ну уж как умел. К тому же воспоминания не принесли особой гордости, она вспомнила, как закупала шмотки в Питере, как кутила в Казани, и краснела под одеялом. Господи, как ей повезло, что встретились такие люди, как Борис Моисеевич и Ник. Иначе она плохо бы закончила, спилась бы точно.

Прошло два месяца, близился сентябрь, когда сообщили что дом в Испании готов полностью. И опять жизнь круто повернулась, прилетели они туда втроем, за неделю обустроили ее жизнь, и она осталась одна. Работа по интернету, берег, вот он океан, но гулять одной было скучно. Нет пикировок с Максом, сарказма Ника, пирожков и шуток Маруси.

В помощь ей Ник нанял девушку — филиппинку, прислугой за все — уборка, магазин, готовка.

— Почему я не могу выбрать сама? Я предпочла бы русскую девушку, или украинку.

— Потому что ты будешь с ней дружить, делиться тряпками и секретами, а потом убиваться, что тебя предали. Исключено, лучше, чтобы прислуга не знала языка, не подслушивала, не предавала потом. — И как всегда, Ник был прав.

Дом был выполнен под старину — из желтоватого камня, с огромными окнами, балконами и террасами со стороны моря. Светлые деревянные полы, пахнущие воском, тонкие белые драпировки на огромных окнах в пол, светлая резная мебель. Много солнца, дубовые широкие ступени лестниц, огромная кухня, с печами и стилизованными под старину (а может и настоящими?) медными кухонными принадлежностями, назначения которых Ксения и не знала, корзинами с фруктами и овощами.

Кабинет с массивной мебелью и шкапами, портретом Ника над камином, внушал ей тоску. На портрете змей был молод, красив и полон надежд. Сейчас от того Ника остался

только сарказм. За портретом классически прятался сейф, куда она должна была убирать все до единой бумаги. Такой же режим секретности был и на ноутбуке — распознавание по лицу, защищенная сеть. Ксения фыркала поначалу, что секретного в строительных контрактах? Или на поставку сантехники? Но босс требовал — она подчинялась.

Потом ей стали доверять больше, переводя некоторые письма, она догадалась, что и в просвещенной Европе не гнушаются взяток и откатов, и так же готовы на все за деньги. Суммы в контрактах были грандиозные, хотя строили всё российские фирмы, но материалы и оборудование закупались по всему миру. И поставщики были готовы драться и идти на все, дабы получить заказы такого объема — итальянская сантехника на один отель класса пять звезд тянула на бюджет небольшого государства.

На половине Ника поселились два охранника, не позволявшие ей садиться за руль, одной выйти в лавку за соком, даже когда она плавала в море, с берега на неё хмуро смотрели два суровых глаза. С Ксенией они почти не разговаривали, и она стала привыкать к их присутствию. Через месяц лица сменились, потом опять. Видимо, вместо премии лучших бойцов отправляют на месяц на легкий труд, для себя решила девушка. Один раз в месяц она посещала врача, здесь к беременности относились проще — никаких ограничений и навязанных схем питания.

От скуки она стала посещать кружок русских эмигрантов, но как только Ник узнал об этом, так тут же наложил свое вето. Осталось море, гимнастика для беременных, общение по скайпу с Ником и Максом, чисто по работе. Ну и испанский, конечно.

Глава 6. За все нужно платить

Где-то назойливо пищал какой-то прибор, не давая вернуться в беспамятство. Во рту все пересохло, спина страшно устала от лежания, а повернуться не давали какие-то трубочки во рту и иглы в руках. Попытка открыть глаза удалась только с третьего раза. Перед глазами был белый потолок, слева — окно за ширмой, справа кто-то стонет и мечется. Дэн попытался кашлянуть и позвать кого-нибудь, потянулся сесть, но сил не хватило. Прибор запищал чаще и громче. Послышались легкие шаги, и из-за ширмы выскользнула тонкая фигура в сиреновом медицинском костюме.

— Тихо, тихо! Вам пока нельзя вставать! — Девушка легко нажала на плечо, укладывая его назад, быстро проверила капельницу.

— Пить! Можно мне попить? — Из-за пересохшего горла голос был сиплым.

— Придет доктор, и скажет можно или нет, а пока так, — и она бинтиком смочила губы, он невольно попытался проглотить воду с бинта, но в рот почти ничего не попало.

— Где я? Что со мной? — Теперь он увидел, что лежит голым, на высокой, как стол, кровати, под ним одна тонкая простынка поверх клеенки, и укрыт он до пояса так же тонкой тканью. Было зябко, неприятно, и затекли все органы.

— Вы в реанимации, вам сделали операцию на сердце, сутки назад. Пока вам еще ничего нельзя. После наркоза может тошнить, а это опасно. Остальное расскажет врач, я не имею права.

— Пить нельзя, можно прополоскать рот, — с трудом выговорил Дэн.

— Хорошо, сейчас. — Медсестра принесла стакан с глотком воды и судок, Дэн набрал глоток, и почувствовал блаженство — казалось вся вода впиталась в язык, — сплюньте сюда, пожалуйста. И потерпите, врач будет через полчаса, он на планерке.

Закрыв глаза, Дэн вспоминал последнее, что было до того, как его поглотила тьма. О, черт! Сергей же сказал, что Оксана утопилась! От этой мысли в груди опять зажгло углем, а приборы сошли с ума. Вокруг забегали люди, что-то кололи, под нос совали нашатырь, но он опять лишился сознания.

Привели в себя его не сразу, боль в груди не хотела затихать, дыхание никак не выравнивалось, и тут кто-то резко хлестнул его по лицу. От неожиданности он открыл глаза. Строгая женщина, лет за сорок, в больничной шапочке и маске, склонилась над ним.

— Стоять! Умирать не в мою смену! Тебя три часа вытаскивали, а ты нам всю работу насмарку! А ну держись, ты мужик или кто!

Я мужик, нет я не мужик, я мудака, думал про себя Дэн, я убийца, зачем меня спасали? Я убил и... Оксану, и своего ребенка! Какое сердце может это выдержать? Вот оно и не хочет служить такому монстру.

Его накачали успокоительными, он либо спал, либо бездумно смотрел на ширму. В палате было три человека, почему-то за ширмой лежала женщина, за другой хрипел старик. Он и не знал, что реанимация внеполовое отделение, и там все равны. Как и для смерти, тупо размышлял он. Пришел ночной санитар, приступил к вечерним процедурам — подмыть больных, сменить простынки. Молодой симпатичный парнишка, делал все быстро и аккуратно. Женщина за ширмой завозилась, стала просить девочку-санитарку, стеснялась. Однако парнишка быстро пресек разговоры, выполнил свою работу, пригасил свет и вышел.

Какая ей разница? Мальчик-девочка? Радовалась бы, что жива. И опять скрутило в узел

и грудь и живот — жива, жива, он жив, а ... его женщина и ребенок? И слезы потекли по вискам.

Его перевели в палату, приходил психиатр, вел беседы, убеждал что надо жить. Приходили коллеги, приносили апельсины — он смотрел тупо, интересно, почему всегда апельсины? Мысли были вялы, охватила апатия. Есть не хотелось, жить не хотелось. Сергей, детектив, пришел ругаться, злой, как черт. Увидел развалины вместо человека, и ушел, не высказав своего гнева. Приехал Бушуев, молчал сочувственно.

— Где ее похоронили? — спросил Дэн наконец.

— Ее не нашли, два дня искали тело, река унесла. Енисей, он такой, не все отдает.

— Даже могилы не будет, ты знаешь уже, что она была беременна?

— Знаю. Не буду говорить, что ты не слушал меня. Но, скажу одно — я с тобой, ты мне как сын. Надо жить. Давай жить. А что не нашли, к лучшему, думай, что она жива. Она столько перенесла, может и сейчас выживет? Думай, что она где-то там, вдали у теплого моря.

Никто из них не мог выговорить имя Оксаны, язык не слушался, только «она».

Потом пришла Ольга, как будто они и не расставались. Безупречная прическа, тонкие чулки из-под белого халата, холодные духи. Ласково погладила по лицу, поцеловала в щечку, как друг. Стала выкладывать на тумбочку баночки и судочки — суп-пюре, паровые котлетки из телятины. Заботливая, тихая, не задающая вопросов. Когда разрешили ходить, выводила в парк, сидела рядом молча и держа за руку, так что он забывал о ее присутствии.

Она же привезла его домой, он зашел со сжимающимся сердцем, но в доме было чисто, пусто, и никаких следов Оксаны. «Ну да, я же забыл забрать у Ольги ключи». Он понимал, что она стремится занять место рядом с ним, что она рада тому, что соперницы больше нет. Но думать было больно, и по большому счету, ему было все равно. Ольга постепенно привезла все свои вещи, стала вести себя хозяйкой.

Дэн вышел на работу, и жизнь покатила вперед. Лежа без сна по ночам, он приходил в ужас — как же так, её нет, а все идет как прежде. Солнце встает и садится, идут дожди, скоро осень, люди идут на работу, живут, едят, ездят на моря, как будто на земле никогда и не было этой девушки. И он сам живёт. Пусть как робот, но живет. Дэн бросил спорт, похудел, виски покрылись легкой сединой, у губ и глаз залегли горькие морщинки.

Ольга видела, что она не сможет пробить эту стену льда, ей было обидно и жаль, жаль и себя и Дэна. Но отказываться от жизни, где все устроено так удобно, совсем не хотела. Она уговорила Дэна поехать в Ниццу — поправить здоровье. Он поехал, гулял с ней по берегу, ходил в рестораны, платил по счетам. Иногда они занимались сексом, после которого Ольга молча плакала в подушку, потому что это была чистая физиология и всё. О как она ненавидела эту сучку! Она бы ее утопила, удушила своими руками! Как она ненавидела этого отстраненного, бесстрастного Дэна! Как ей хотелось выплеснуть бокал вина в его безучастное лицо, или завизжать, или бить посуду в этом пафосном кабаке! Чтобы он хоть разозлился, хоть закричал, но проснулся! Но, воспитание наше всё, и она вежливо улыбалась, улыбалась, улыбалась.

Для себя она решила — доведет до ЗАГСа, и сразу же заведет себе любовника Молодого, страстного и живого! Но пока было еще рано, рано, и она терпела.

Компенсация за терпение была неплохой, трижды за поездку Дэн не глядя оплатил ее хотелки. А хотелки все были от Картье, с бриллиантами, и неплохим вложением на черный день. Одна брошь, трансформируемая в заколку, вычурная роза из белого золота с

прозрачными и розовыми брюликами, стояла вдвое больше ее машины. Злое удовлетворение, которое она получала, «раскрутив» Дэна, было заметно невооруженным глазом, хотя она думала иначе. Дэн все видел, все понимал, он еще раньше её рассмотрел, потому и расстался, но теперь... Теперь в душе была черная дыра, было так холодно, что чужая, черствая и жадная, но живая женщина, его устраивала.

Они уже собирались домой, когда с работы пришли жуткие вести. На стройке упал кран, погибли люди, пришла проверка, нашли нарушения. Работы остановлены по «Малой Венеции» полностью, им грозит расторжение контракта и потеря гарантии в миллион долларов, лежащей на депозитном счете.

Вернулись они поздно — на площадку их уже не допустили, доказать факт диверсии не удалось, хотя основания к этому были. Бушуев пытался помочь, но в дело вступили иные игроки, которые продавили одностороннее расследование. Дэн воспринял это как Божью кару, и в душе считал справедливым. Бушуев кричал, топал ногами, заставлял бороться, но не преуспел.

Вторым ударом стала «ошибка» главбуха — вместо аванса он перевел сто процентов предоплаты за материалы, а фирма оказалась однодневкой, и растаяла вместе с деньгами. Уголовное дело завели, главбуха таскали на допросы, потом освободили от подозрений, и тут он исчез вместе с семьей. Стало ясно, что против фирмы вышли серьезные игроки.

Дэн собрал у себя всех близких друзей — Бушуева, Сергея-детектива, второго Сергея — зама, Павла и Александра, программиста и полицейского. Мозговой штурм был направлен на выявление врага, перебрали всех конкурентов, никто из них такими методами не работал. Думали на криминал, но Сашка сказал, что среди бандюков сейчас нет таких, кто мог бы замахнуться на приличную фирму, так, шиномонтаж отжать, может быть. Остальные все давно во фраках и сидят высоко. Выпили по четыре чашки кофе, выкурили тонну сигарет. Ольга подавала кофе, морщилась от дыма, открывала балконную дверь, её не замечали.

Сергей-детектив косился на неё с предубеждением, у него в голове все крутилась мысль, но он никак не мог за нее ухватиться. Ольга пригласила в кухню-столовую на ужин, поставила на стол вино. Стала рассказывать о поездке на море, жалась к плечу Дэна, изображая счастливую жену.

— Море, море, — что-то меня цепляет в этом, опять подумал Сергей. И ушел мыслями, когда он был на море с семьёй, лет пять назад, вот только когда искал Ксению, один, по побережью поколесил. Он загрустил, вспомнив, что в смерти девушки есть и его вина. Ксения, море, что же тут может быть связано с наездом... Она там жила, она была мошенницей, как её там звали — Кукла Ника? Они кидали людей разными остроумными способами. Боже! Да вот же оно — тот же почерк!

— Дэн, я понял, что мне напоминает эта ситуация, мне кажется, я знаю кто твой враг. Только вряд ли тебе будет приятно это слышать.

Они ушли опять в кабинет, где Сергей изложил свою идею. Дэн с ходу ушел в черный ментал, а Бушуев поверил, что в этом что-то есть.

— Хорошо, если вы думаете, что он мстит за Ок... Ксению, я поеду к нему. Пусть он меня убьёт, я хочу его увидеть.

— Сынок, такого дебила как ты, можно слепить только вручную. Ты поедешь, чтобы ему было проще тебя искать? — Бушуев побелел от гнева. — Надо строить защиту, искать поддержки у местных.

— Мы, конечно, поищем гастролеров, — задумчиво проговорил Санька, — но вряд ли

что докажем. Очень уж ловко тебя слили — за две недели на два ляма деньгами, не считая лопнувшего контракта. Кто бы не был этот Ник, но он гений.

— Я виноват, и я сам понесу ответственность. Завтра же я лечу в Сочи. Саш, поехали со мной, мало ли на югах Ников. Твои коллеги, может быть, помогут, ну или хоть расклад дадут.

Глава 7. Лицом к лицу, и лица не увидеть

Самолет заходил на посадку, над морем был легкий туман, город был в дымке. Но море приковывало взгляд своей синевой. Пассажиры, наверное, последнего сентябрьского заезда, ерзали в нетерпении. Дэн, который все два дня сборов держался холодно, как и всегда теперь, чувствовал уже привычную ноющую боль в сердце. При виде волн, сверху так медленно-медленно накатывающих на берег, воспоминания вспышками затопили душу. Вот они плавают в море в Судаке, он ловит холодную от воды девушку, и целует солёные губы. Вот они бегут по пляжу, смеясь и падая на песок, вот Оксана, легкая как перышко, вприпрыжку бежит к нему по лестнице, а он ловит её внизу.

Пришлось сжать зубы и подышать глубоко-глубоко. И запретить себе вспоминать, запретить думать. Зачем он едет сюда? Зачем ему какой-то мафиози, явно же насильно использовавший девушку в своих делишках? Насколько он помнил Оксану, она не была стервой, а просто хрупкая беззащитная лодчонка в гремящем горном потоке. К тому же, в глубине души он не верил в это — ему казалось, что над ним посмеются — и все эти истории не имеют отношения к его... нет уже, не его Оксане, да и не Оксане, а Ксении. Так зачем он едет к Нику? Он же сам считает месть справедливой, и он же знает, что это не смертельно, да по фирме ударили, да ударили крепко, но она выстоит — у него есть еще стратегические планы, намётки. Только... нет куража, нет стимула. Нет желания жить, и если бы не друзья, которые полностью зависели от благополучия фирмы, он бы все продал, и уехал, в тайгу куда-нибудь.

Поселились они не в Сочи, а в Адлере, старинный санаторий Южное взморье, с новыми современными корпусами был выбран помощником. Дэн вообще не интересовался мелочами. Они заселились, пообедали в золотом зале для vip-клиентов, где приятно удивило разнообразие и шведский стол, много богаче турецких пяти звезд. Санаторий имел роскошный парк, с несколькими реликтовыми платанами, множество можжевельниковых деревьев, от чего запах в парке стоял потрясающий — море и можжевельник. Море и можжевельник... точь-в-точь, как на той прогулке по Голицынской тропе в Крыму. Опять сжало сердце, он махнул головой и пожалел, что не выпил бокал вина за обедом. Парни ушли купаться, а он увидел на берегу бар, с открытой террасой. Сел за крайний стол, и попросил сразу двести грамм коньяку. Солнце садилось, ветер стал прохладным, он замерз в шортах и футболке, все же вторая половина сентября здесь уже не лето. Он задумчиво смотрел на море, над головой то и дело ревели самолеты, заходящие через пляж на посадку в Адлере, но разве он их замечал?

Рядом плюхнулся Сергей, помощник. Его волосы были мокрыми, лицо обеспокоенным.

— Босс мы вас ищем уже час, хорошо я краем глаза увидел через эти растения. — Открытая терраса была увита каким-то вьющимся растением с резными листьями.

— Сашка поехал к своим коллегам, сегодня велел отсыпаться, все-таки разница во времени, и встали мы в три, и просил не бухать сильно, а на завтра он нам организует встречу. — Показалось, или в голосе помощника прозвучал упрек? Он кинул взгляд на стол — все прилично, сыр, лимон, бокал от коньяка. Два предыдущих милая девушка Анжелочка уже унесла.

— Завтра? Ты так уверен, что этот хмырь нас примет? Прямо завтра?

— Какой хмырь? Он имел ввиду своих коллег, для консультации.

— Жаль, мне уже тут дерьмово, я бы улетел домой.

— Так может отменим всё и вернемся? Добра от этого не будет, да и мы на их земле — тут нас вывезти и кинуть в море, как два пальца об асфальт.

— Закажи себе выпить, и отстань от меня.

Подошла официантка, предложила Сереге меню. Высокая девушка, с волосами, уложенными на макушке в изящную ракушку, тонкой шеей, и очень правильной речью, не свойственной южанам. Серега тут же сделал стойку, и начал строить глазки, пытаться втянуть ее в разговор. Дэн с пьяным сарказмом наблюдал за этими потугами, и был рад, когда у помощника ничего не вышло. Они сидели еще долго, Дэн выпил поверх коньяка пару чашек кофе, и теперь сон ему не грозил.

Серега пил пиво, заказывая по одному стакану, потому приглашал Анжелу каждые двадцать минут — он уже перепробовал креветок и варёных, и жареных, и сухарики, и сырны палочки, если б креветки не были такими мелкими — давно б лопнул. Каждый заказ сопровождался комплиментами, когда девушка приносила блюда пытался взять прямо из рук, так, чтобы коснуться руки девушки. Видно было, как ее это раздражает, но девушка была на высоте — сдержанная, отстраненная, она выполняла свою работу с дежурной полуулыбкой.

Уже стемнело, когда вернулся Александр, довольный и слегка выпивший.

— Ну что, все на мази, завтра в 12 утра встречаемся с местным начальником оперативного отдела в ОБЭПе, он обещал рассказать, что знает. Пришлось показать бумаги, что мы завели дело по факту мошенничества. Прошу лишнего не болтать, слушаете и молчите. Вопросы я буду сам задавать. Вау, какая прелесть! Чур, эта будет моя. — Этот ловелас заметил подходившую Анжелику.

— За мной будешь, я здесь первый! Третий час окучиваю! — возразил Серега.

— Ну, это мы еще посмотрим, давай пари!

Дэну было стыдно, что девушка слышит, как на нее заключают пари, а эти олухи даже не догадываются понизить голос. Анжела поставила перед Сергеем стакан пива, заменила пепельницу. Сашка, быстро заглянув на бейджик, включил свой бархатный охмурятор.

— Анжелочка, будем знакомы, меня зовут Александр. А что вы можете мне порекомендовать из блюд?

— Меню перед вами. Вы готовы сделать заказ? — Её выдержке бы позавидовал восточный боец.

— Ах, неужели вы мне не подскажете, что у вас самое вкусное?

Надо сказать, что и Александр, и Сергей — оба высокие стройные блондины, привыкли к женскому вниманию, и этот спор у них не был первым. Поэтому, два подвыпивших плейбоя были уверены в своей неотразимости, и не собирались сдаваться. Дэну надоели эти петушинные бои, и он вернулся в номер.

На завтраке обоих красавчиков не было, Дэн завтракал один. В одиннадцать он решил найти своих товарищей, пора было выдвигаться на встречу. Нашел он их обоих в том же баре, куда каждый явился с самого утра — победа в споре, видимо что-то значила.

— Мужики, ну это уже не смешно. Мы здесь по делу, вы не забыли?

Поле боя павлины покинули без радости, девушка никому не отдала предпочтения, более того, у нее был местный парень, и игрушкой на час для залетных мажоров она стать не стремилась.

На встречу в небольшое кафе рядом с городским УВД приехали заранее, расселись за

столом, заказали кофе, и стали ждать оперативника. Тот явился с небольшим опозданием, загруженный и какой-то усталый. От кофе не отказался, и попросил быстро принести ему комплексный обед.

Пока ждали заказ, он осмотрел всех троих, и начал разговор.

— Почему вы интересуетесь именно Николаем Костаниди? Дело в том, что он давно убит, года три-три с половиной назад, при разборках в Московской области. В свете этого ваш интерес подозрителен? Раздел сфер влияния?

— Упаси Бог, у меня строительный бизнес, в Сибири. Был наезд, с обрушением крана на стройке, потом увод денег из фирмы. У меня есть основания полагать, что это дело рук известного господина.

— Ну, если вы по тому делу, что возбуждено в Красногорске, то увя. Господина Костаниди нет в живых. Могу дать адрес кладбища, братки их привезли всех сюда, на городском кладбище огромный памятник из черного гранита. Ищите врагов в другом месте. А почему вы решили, что это он?

— У него работала девушка, может в курсе, прозвище Кукла. Это моя бывшая невеста, она погибла, и после её смерти начались неприятности на фирме. Мы полагали, это месть.

— Кукла? Да, слухи ходили, но в поле зрения не попадала. Последняя афера Костаниди была с землей на побережье, он скупил тут огромные территории, сейчас, в связи с подготовкой к Олимпиаде, он бы озолотился. Но все получили его наследники, вот там была какая-то женщина. Но она здесь никогда не жила, полька из Украины. Второй наследник — его заместитель по охранному агентству, Максим Авдеев, они из одного детдома. У него, как я понимаю, к вам никаких вопросов быть не может. Поэтому накопать здесь вы ничего не сможете. Авдеев сейчас зам генерального акционерного общества, какие-то там технологии. Строят отели на той самой земле, уважаемый человек, вхож во все высшие круги.

Дэн все же поехал на кладбище, постоял перед помпезным памятником из черного мрамора, изображающим Костаниди в полный рост, с упрямым взглядом из-под бровей и силуэтом гор на заднем плане. Что хотел Дэн от него услышать? Всё, всё напрасно.

Вернувшись в гостиницу, достал из бара бутылку виски, включил телевизор. Мужики сперва пытались его разговорить, потом ушли, явно в бар, продолжать борьбу за девушку. Дэн пил без закуски, один. Курил на балконе, ушел, потому что начали ругаться соседи. Опять пил и думал.

В темноте уже решил прогуляться, надо было забрать парней из бара, заказать билеты и возвращаться домой. Почему-то от мысли о возвращении сердце сжималось, и хотелось завывать. Он бродил по темным аллеям, выбирая самые пустынные. Неожиданно, его с обеих сторон подхватили крепкие руки.

— Тихо, господин Нейман. С вами хотят поговорить. Вы сейчас молча и спокойно идете с нами, садитесь в машину, и мы едем. Потом мы вернем вас сюда же.

Парни были в белых брюках и черных рубашках-поло, в темных очках, и вели его довольно быстро. Кричать было глупо, страха, что его убьют не было. Может, он где-то в душе на это надеялся, заплатить по счетам, и не мучаться, задыхаясь от боли по ночам.

В машине его усадили на заднее сиденье, профессионально быстро проверив наличие оружия, стиснули широкими плечами с обеих сторон. На выезде из города велели завязать глаза. Ехали долго, но судя по количеству поворотов — просто крутились, чтобы он не мог определить местоположение. Машина затормозила, въехала во двор. Охранники вышли, и придержав дверь, велели выходить, не снимая повязки.

Они вошли в дом, его вели так же под локти, потом он услышал стук в дверь и голос:

— Босс, мы его привезли, как вы сказали. — Ответа он не услышал, но его ввели внутрь, усадили на кресло и сняли повязку.

Он увидел кабинет, погруженный в полумрак, на столе стояла лампа, в лучших традициях допросов НКВД, направленная ему в лицо. За лампой кто-то был, но разглядеть лицо было невозможно.

Хриплый и какой-то скрипучий шепот отпустил охранников, и когда двери закрылись, спросил у Дэна.

— Ну, и зачем ты приехал?

— Я хотел встретиться с Ником Костаниди.

— Я слушаю тебя, встретился, и что? — В голосе был слышан сарказм, и какое-то презрение.

— Вы? Мне сказали, что вы умерли, я был на кладбище... — Дэн растерялся, он ожидал всего, только не разговора с «покойником».

— Я умер, но как видишь восстал из мертвых, чтобы получить у тебя ответ. Так скажи мне — почему?

— Что почему?

— Почему ты убил её? Ты же вроде как «любил» её? Она же, как собачонка за тобой побежала, декабристка блин, в Сибирь. Она же тебе все отдала, душу, жизнь, деньги? Тебе было мало? — На столе мелькнули руки в черных перчатках.

— Я...я... не убивал. Хотел отомстить, они моего брата убили, надо было остановиться, а я ... не смог. — Оправдываться в том, в чем сам себя признал виновным, было глупо.

— Что — именно Оксана? Убила твоего брата? Сама, своими руками? Как ты её, сам своими руками толкнул в эту реку? Я знаю все обстоятельства того дела, всегда знал. Девчонка — лохушка, мимо проходила. Бежала всю жизнь, как черт от ладана. Признайся, бабла стало жалко? Ты ж ведь, сука, не пришел, не сказал глаза в глаза, когда узнал. Не спросил, не поговорил. Ты ж год знал, с ней спал, а сам готовился, чтобы наверняка уничтожить. Ну как, как они тебе, эти иудины бабки? Спишь, говорю, хорошо, тварь?

Дэн давно уже корчился от боли в кресле, а голос все шептал и шептал, скрипел прямо в мозгу, ввинчиваясь в сердце.

— Не вздумай мне тут сдохнуть, мразь. Монте-Кристо, блин, сибирского разлива. Что ты хотел от меня? Что я хотел, я забрал. Ты взял чужое — чужую женщину, но не сберег, за это заплатил. И еще заплатишь. А ты-то зачем приехал?

— Сдохнуть, я уже хочу только сдохнуть.

— Так петля в руки, и вперед. Или ты и это хочешь чужими руками получить? Нет, я руки об тебя марать не буду. Живи, тебе жить будет больнее, чем сдохнуть. И помни. Помни.

Хозяин кабинета нажал видимо какую-то кнопку, потому что в кабинет вошли двое его сопровождающих.

— Увезите его, да высадите на пляже, где-нибудь километров за десять до города. Пусть погуляет, сучонок, проветрится, а то бухать много ума не надо.

Дэна подняли, потащили к дверям, он почти не мог шагать.

— Да, капелек ему там накапайте, чтоб не откинулся. И забудь, сучонок, сюда дорогу, что видел или слышал меня. А то я ведь не всегда буду такой добрый, могу и похуже наказание выдумать. — За спиной раздался кашляющий смех.

Кто-то подал стакан, остро пахнувший валерьянкой, глаза опять завязали, обратную

дорогу Дэн не помнил, голова кружилась и все плыло, настигло сразу все, и откат, и опьянение, и успокоительное.

Высадили его на берегу, на какой-то валун.

— Вон, огни, видишь? Это город, пойдешь туда, к утру дойдешь. — Чужие руки вынули из кармана телефон, закинули в море.

— Мужики, кто это был? Ник? Костаниди? — Озноб бил ослабшее тело, голос вздрагивал, руки ходили ходуном, как у старого алкаша.

— Ты че несешь, пьянь? Не знаем мы такого, а кто был — не твое дело. Сказали гулять, иди гуляй, как бы хуже не было.

Дэн так и сидел, свесив голову на грудь, пока охранники садились в машину, потом машина отъезжала, и звук мотора исчез вдали. Потом остались только волны, прохладный сентябрьский ветер, ночь и он. Он сидел долго, глядя в ночное море, пока не ушла дрожь и не успокоилось сердцебиение, потом почувствовал, что совсем замерз. Похоже, у Оксаны были еще покровители, если это не Ник. Думать об этом не хотелось. Он встал и побрел по прибою в сторону города. Потом увидел, что к берегу подходит дорога — вышел на дорогу, пошел вдоль нее. Машин было много, для ночного времени, но никто не останавливался. Дошел до заправки, там попросил вызвать такси. В гостинице был перед рассветом, думал, друзья ищут в панике — однако все было спокойно, никто его не терял.

В номере включил чайник, заварил кофе из набора пакетиков на столе — оказался жуткий, приторно сладкий, три в одном. Выпил, скривился, но хотелось пить и согреться. За ночную дорогу все мысли из головы выдуло, было пусто. Везде пусто — на душе, в голове, в сердце. Встал под горячий душ, уперся лбом в стену и закрыл глаза.

Глава 8. Опять новое лицо

Новый дом Ксении располагался в испанской Хавее, с одной стороны был зажат пляжем, с другой — улицей, являющейся автострадой. В городе проживало множество иностранцев, по крайней мере, английская речь звучала повсюду, и практиковаться в испанском особой необходимости не было. Тем более, здесь еще в ходу был валенсийский язык, в корне отличающийся от испанского. Местное население не особенно любило приезжих, Ксения неоднократно обнаруживала брошенные на ее участок из машин бутылки. Учитывая, что более нигде она подобного не видела, это было демонстрацией неприятия. Кроме этих мелочей, досадных, но не существенных, в ее жизни больше не было неприятностей. Зато была тоска по родине, иногда так хотелось брусники, моченой как у мамы.

Примирило с жизнью только море — оно захватывало весь горизонт, хоть с террасы, хоть с пляжа. Спуск на пляж был обрывистым, там была выстроена деревянная пологая лестница, в городе были другие пляжи, намного лучше, поэтому у ее дома людей на пляже почти не было. Она могла гулять босиком, загребая тонкий песок пальцами, сидеть в прибое, или даже плавать гольшом. Разве что из соседних коттеджей кто-то мог увидеть, но пока там не было никого. Сезонное жилье и люди появятся летом.

Осенью начались шторма — сперва это зрелище восхищало, потом стало надоедать. Ветер, ветер, белые буруны, день и ночь с грохотом обрушивающиеся на берег. Однажды, ночь напролет без сна слушая шум волн, Ксения поняла, что должна уехать. Хоть куда, лишь бы там были люди. Нормальные люди, кроме охранников и домработницы.

Она решила поехать в Барселону, пока еще живот не слишком мешает передвигаться, осмотреться, посмотреть город и достопримечательности, выспаться в отеле, походить по магазинам. Охранники не возражали, молча поехали с ней. Но за эти два месяца, она уже привыкла к ним, как к «любимой» мозоли.

В Барселону к ней приехал Ник, как всегда в сопровождении Макса, охраны. Ксения не заблуждалась, что ему все докладывают — но было жаль, что он явился так быстро. Вопросов, наученная прошлым, не задавала.

Ник встречался с партнерами, это были немцы и итальянцы, жившие в том же отеле. Ксения сопровождала его, однако он не представил её своей женой, как пугал раньше. Представил личным помощником, немного переводов, а в основном — компания на посиделках, шикарная женщина в шикарных шмотках. Привычно для себя, она легко вошла в роль светской пустышки, глубокомысленно смотрела в глаза, красиво поправляла волосы, привлекая внимание к изящным рукам, кокетливо прикусывала губку. Улыбалась, принимая комплименты, и почти всё время молчала. Пьяные фирмачи велись на её игру, жали ручку, и приникали к ней мокрыми поцелуями. Несмотря на подобранное свободное платье, было уже заметно, что она беременна, и такое внимание неприятно изумляло.

Ник был очень доволен встречей, её успехом, полученными скидками. Они ужинали в номере Ника, тот был весел, как всегда, шипел и язвил, но было ясно, что он ещё чем-то ужасно доволен. Оба сидели, переглядывались и ждали вопросов. «Да пошли вы!» думала Ксения и не задавала вопросов, а всё трещала о своем, о девичьем.

— Я нашла вакансию, в моем же городе, в отеле требуется менеджер для работы с клиентами, я думаю попробовать. Там нужен русский и английский, у меня есть шанс. —

Она говорила легко, как о пустяках, но сама в страхе замерла, ну как не позволят? А так хотелось жить как нормальный человек.

К ее удивлению, Ник вообще не отреагировал, а Макс только подмигнул. Неужели удача! Не тут-то было.

— Пока у тебя нет разрешения на работу и какого-то определенного статуса. Завтра встречаемся с твоим женихом. Молодой непонятый художник, Игнасио Вальдес, хочет уехать в Америку, но денег нет. Вы расписываетесь, он получает деньги и сваливает. А ты становишься сеньорой Вальдес и гражданкой этой прекрасной страны. Кстати, здесь не принято менять фамилию в браке, официально в документах ты будешь Вальдес-Войцеховская. Но это только в юридических документах, обычно можно использовать только первую фамилию. Короче, все сложно. Когда все бумаги будут готовы — делай что хочешь. Развод возможен не ранее пяти лет, рисковать не нужно. Так что, готовься к свадьбе, невеста!

— И сколько запросил мой женишок? — едко усмехнулась Ксения, уже возненавидевшая этого мачо.

— Не переживай, расходы покрыл твой бывший. Полностью. — Говоря это Ник пристально следил за реакцией девушки. Но ей удалось выдержать лицо, и он довольно хмыкнул.

— Ну что ты хочешь видеть? Что я его ненавижу? Нет, я его люблю. Он меня нет. Сколько ты у него отнял? — Даже говорить смогла легко, хотя горечь и захлестнула горло.

— А сколько стоит твоя жизнь, детка? — Ник уже немного злился, но на маске шрамов определить что-то было невозможно.

— Солнце, Ники, неужели ты меня все-таки ревнуешь, может ты еще скажешь, что любил меня? — Она томно прикусила палец, и состроила Нику самые влюбленные глаза. Не удержалась, и засмеялась.

— Наглая, глупая, как тебя не любить, ты просто рвешь мне сердце, своей наивностью. — Смех Ника стал более нормальным, но совсем тихим. Господи, что творится! Бешеный Ник научился смеяться!

На регистрацию брака в магистрат она оделась как настоящая невеста, и несмотря 5-ти месячную беременность, выглядела отлично. Игнасио (хорошо, что не Хуан Карлос, а то бы ржала всю регистрацию), оказался совсем молодым парнишкой, кудрявым и смуглым, гибким и белозубым. Такого легко представить на доске для серфинга, или в рекламе дезодоранта. Судя по тому, как он успел пожать и задержать в руке ее ладошку, парень был еще тем бабником. Первоначально они долго и нудно подписывали брачный контракт, в котором было предусмотрено буквально все. Потом юноше перечислили деньги — он проверил поступление, показал большой палец. И подмигнул Ксении, по-хозяйски беря ее ладони, и прикасаясь к ним губами. И поцелуй в магистрате был далеко не невинным, она, ожидая дежурного «чмока», подставила лицо, но Игнасио лихо прижал Ксению к себе, опустив руку практически на 3... пониже спины, и неожиданно властно впился в губы. Ее рывок назад позволил ему притиснуть сильнее и углубить поцелуй. Отпустив обалдевшую Ксению, он лихо ей подмигнул.

— Мадам, я готов сделать наш брак настоящим! Вы обворожительны! — Проговорил на английском довольно громко для Ника и Макса. — Ваш мужчина так смотрит на меня, что готов убить! Пусть он ревнует! — Это тихо, ей почти на ушко.

Так Ксения сменила имя очередной раз — Милана Войцеховская превратилась в

Милану Вальдес, гражданку Испании. Макс остался оформлять гражданство Миланы, Ник повез ее гулять по Барселоне. Отказаться не получилось, и первые выходы в город рядом с инвалидной коляской, ее напрягали. На шумных улицах шепот Ника все-равно был не слышен, и он молчал. В тишине девушка забывала о спутнике, любуясь архитектурой невообразимой Саграда Фамилия, домом с шипами или просто улицами, парками и скверами. Побывали они и в музее Пикассо, несомненно, гениального, но совершенно отталкивающе-непонятного. Ксения молчала, чтобы не выглядеть глупо, но если у Дали она еще хоть что-то находила для себя, то здесь — увы, нет.

Прекрасная, фантастическая, недоступная Барселона из книг и интернета, была у нее перед глазами, и Ксюша не собиралась портить себе счастье узнавания присутствием Ника, а он просто тихо любовался ею. И недоумевал, почему, почему он сразу не схватил ее, и не увез далеко-далеко? Защитив, закрыв от всех. Может, тогда она и полюбила бы его... Почему она казалась обычной девкой, жадной до денег? Что так изменило ее? Любовь к Дэну? Когда она стала иной, а у него в сердце поселилась заноза?

Но и эта поездка закончилась, и Ксения опять осталась одна — помощница филиппинка не знала русского, да и по-английски говорила плохо, охранники повсюду сопровождали молча, и ей просто жутко не хватало общения. Потому однажды вечером она ответила на звонок с неизвестного номера, и это оказался ее фальшивый муж, Игнасио. Они мило поболтали, он рассказал, что у него готовится выставка фотографий, и попросил разрешения ей звонить. Ксения не возражала — молодой, эмоциональный мужчина вносил в ее жизнь разнообразие, и как раз давал так необходимое ей общение. Разговаривали они на английском, испанском — для практики Ксении, на русском — потому что так хотел Игнасио, ему вдруг пришло в голову изучать русский. С их национальными традициями иметь нескольких имен, он как-то просто воспринял, что ее называют Ксенией, полагая, что это второе домашнее имя. Потом они стали общаться по скайпу, а в рождество Игнат, как стала называть его Ксения, прилетел к родителям, и решил навестить ее. С согласия Ника, она пригласила его домой.

На втором этаже в доме было четыре спальни и кабинет, одну из спален Ксения велела подготовить для Игната. Он приехал такой жизнерадостный, с подарками и шумными поздравлениями, что невольно заразил ее духом праздника. Они ездили на рождественские базары, покупали сладости, гуляли по городу, и даже молчаливый охранник сзади уже не портил настроения. Ник, опасавшийся молодого мужчины, приехал тоже — и вечера они проводили дома все вместе. Как ни странно, но мужчины почти подружились, ревности Игнат больше не вызывал. Да и какая ревность? Это был восторженный большой ребенок, умеющий радоваться жизни и любой мелочи, чего им обоим так не хватало. Тем не менее, Ник вечно хмурился, когда Игнат по любому поводу целовал ручки «сеньоре жене». Игнат с детским удовольствием зажигал фейерверк в новогоднюю ночь, уговаривал под бой часов съесть двенадцать виноградин, загадывая желание. После боя курантов, как требуют традиции, нужно было всем обниматься, Игнат обнял даже Ника, охранника, и филиппинскую домработницу.

Подарил Игнат «сеньоре жене» свою картину — морской пейзаж с восходящим солнцем, очень похожий на вид с ее террасы, картина была небольшой, но очень солнечной и Ксения повесила ее в кабинете. Игнат много фотографировал ее и все время говорил, что она очень красива в своей беременности. Одну из фотографий, где она сидела на фоне балкона и белых прозрачных штор, за которыми только угадывалось море, в таком же

полупрозрачном халате, подчеркивающим живот, он считал гениальной и планировал выставить на очередной выставке. Фото было пронизано светом, и ее лицо как будто тоже светилось. Талант молодого художника был несомненным.

— Мадонна! Мадонна, ожидающая младенца! — Эмоционально восхищался Игнат.

Единственное, чего опасалась Ксения, чтобы на фото попадало ее лицо полностью, поэтому съемка велась или в профиль или вполоборота. Так же она стала обладательницей собственного портрета акварелью, который тут же выкупил Ник и повесил в большой гостиной первого этажа.

Они выезжали вечерами в местные рестораны, Ксении нравилась эмоциональность местных людей, но менталитет был ужасно далек, они так много и громко говорили и шутили о сексе, легко заводили знакомства, и легко расставались. Игнат, за пару недель пребывания успел расстаться с тремя девушками. Его вообще везде и всегда было много — с раннего утра, когда он шел на пробежку, до позднего вечера, когда каждый день превращался в праздник, с музыкой и танцами, гостями и наоборот, выходами в свет. Беременной Ксении это было сложновато, но ведь она знала, что это ненадолго — и с удовольствием выезжала, смеялась и даже танцевала. И понемногу лед в душе таял, и жизнь впереди приобретала смутные очертания. И казалось, призрак предательства Дэна уходил все дальше и дальше.

Когда Игнат через неделю уехал, дом стал пустым. Ксения решила, что его комната навсегда останется за ним, и там же развесила его фотоработы с видами Хавеи, ее любимой Барселоны, и своими портретами.

Глава 9. Сюрпризы судьбы

Ксения всю беременность избегала УЗИ, была какая-то предубежденность. Потому, когда её привезли в родильное отделение больницы, была удивлена — у нее будет двойня! Это было настолько ошеломительным, что она вообще никак не отреагировала. Доктор считал это нормальным, полагая что ей уже известно о многоплодии. Но, увы — это же просвещенная Европа — все счита, и так не маленькие, при рождении двоих детей удваивались. И первое, о чем о попросил доктор — оплатить счета за второго ребенка. Еще один факт, платить в частной клинике надо было до, а не после. За эти серьезные деньги, предоставлялась палата, более похожая на двухкомнатный номер в гостинице, обставленная по последнему слову техники и стиля. По желанию, в палате могла дежурить медсестра, свободно допускались родственники и друзья.

— Сеньора Милана, ваш муж будет присутствовать на родах? Если так, то он должен заранее пройти беседу с врачом и психологом. — Уточнил доктор, видимо, за это тоже полагалась плата.

Ксения сразу даже и не поняла, о каком муже идет речь, потом дошло — у нее же фиктивный брак, мужа в больнице не будет, и надо как-то отвлечь внимание от этого. Здесь легко могут стукнуть в иммиграционную службу, если заподозрят нарушение закона.

— Но-но-но! Я категорически против, вы же понимаете, мужчины, они такие впечатлительные! Не хотелось бы, чтобы он запомнил меня в таком неприглядном виде, и потом, сеньор Рейес, бизнес есть бизнес, не всегда можно выбрать время.

Так Ксения осталась в больнице одна, наедине с болью и схватками. Впервые остро было жаль, что нет подруг, и уже много лет рядом нет мамы. Но совершенно неожиданно для нее, к ней пришли визитеры. В Испанию прибыл ее заклятый друг — Ник, да еще с Максом и охраной. Эти посетители её совсем не радовали, однако, в глубине души было легче, что она не одна.

Для тридцатипятилетней Ксении роды были настоящим испытанием, и ... вряд ли она когда-нибудь бы решилась на повторение подобного. Ужас, боль и беспомощность, не стерлись от счастья, когда в руки ей положили детей. Голеньких, мокрых, сморщенных. Мальчик и девочка.

Ксения много раз слышала, что дети рождаются страшенькими, а на самом деле они были такими крохотными, что сердце сжалось от жалости. Детей забрали, помыли, запеленали. Оба младенца продолжали громко плакать, а ей хотелось отдохнуть от всего этого ужаса. К счастью, малышей унесли, и дали ей заснуть.

Разбудили в шесть — и понеслась карусель, гигиена, кормление, пеленание. И дети теперь остались в её палате. Сегодня они выглядели чуть лучше, уменьшился отек маленьких глазок, и с первым кормлением появилось чувство материнства, щемящей жалости и любви к этим комочкам. Во второй половине дня появились Ник с Максом, посмотрели на ее ужасный вид, подержали детей, и ретировались. Ксения смеялась им вслед, самый мужественный мужик теряет сознание перед крошечным суточным ребенком.

На третий день ее привезли домой. Испуганный Ник нанял сразу двух нянек, причем вразрез с ранее высказанными убеждениями, это были русские тетки почти пенсионного возраста, с образованием и стажем работы с детьми. Одна — пожилая Мария Петровна, с внешностью первой учительницы, полная, добрая, тихая, с гладко зачесанными волосами в

низкий узел на затылке. Вторая, Валентина Ивановна, худая подвижная женщина, лет 40 с небольшим, медсестра из детской неонатальной больницы. Они ловко управлялись с детьми, не слишком чинились, могли сварить Нику кофе, или бульон. Разместили их в двух крошечных комнатках на первом этаже, на девяти метрах — кровать, шкаф и тумбочка. Зарплату Ник обещал приличную, в евро. За хорошее здоровье детей премия ежемесячно. Тетки удивились, и были готовы угождать Нику еще больше.

Детская, ранее оформленная в светло-бежевом цвете типа унисекс, украсилась двумя кроватками — голубого и розового цвета. Помощь нянь была спорной, кормить Ксения планировала грудью, молока хватало, а при наличии памперсов проблем со стиркой пеленок она не видела. Жалко было тёток — они надеялись на приличный заработок. Обе няни изо всех сил старались угодить, с поучениями не лезли, и она временно смирилась.

О том, что оставила обеих нянь, стала радоваться, когда у детей начались колики, высыпания, и всякие другие проблемы. И когда одновременно раздавался громкий рёв из двух детских ротиков, это был ужас. Там, где ей хотелось упасть и плакать, тетки ловко делали массаж животика, ставили столбиком до срыгивания, заваривали чистотел и ромашку, и всегда были под рукой.

Иногда не хватало и двух нянь — бывали дни, когда ночь напролет Алекса качал на руках Ник, и Даньку — Макс. Потому, что они все делали одновременно, температурили, маялись животиками, даже зубы у них полезли одновременно, и если женщины выдерживали день, то к ночи валились с ног все трое. Тогда мужчины приходили на помощь, и, хотя оба не имели детей и воспринимали это как знак Судьбы. Ник — как подарок, Макс — как крест. Тем не менее, такие близкие отношения сделали их всех очень близкими.

Ник первым заговорил о крещении младенцев, выборе имен и назначении крестных. Так, он настаивал, что будет крестным пацану, и сам выберет ему имя. Для девочки предложил взять крестным Макса, ну а выбрать ей имя, так и быть, может Ксения.

Ксения слушала это, едва сдерживая смех. Ну посмотрите, наглость! Нашелся патриарх семьи!

— Может мы Игната пригласим на обряд? Пусть он и выберет имена, фамилия то его будет? — Едко заметила мамочка

— Детка, не спорь, и не огорчайся. Тебе нельзя нервничать, молоко пропадет. Ну скажи, какие имена ты выбрала детям? Давай обсудим? — Мужики быстро пошли на попятную, оба не имели опыта с кормящими мамами и немного побаивались. — А Игнат обязательно прилетит, он планирует снимать детей, крещение и свою «мадонну».

— Я смотрела местные правила, мы будем регистрировать детей здесь, и имена будут испанские. Даже если ты назовешь его Сашкой, его запишут Алехандро. Здесь зачастую приняты двойные имена, и я думаю назвать доченьку Даниэла Селеста, сына Алехандро Антонио, Вальдес-Войцеховские! Звучит?

— К чему такие сложности? Разве недостаточно одного имени? — Ник поморщился, ему казалось это глупым, каким-то обезьянничанием.

— Ну, они смогут пользоваться каким-то одним, по выбору. Мне нравится их традиция. — На самом деле, ей это нагромождение имен как будто отодвигало детей от их отца — Дэна. Она много думала, и боялась, что Дэн их найдет, что опять посмотрит на нее тем же холодным взглядом, окатит презрением, за то, что она сохранила детей, как будто надеясь его вернуть. Словом, сумбур был порядочный, и она иногда забирала детей в свою огромную кровать, боясь оставить их вне поля зрения, смотрела на них всю ночь и боялась.

Боялась, что их отнимут, случится что-то еще, и ей снова придется бежать, бежать, с детьми на руках. Няньки считали ее странной, но вида не показывали. Тем более, что они жутко боялись Ника, с его скрипучим шепотом, и почти бесшумно появлявшимся за спиной на своей коляске.

Иногда, она, стоя перед зеркалом, всматривалась в свое лицо и видела Полину, Тамару, Александру, Оксану. Все роли, все имена оставили свой отпечаток, и она не помнила себя. У родителей она забрала свои школьные фото — но эту девушку с косой и распахнутыми глазами, в себе не находила. От послеродового психоза спасали няньки, особенно Мария Петровна, которая когда Ник не слышал, называла Ксению дочкой. Она укачивала детей, и пела им старинные народные колыбельные, чем напоминала Ксении маму. И в далекой благополучной Испании по ночам слышались необычные слова. Напеваемые тихим грудным голосом:

— Туру-туру пастушок,
Калиновый батожок!
На дубу сова сидит,
На меня сова глядит!
Сова моя теща,
Что корова пестра,
Жена моя Марья
Спородила парня,
Како ему имя?
Царя Константина!

И под это пение Ксения засыпала, и мимо шли весёлые пастушки, а совы с веток махали им калиновыми ветками в цвету, потом мама гладила её по голове и шептала «спи-спи, доченька». И наступал покой, и уходили тревоги.

Игнат прилетел за день до обряда, привез детям подарки. Так, девочка получила полный набор кукол Барби и Кена, с домами и машинами, мальчику был подарен целый гараж коллекционных моделей автомобилей.

— Сеньора Милена Ксения, эти дети будут и чуть-чуть мои, ведь они будут носить мою ... *apellido paterno*, как это у вас называется? Фамилия отца? Разрешите мне быть совсем немного их *raraíto*?

— Ишь чего захотел, — ворчал Макс, — папиато ему, мы и сами можем быть папиато.

Ксения смеялась, пусть у ее детей будут три чуть-чуть папиато, вместо одного настоящего отца.

Крещение проходило в местной церкви, Святой Девы Лоретской, старинной и необычной, когда детям исполнилось два месяца. К этому возрасту они немного округлились, и стало видно, что Алехандро и Даниела похожи на отца — каштановые волосы и карие глаза, только светлая кожа Ксении. Обряд был красивым и трогательным. Ник, сидя в коляске, держал на руках маленького Алехандро, и Ксения могла поклясться, что на глазах его были слезы. Макс вручили Даниэлу, которая ревела весь обряд, требуя маму. В конце концов, священник позволил отдать дитя матери, чтобы спокойно завершить крещение. Дети, одетые в кружевные крестильные наряды, были очаровательны, и сердце Ксении таяло от умиления. В такие минуты она любила весь мир, и даже Ника, Макса и Игната.

Игнат привез свою самую знаменитую фотографию — она выиграла конкурс, её

печатали в журналах.

— Это первая ласточка моей славы! Я дарю её тебе, вообще, ты как модель имеешь право на часть денег от публикации. Знаешь, сколько раз у меня хотели перекупить мою модель? Тебе обещали великое будущее, как модели! Не хочешь попробовать?

— Игнат, я совсем не собираюсь в виде вешалки ходить по подиуму, или позировать для журналов. Я буду только твоя модель, ок?

— О да! Ты будешь моя Гала! Как у Дали! Ты принесешь мне славу!

Все весело смеялись над экспрессивным молодым человеком, он был тем громоотводом, который сам не понимая, упрощал отношения в их странной компании.

Примечания. *колыбельная песня моей бабушки, дословно.

Глава 10. Отстоять свободу

Дети росли, с полугода Ксения перестала кормить их грудью, няньки были внимательны и профессиональны, крестные тоже часто наезжали, задаривая детей подарками. Ксения заскучала дома, ей хотелось на работу, но Ник был прав — никакого образования у Миланы не было. Тем не менее, она начала искать работу, в гостиничном бизнесе, понимая, что Ник ей серьезного дела не поручит. Испанским она уже овладела на разговорном уровне, но надеялась на свой хороший английский. И вот, она пришла на собеседование в крупный отель Хавеи, не предполагая, что сможет предложить. Для собеседования был выбран строгий костюм от Кавалли, очень ее стройнивший, туфли на шпильке, и украшения от Тиффани. Скромные, но говорящие сами за себя.

Пока она ожидала менеджера по персоналу в лаундж-зоне, стала невольным свидетелем скандала со своими соотечественниками. Дама, русская, в крупных бриллиантах, но с минимальным английским, требовала от персонала сменить постельное белье. Ксения удивилась, в таких отелях это делают ежедневно, и причина для скандала была странной. Она прислушалась, менеджер отеля требовал компенсацию за испорченное шелковое белье, а дамочка, не понимая, требовала просто замены на свежее. Скандал набирал обороты, дама требовала управляющего. Ксения не выдержала, подошла к даме и предложила помощь.

— Сеньора, позвольте вам помочь, иначе вы создаете плохую репутацию туристам из России, если вы продолжите так кричать, вас выселят сегодня же.

— Кто вы и что вы хотите? — Дамочка не сразу смогла понизить голос.

— Меня зовут Милена Вальдес-Войцеховская, я тоже россиянка, и не хочу, чтобы вы здесь попали в неудобное положение. — Подчеркнуто спокойно, тихим голосом, с видом английской королевы, произнесла Ксения

— Ой простите... я Карина... Мы с моим бойфрендом здесь отдыхаем... — Тон, манера держаться Ксении и внешний вид, сбили с дамочки спесь.

Как выяснилось, персонал сделал все вовремя, белье сменили, потом Карина со своим бойфрендом днем решили заняться любовью, с использованием взбитых сливок, манго и клубники.

— Ну мы, понятно, увлеклись и белье испачкали. Я позвонила горничной, та отказалась менять белье и доложила менеджеру. И вот, они что-то орут, а белье не меняют. Как спать, оно же липкое?

После этого Ксения обратилась к менеджеру на испанском и попросила высказать их претензию.

— О, сеньора! Эта сеньорита с другом живут в номерах люкс, где шелковое постельное белье стоит 500 евро, и оно не может быть постирано, ведь пятна от манго не выводятся, да и жирные сливки с шелка вывести очень сложно. Отель понесет убытки, или платить придется персоналу. Эта дама должна заплатить штраф! Она не хочет платить, а требует новое белье! — Возмущение менеджера было обоснованным.

— Хорошо, я сейчас поговорю с сеньоритой. — Ксения еле сдерживала смех, поведение наших туристов зачастую наносит ущерб отелям, хорошо, что с собой не увезли. Она отвела Карину в сторону, и по-русски спокойно, твердо и доброжелательно объяснила ей ситуацию. Когда Карина поняла, что белье испорчено, и ей его не сменят до отъезда, согласилась оплатить штраф, и более того, попросила, чтобы её друг не узнал ничего об этом скандале.

Нашедшие общий язык менеджер и Карина ушли, и Ксения продолжила листать рекламные проспекты отеля. К ней подошел мужчина, представился управляющим отеля Михелем Лучиано, и предложил работу кризис-менеджера, на которую женщина и рассчитывала.

— Теперь к нам приезжает много-много русских, очень много шума, они плохо знают испанский и английский, все время шумят и что-то требуют! Нам просто необходим человек, который так может с ними обращаться.

Она с гордостью рассказала это Нику по Скайпу, но вызвала только улыбку на его лице:

— Детка, ты радуешься, что будешь разруливать русских скандальных баб? Ты считаешь это интересно и весело? Ну давай я тебе куплю отель, не такой большой, конечно, а маленький. Будешь опять хозяйкой?

— Нет, я уже дала согласие, и завтра выхожу на работу! — Хотелось стать самостоятельной, и перестать быть приложением к Нику.

Утром, в новом брючном костюме, с сияющим лицом и свежей стрижкой, Ксения летела на работу. Знакомство с персоналом, подписание договора, и вот она уже в своем крошечном кабинетике, выделенном для нее недалеко от рецепшен. В первый же день она получила полный комплект конфликтов — испанские коллеги, уяснив, что есть специальный человек для разрешения конфликтов, свалили на нее все.

Почему-то сломавшийся кондиционер, пропавшую брошку, потекший унитаз должна была разрулить именно Ксения. Понимая, что это проверка на прочность, Ксения мило щебетала с жильцами, жестко требовала исполнения от технических служб, словом, чувствовала себя как рыба в воде. Ей хватало знаний испанского, слабого немецкого и уверенного английского, она быстро переключалась, и управляющий уже показывал ей большие пальцы на обеих руках.

В продолжительный перерыв на обед, она успела побывать дома, провести детей, немного отдохнуть. Вечером пригласила новых коллег в бар, отметить начало работы. Основная масса отказалась, пришли только человек семь молодых женщин, которым просто любопытно было посмотреть на русскую. Узнав, что у нее молодой испанский муж, художник и двое маленьких детей, дамы восхитились, и отношение к Ксении чуточку стали лучше.

Так и полетела ее жизнь, набирая обороты. После года оставили одну няню, пожилая Мария Петровна была одинокой, и очень привязалась к детям. Ее положение в доме стало чем-то средним между няней и бабушкой. Но тем не менее, она никогда не переходила границ, не лезла в душу, хотя могла выслушать.

Наезды мини-пап были праздником для детей, с ними играли, плавали в бассейне, баловали подарками и мороженым. На три года, все трое папиато повезли детей в парк Аventura Мир, испанский аналог Диснейленда. Ксения не смогла поехать, на работе ожидалось повышение, и она осталась зарабатывать репутацию. Расстояние всего около 130 километров казалось ей огромным, она весь день нервничала, стараясь не подавать вида.

Вечером компания из трех мужчин, двух детей и четырех охранников ввалилась в дом, с разрисованными лицами, с шариками в виде Микки-Мауса и тысячей фотографий на трех телефонах. Судя по фото, папиато были счастливы гораздо больше детей, а уставшие дети уже просто спали на руках.

Игнат писал новые картины — море и дети, дети и Ксения, сделал тысячу снимков. Снимки были безусловно талантливы, ему удавалось поймать столько разных эмоций в

детских глазах, но Ксения боялась давать разрешение на их публикацию — Алехандро слишком сильно был похож на Дэна.

— Игнат, ну зачем тебе жена и малые дети? — Удивлялась она, когда он размещал их фото в бумажнике.

— О, *caríño*, это очень тонкий расчет. Если мужчина не женат, дамы ждут ухаживаний, подарков. Женатого мужчину они сами хотят увести из семьи — и тут уже наоборот, они преследуют меня. И потом, когда придет время, я скажу, пока милая, ты знала, что у меня жена и дети!

— Хитрец, то есть таким образом ты избегаешь угрозы брака! А если влюбишься однажды?

— Если найду такую как ты, сеньора жена! — Они оба рассмеялись, и женщина шуточно дала Игнату подзатыльник.

После трех лет было решено отдать детей в детский сад, и теперь Мария Петровна возила их в сад, а днем была свободна. Она стеснялась получать деньги за такую работу, и Ксения рассчитала филиппинку, уже пятую или шестую. Она сама любила заниматься домом, готовить по вечерам русские блюда, заниматься с детьми. Обязательная сказка перед сном была священным пунктом, только мама, зато все остальное — купание, прогулки, кормление, рисование, дети с удовольствием делали с няней.

Когда Игнат прилетал в гости, поначалу она старалась его удивить русскими блюдами. Так, когда она приготовила борщ, Игнат вообще не смог его есть, и просил его пощадить.

— Ксения, не нужно так сильно пугать своего мужа «понарошку», ведь это есть... как это — *hervido*, отварённый ... салат? Как это можно есть? Если ты хочешь от меня избавиться, можно просто развестись, не надо меня убивать! — Дурашливо хохмил Игнат, исследуя ложкой борщ в тарелке.

Зато расстегаи с рыбой оценил высоко, как и блины, а вот «роллы с капустой» — голубцы пробовал осторожно. На этом Ксения бросила попытки удивить — потому что пельмени и вареники — это почти ravioli, щи опять же назовет салатом. Махнула рукой и мужчины заказывали доставку из ресторана. Местная кухня была острее, разнообразнее, и полезнее, много морепродуктов, специй, чеснока, томатов и ... черт знает чего. На этом фоне русские блюда были более пресными, чего уж скрывать, не для термоядерных испанцев.

Ксения была счастлива? Наверное да. Только вот ночами ей по-прежнему снился Дэн, обида куда-то ушла, и она жалела, что папа не видит таких чудных детей, очень скучала по его рукам и глазам. Да и как было забыть, если с лица сына прямо в душу смотрят глаза любимого?

Она много и часто вспоминала их совместную жизнь — как он качал её на руках, когда ей снились кошмары, как они вместе плавали по утрам, как она ждала его к ужину, стараясь удивить новым блюдом на ужин. Как он целовал её пальчики, как называл её руки золотыми. Как мог часами обсуждать свою работу, советоваться, а потом, выговорившись, самому найти решение, а благодарить её, как будто она ему подкинула идею. Много, много было за почти три года — ожиданий, надежд, любви, взаимопонимания.

И лишь одного не было в том прошлом — того жестокого Вадима Неймана, его холодных глаз, его мерзких слов про «общажную девку». Как эти два разных человека могли поместиться в нем одном? Этого она не понимала. Но знала одно — никогда и на за что она не позволит этому человеку приблизиться к себе и детям. Рисковать их маленькими

сердечками она не будет. И хотя годы шли, но молодая, красивая еще женщина, как она отмечала перед зеркалом, больше не влюблялась. Никогда. Многие заглядывались, многие пытались заглянуть в душу и ни один не тронул сердца. Даже этот пацан, почти на десять лет младше, не раз задерживал её ладошку в руках, пытаясь удержать взгляд, целовал руки пылко, слишком, слишком пылко для фиктивного мужа... Если бы захотела ... Ну, был бы краткий страстный роман, и что? Опять же что-то внутри мешало, и она снова легко смеялась, шлепала Игната по рукам, и продолжала просто дружить.

Может быть, влияло постоянное присутствие за спиной Ника, она чувствовала его всегда, даже когда он улетал в Россию. Теперь она уже понимала, что Макс прав, и Ник её на самом деле любит. Но любовь его была любовью собственника — увезти, запереть, ограничить. Только дети смягчили его сердце, он мог часами смотреть на них, и хотя вида не подавал, Ксения видела, что его сердце тает в их присутствии. Он часто заговаривал, о том куда отправит учиться Алекса, что Даниэла обязательно будет заниматься танцами. Ник был счастлив с ними, счастлив тем, что дети его любят, что им безразлично его обезображенное лицо.

К слову, лицо уже и не было таким безобразным, как четыре года назад — еще ряд операций и процедур сгладили самые грубые рубцы, теперь лицо было почти нормальным. Почти, потому что слишком ровным, слишком безэмоциональным — не было мимики, мышцы лица пострадали и полностью вернуть им движение было невозможно. Эта неподвижная «маска» делала Ника для Ксении еще более страшным, в сочетании с тихим голосом, ужасающим для партнеров, и особенно — должников.

Но дети живут сердцем, они радостно бежали навстречу инвалидному креслу, рассказывали на ухо свои секреты, сидели на коленях, хвастались рисунками, обнимали за шею нежными ручками. И Нику было достаточно этого для счастья, и достаточно для стимула заработать столько, чтобы хватило этим детям. Он давно считал их своими, и совсем не хотел думать, что у них где-то есть отец.

Глава 11. Перекрестки судьбы

Дэн проснулся от запаха кофе. Его жена, Ольга, сияющая улыбкой, принесла ему кофе на подносе, и конверт, яркий и с надписями на английском, явно из турагентства. «Опять она со своими сюрпризами, все никак не угомонится» — привычно думал Дэн. «Все надеется на романтические отношения, пора бы уже понять и привыкнуть, но ей кажется эта идея запала в голову, стала идеей фикс». Действительно, она упорно, методично, пять лет добивается его любви. Два года назад они даже расписались, для чего Ольга соврала что беременна. Если бы появился ребенок, может быть, эта пустота в душе и наполнилась. А так, поначалу он пытался ее полюбить, делал ей сюрпризы, но сердце молчало, и вся эта мишура надоела. Почему он не прогнал ее? Этого Дэн и сам не знал — она была удобной, решала все проблемы по быту, его всегда ждал чистый уютный дом, вкусный ужин, пусть заказанный в ресторане, но все же он был. Она покупала и следила за его одеждой, он просто открывал шкаф и брал первое попавшееся. То есть она стала чем-то средним между мамочкой и любовницей. Дэн не жалел на нее денег, оплачивал все счета, позволял любые поездки, так как чувствовал себя виноватым. Ему и в голову не приходило, что у Ольги давно уже есть любовник, и этот любовник его ближайший друг и помощник Сергей.

— Милый, через неделю у нас годовщина свадьбы, и я купила билеты и забронировала отель. Мы едем в Барселону! На десять дней. И не говори, что у тебя работа! Ты пять лет не был в отпуске! — Став официальной женой, она попыталась было командовать, но быстро обломалась, когда Дэн молча съехал на неделю в гостиницу. Потом она держала себя в руках, но иногда истерические нотки все же прорывались. Дэн поморщился, и она тут же пошла на попятную.

— Милый, ну тебе же надо отдыхать, вон уже седина на висках полезла. Морщинки вокруг рта... И мы так давно не были вдвоем! — Тон стал медово-ласково-просительным, так что Дэн просто кивнул.

По дороге на работу он думал — давно не были вместе... Конечно, у него и вторая квартира рядом с работой, и охотничий домик за сто километров, да и командировки он сам себе планирует. Он не понимал, зачем Ольге это — он никогда ей не говорил, что любит, не звал замуж. Пока был в депрессии, она как-то просочилась в его жизнь, а потом было стыдно выгонять женщину, вроде как воспользовавшись. Так в его жизни громоздились нелепости, которые он не разгребал, а множил. Фирма работала, больших высот он больше не брал, так — держался на плаву. Стимула стремиться не было, хотя вроде бы на все хватало. Ему. Ольге хотелось больше, и смиряться она не хотела — вместе с Сергеем они сперва тянули деньги с фирмы, потом открыли свою. Конкурирующая фирма была зарегистрирована на отчима Ольги, и уже начала приносить неплохой доход.

И вот они прилетели в Барселону. Жара, июнь. Таскаться по экскурсиям Дэну не хотелось, но у Ольги был просто всплеск активности — и он вынужден был ее сопровождать. В этот день они решили отдохнуть от достопримечательностей, с утра выспались, а потом поехали в крупный торговый центр. Ольга меряла наряды, подбирала к ним сумочки, какие-то клатчи, которые с его точки зрения те же сумочки, ремешки, бижутерию. Все это он должен был оценить. Калейдоскоп туфель, тряпок, бижутерии слился в один разноцветно-стразовый туман.

Дэн вышел из магазина, нашел угол, отведенный для курения, и стоял там, медленно, с

удовольствием вдыхая дым. Он, не фокусируя взгляда смотрел на толпу, которая броуновским движением текла во все стороны на прилегающей площади. Вдруг его взгляд зацепил в толпе знакомую фигуру — светлые волосы, легкая походка. Женщина, ведет за руку ребенка в панамке, рядом мужик с ещё одним ребенком. Сердце екнуло раньше, чем пришло понимание — Оксана! Оксана! Он, бросив сигарету, кинулся сквозь толпу. Но по пути попалось ограждение, пока он соображал, как обойти, потом перепрыгнул и побежал сквозь толпу, сталкиваясь с прохожими и извиняясь, женщина и мужчина сели в машину и выехали со стоянки.

Он бросился к такси и предложил водителю тройной тариф, ехать за той машиной. Мужчина понимающе покивал — «шерше ля фам!», и взял предоплату в тысячу евро. Они ехали за темным внедорожником сперва по городу, затем по трассе, водитель начал нервничать, Дэн сунул ему еще тысячу. Его трясло, он сам себя считал сумасшедшим — должен догнать, убедиться, должен!

Начала звонить Ольга, он сбрасывал звонки. Через вызовов двадцать был вынужден взять трубку, и сказать, что у него дела. Ольга сперва сорвалась на визг, но быстро взяла себя в руки.

— Милая, у тебя на счету тысяч двадцать евро, можешь их потратить все, прости меня, я вынужден был уехать.

Гонки продолжались до Хаваи, здесь всё, что он увидел, как машина заехала во двор. Из-за высокого забора, рассмотреть женщину не удалось. На звонок вышел охранник, слушал русскую сбивчивую речь с каменным лицом.

— Сеньора Вальдес не принимает. Сеньор Вальдес в отъезде. — В конце концов сказал он на плохом английском. Че-е-орт бы их побрал, этих испанцев!

— До-ло-жи-те сень-о-ре! — Громче и по слогам пытался вдолбить Дэн на английском. Но охранник только покачал головой и закрыл ворота.

Дэн вернулся в машину, махнул водителю — едем обратно. Потом подумал, здесь тоже есть отели и море. Выдержав битву с Ольгой, через пару дней он поселился в Хавее, намеренный караулить ту женщину на пляже возле ее дома. Ольга, конечно же приехала следом за ним, как только закончились деньги. К ее чемодану добавилось еще два огромных кофра, видимо шоппинг был более чем эффективным.

Охрана доложила Нику в тот же день, и он прилетел даже раньше, чем добрался Дэн. За Дэном следили постоянно, и о том, что он часто бывает возле дома, на пляже, знали. Только Ксения не предполагала, что ее жизнь приблизилась к критической точке. Она работала пять дней в неделю, днем в жару никогда не ходила на море, так что пересечься с Дэном шансы были минимальные. К тому же Ник, очень любивший детей, как и они его, постоянно придумывал заделье, и компания все время была занята. Ник даже играл с детьми в настольный теннис, что не просто было делать на коляске.

Утром в субботу Ксения проснулась рано, с чувством солнечного настроения. Она босиком побежала вниз по лестнице на первый этаж — светлые ступени были нагреты солнцем и приятно грели ступни. Открыла раздвижную дверь, впусив ветер с моря. Поглядела на волны, сияющие в лучах восходящего солнца, еще не высоко поднявшегося. И как она давно не плавала! Включила кофеварку, в темпе умылась, и решила пойти на пляж, по-быстрому искупаться. Пока одевала купальник и брала полотенце, по лестнице раздался дробный стук маленьких ножек. Ну вот, поплавала.

— Мамочка! Ты куда! Мы с тобой! Ты купаться! Мы, мы тоже купаться! — Две

обезьянки повисли на ней. Пять лет, а они уже говорят на двух языках, правда русский хуже испанского.

— Сперва завтрак! — Сделала строгое лицо Ксения, но сама не выдержала и засмеялась. — Так, быстро съели по йогурту, быстро сходим поплаваем, и потом завтрак!

Дети закивали как болванчики, быстро съели по баночке йогурта, и вот уже стоят на террасе, мы готовы ко всему. Ксения со вздохом вышла к ним, два детских купальника, три полотенца, две панамки, два мяча, бутылочка с водой, несколько яблок.

Увидев, что они идут на берег к задней калитке, их догнал охранник, забрал из рук сумки, и пошел рядом. Дети радостно с визгом неслись по песку к воде. Купание превратилось в забавную борьбу, переодеть в плавки и купальник, побежать наперегонки, потом по очереди прыгать из рук мамы в воду, потом вытащить, вытереть, переодеть, дать воды, яблоко, мяч, поручить охраннику Косте, и наконец то пойти поплавать.

Дэн ходил на это пляж уже неделю, все бесполезно. Он слышал за забором детские голоса, выезжали машины, возвращались. Но увидеть женщину не получалось. Он видел мельком детей, темные волосы и глаза, мельком в окнах силуэт женщины со светлыми волосами. Вадим чувствовал себя глупо, но ничего не мог поделать с собой. В понедельник он должен был лететь домой. И не знал, что делать, потому что не хотел уезжать. Даже если еще месяц придется ждать.

В это утро Ольга притащилась за ним, устраивалась на шезлонге, мазалась кремом, просила намазать спину, и все говорила, говорила. Дэн лег на живот, и сделал вид что спит. Делал-делал, да и задремал по-настоящему. Разбудил его удар мокрым холодным мячом по разогретой коже спины, он. Поблизости баловались какие-то дети, Ольга начала ругаться на их отца.

— Señor, dame mi pelota..., — раздался детский голос рядом, Дэн потряс головой и протер глаза, и заледенел прямо под палящим в этом раю солнцем. На него смотрел его брат, Данилка. Только теперь ему снова было пять, он был загорелым как индеец, и говорил на испанском.

— Что ты хочешь, мальчик?

— О, дядя русский! Можно мне мой мяч? И я не мальчик, я девочка! — Дэн только сейчас заметил, что держит мяч в руках, когда он его поднял, не помнил. Белые шорты и маечка, каштановые волосы до плеч, может и девочка. Но откуда такое сходство? В груди заболело, земля шатнулась под ногами.

— Как тебя зовут, девочка?

— Даниэла, мама говорит Данька! — Ребёнок забрал мяч и побежал к своим. Там был еще один малыш, так же в шортах и футболке, он не был похож на девочку, но и его лицо тоже было до боли знакомым.

— Терпеть не могу таких балованных детей! У них здесь дети вообще избалованы, ты заметил? — Ольга ворчливо стала собирать вещи. — Пойдем в отель, солнце высоко, можно сгореть.

Дэн не обращал на нее внимание, и она тоже замолчала, следя взглядом за ним. Вот к детям подошла женщина, и остановилась к ним спиной. Более полного телосложения, чем Оксана Валеева, та была ниточкой, а эта чуть круглее, с формами. Женщина накинула на себя легкое платье-рубашку, вытерла волосы, и позвала детей. На русском! Таким знакомым голосом!

— Ну что, бежим завтракать? — И сама побежала первой. Дети с криком побежали ее

догонять. Мужчина забрал сумки и полотенца, и пошел следом.

— Оксана. — Прошептал Дэн. — Оксана!! — Крик не получился, так, сдавленный возглас, но его услышали.

Женщина обернулась, но ему уже это было не нужно, он и так ее узнал. Ксения остановилась, ее ноги стали ватными, бледность залила лицо, она задвинула подбежавших детей за спину, и ждала его с расширившимися от ужаса глазами. Охранник замер, не зная, что делать.

Дэн подошел к ней и протянул руку к волосам, дотронуться, убедиться, что жива и это не фантом его разгоряченного ума, женщина отшатнулась, когда он прошептал:

— Оксана. Ты жива...

— Ты что, дядя? Мою маму зовут Милана! — Это из-за спины матери вылезла девчонка.

— Сеньора Вальдес, этот человек к вам пристаёт? — Все-таки вступил в разговор охранник, сдвигаясь так, чтобы прикрыть собой всю троицу. Дэн взглянул ему в лицо, ну да, старый знакомый. Прекрасно понимает русскую речь, оказывается. Ксения, так и стояла, прижав руки к груди и молчала.

— Уйди, ты плохой дядя! Ты пугаешь маму! — К сестре присоединился брат, возмущенно стуча кулачками по ногам Дэна. Его глаза горели возмущением, и теперь Дэн понял, на кого он похож. Еще бы, он это лицо сорок лет видит в зеркале.

— Это ... мои... дети? — Выдавил он, и веря и не веря своим глазам.

— Это — *мои* дети. — С ударением на «мои», резко ответила Ксения, и круто повернувшись, пошла к дому. А Дэн в отчаянии рухнул на колени, в песок. Там, в двух шагах, от него по песку уходила самая любимая единственная женщина, его счастье, его жизнь, мать его детей, которых она сохранила вопреки ему! И он ничего, ничего с этим не мог поделать! Дэн оперся кулаками о песок, пытаясь выровнять дыхание и переждать боль в груди... Вокруг бегала и что-то шипела Ольга, тянула его куда-то, он тяжело поднялся и пошел за ней, не разбирая дороги.

А в окне второго этажа, глотал горячие слезы и сжимал кулаки обожженный человек, и проклинал себя за то, что не пристрелил этого мажора, тогда в Сочи. А сейчас он придет, и играючи отнимет у него и тот призрак семьи, что ему удалось выгрызть у судьбы.

Глава 12. Месть обиженной женщины

Взбешенная Ольга примчалась в номер гостинцы намного раньше мужа, пила холодную воду, держала руки под ледяной струей, дышала под счет, но картина, как ее муж падает на колени перед этой... этой шлюхой... которая даже сдохнуть не смогла достойно! И неужели она тогда была беременна? Откуда эти дети? Ах, какая же Ольга была дура, что сделала аборт, сейчас Дэн бы любил своего ребёнка, а не бегал за неизвестно чьими!

Она кривила душой перед самой собой, сходство малыша с Дэном было бесспорным, Ольга помнила его двадцатилетним, это был его сын, даже экспертизу делать не надо. Ну как же так, как так! Она сама привезла Дэна в Испанию, а здесь оказалась эта мерзкая сучка! Она встала перед зеркалом — ну что, что ему еще надо? Да она не вылезит из салонов красоты и фитнеса! Она выглядит безупречно, уж гораздо лучше этой Оксаны! Ни грамма целлюлита, ни одной морщинки, безупречная грудь юной девушки. Забота, внимание... Вон, двоюродная сестра Маринка, никогда за собой не следила, а выскочила замуж за своего Шульца, и катается как сыр в масле. Живет в Германии, нарожала уже двоих, одного за другим, оплыла как баба деревенская. А этот её лысый Шульц носится с ней как с принцессой. Почему, ну почему везёт всем вокруг, только не ей? Чем она заслужила такую жизнь?

Послышался звук открываемой двери, она тотчас же взяла себя в руки, и пошла на встречу мужу.

— Милый, ну что ты так расстроился? Ну жива твоя бывшая, это же хорошо! Ну вышла она замуж за местного, — здесь Ольга покрутила в воздухе пальцами, с легким пренебрежением показывая этого «местного», — ну есть у нее дети, но ведь это дети ее мужа! Неужели ты решил, что это твои дети? Я видела у нее кольцо на руке, она замужем. И потом, тот охранник, он ее назвал сеньорой Вальдес! Я понимаю, неприятно, но ведь ты сам ее наказал! Давай выпьем, снимем стресс и уедем домой! — Голос был ласков, журчал вокруг, руки порхали, наглаживая плечи, руки и лицо Дэна.

Он раздраженно махнул головой, уклоняясь от ее руки, и глухо проговорил:

— Лети домой, я останусь. Когда приеду, подам на развод. — По его виду было ясно, что решение окончательное.

— То есть, только на горизонте объявилась твоя бывшая, как ты меня бросаешь? Ты просто использовал меня все это время. — Визгливые истеричные нотки все-же прорвались в голосе, взять себя в руки не удавалось.

— Ну, кто кого использовал, вопрос спорный. Ты кажется, ничуть не была против. Я все равно разведусь с тобой, наш брак был ошибкой, если бы ты не сказала, что беременная, я бы никогда не пошел с тобой в ЗАГС, и ты это знаешь лучше всех. Так и быть, как компенсацию, квартиру оставляю тебе.

— Ну нет, милый, ты мне отдашь не только квартиру. Я заберу половину твоего бизнеса. А если ты будешь возражать, я сообщу полиции, где находится Ксения Брюханова. Или в местную иммиграционную службу.

— Не глупи, не тронь Оксану. Пожалеешь сама, как ты думаешь она здесь оказалась? Я думаю, у нее есть серьезные покровители.

Он вспомнил разговор пять лет назад в Сочи, и подумал, что человек в тени по ту сторону стола, знал, что она жива.

— Да плевать мне на тебя, на неё и на её покровителей! Кобелей ее, точнее сказать! Ты бросаешь меня ради этой потасканной валютной шлюхи? — Её щеку обожгла оплеуха.

— Не смей! И пошла вон отсюда! У тебя еще оплачен номер в Барселоне, вот и езжай туда!

Через полчаса, Ольга, загрузив багаж и глотая злые слезы, звонила своему любовнику. Она планировала отомстить, отмстить обоим — Дэну, отобрав по возможности больше, и Ксении — здесь ее ярость застила глаза, но план уже был.

— Сергей, сейчас ты по максимуму выводишь средства, контракты на нашу фирму. Потом, к приезду Дэна, я подам на раздел имущества, всё что сейчас будет выведено, либо не найдут, а если найдут, заявим, что была попытка укрыть имущество от раздела. А когда мы его обдерем как липку, устроим ему ЧП на стройке, еще раз нарушение техники безопасности не простят. Надо подготовить так, чтобы это было его личное распоряжение, и это твоя забота. Думай. Адвокат у меня уже есть, нотариус тоже. Через неделю жду тебя здесь, мне будет нужна твоя помощь.

— Лёля, детка, ну что ты так раскипишилась? Вернетесь домой, помиритесь! Брось детка, возвращайся домой, я соскучился по своей кошечке! И ты разве не скучаешь по своему малышу?

— Сергей! Все серьезно! Хватит дурака валять! Делай что сказано!

Ольга в гневе вернулась в Барселону. Что делать дальше, ей было предельно ясно, сперва она должна отомстить Оксане-Ксении. Она бесилась, и искренне не понимала, что все мужики находят в этой курице. Злюкой пошла ужинать в ресторан, заказала себе вина, и немного успокоившись, выстроила план действий.

Билеты в Россию по телефону она поменяла на Берлин, созвонилась с Маринкой, и напросилась в гости. Перелет она даже не заметила, настолько ярость захлестнула её мозг. Она, сжимая кулаки, мысленно представляла, как рыдает Ксения, её муж, как плачут эти мерзкие дети. И чтобы отомстить, была готова на все.

«Лысый Шульц», как пренебрежительно про себя называла его Ольга, встретил её в аэропорту, невзирая на раннее утро. Привёз домой, сдал жене, и лишь потом отправился на работу.

Пред работой он нежно поцеловал малышкой, Маринку, и было видно, что он искренно и глубоко любит её сестру. Зависть засела во рту горьким вкусом. Маринка, пухленькая блондинка, отвела её в комнату, и сказала, что ждет через полчаса на завтрак.

В душе Ольга попыталась взять себя в руки. Она пока ещё не решила, что именно рассказать сестре, какую роль сыграть. Говорить о скором разводе и проблемах не хотелось, ещё чего — видеть в голубых глазках этой пышки жалость? Ну уж нет!

Она выпорхнула на кухню сияющая, свежая и максимально счастливая. Походя похвалила детей, сидящих здесь же в детских стульчиках, и тут же начала описывать, как отлично они отдохнули в Испании, как любит её муж.

— Ну ты же знаешь мужчин, ему срочно нужно на работу! А я решила провести сестренку, да и кое-что мне нужно еще сделать. И хотелось бы сделать мужу сюрприз, поэтому не выдавай меня, хорошо? Для всех я эту неделю живу у тебя, а я лягу в клинику, пора немного поправить грудь и губки. Хорошо, Марусик? — Она смотрела так жалобно-щенице, что сестра рассмеялась.

— Ох, Олька, не тем ты мужика удержать хочешь, родила бы давно, Вадиму то за сорок уже, когда ему детей растить? — Маринка успевала кормить детей кашкой, вытирать их

рожицы, и разговаривать с Ольгой. Ольга же внутри кривилась, фу, вот так вытирать плевки каши и слюни? А ещё памперсы вонючие, брр.

Первая часть плана реализована, осталось только дожидаться, когда Маринка уйдет куда-нибудь, и найти её документы. К счастью, мамочка с детьми собралась на прогулку, Ольга сослалась на усталость после перелета и собралась спать. Выждав время, когда сестра ушла с детьми подальше, пробралась в их спальню. Насколько она помнила, все документы сестра хранила там, в ящике комода. Без сейфа, без ключа. Так же как дома, в России.

Документы оказались на месте, Ольга взяла паспорт, водительские права, старые, ещё на имя Марины Усольцевой, прочие бумаги перепутала и весь бумажник засунула в самый низ. Пользоваться чужими документами она не боялась, женщины были очень похожи, только цвет глаз немного отличался. В институте они менялись студенческим, даже как-то Маринка летала по паспорту Ольги, когда горел тур в Тай. Быстро разобрала вещи, отбирая простые джинсы, футболки и толстовки, так, чтобы все поместилось в небольшой чемоданчик.

Когда Маринка вернулась с прогулки, её сестра уже пританцовывала у выхода.

— Марусик, позвонили из клиники, меня ждут уже сегодня. Я полетела, буду чрез неделю, надеюсь ты меня не узнаешь! — Она быстро расцеловалась с сестрой, и побежала к такси, ожидавшему у ворот. Ольга совсем не боялась, что Марина обнаружит пропажу, эта идеалиста никогда не поверит, что кто-то из близких может её предать. И самое главное, ведь не ошибалась! Рядом с ней всем хотелось стать лучше, и сама Ольга была готова слушать её рассказы о маленьких детях, что было невыносимо.

Из Берлина Ольга долетела до Марселя, там взяла напрокат машину, по правам сестры. От Марселя до Хавеи ехала на арендованной машине, почти тысячу километров, около четырнадцати часов. Трасса была отличной, с непривычки женщина быстро уставала, и часто останавливалась на отдых. Принятое решение пугало, и не один раз хотелось все бросить и повернуть назад. Но потом в глазах вставала картина, как Дэн валится на колени на песок перед этой, этой! И вновь серая лента дороги перед глазами, вновь злые слезы на щеках. Ольга не видела красоты окружающей природы, а ведь дорога часто шла по берегу моря, открывая потрясающие виды. Она выпила столько кофе, выкурила столько сигарет, что шум крови в висках давно походил на сваебойную машину. За окном сменялись города, горы и море, женщина практически ничего не видела. В отель прибыла уже по темноте, оплатила номер по паспорту Марины Шульц, и упала спать. Завтра, завтра начнется её месть, и они все еще поплачут...

Утром Ольга поехала в турагенство, где в основном работали выходцы из России, там подобрала себе скромную квартирку в Хавее, причем плакалась добрым девушкам, что прячется от мужа-садиста, и потому хотела бы снять ее инкогнито, либо на вымышленную фамилию. Девушки прониклись ее рассказами, и указали выдуманное имя и номер паспорта.

Все это заняло почти весь день, можно было переночевать в оплаченном номере, за который деньги так же не вернут, но ненависть гнала ее вперед, ей просто не сиделось на месте. Она сдала номер в отеле, погрузила вещи в автомобиль и поехала на снятую квартиру. Прибыла в спальный отдаленный район почти ночью, поднялась в квартиру и со вздохом осмотрела свои новые владения.

Крохотная квартирка из двух комнат, с мини-кухней, больше похожей на шкаф, таким же крошечным санузлом — унитаза и небольшая душевая кабинка. Все было чистенько, и весьма и весьма скромно. В спальне стоял шкаф, выдавший еще войну, и не факт, что

последнюю. Она вышла на кованный балкончик, выкурила сигарету и пошла за вещами. Принесла чемодан, кинула посредине спальни, размещать гардероб было негде, Ольга просто достала себе вещи на завтра, джинсы, кроссовки и толстовку. Все серое, болотно-зеленое и неприметное.

Даже измученная суетой, не могла уснуть, все представляя, какое лицо будет у этой твари, когда она узнает о том, что ее ждет. Сволочь! Заснула мстительница только под утро, потому планы пришлось сдвигать, встала еле-еле в час дня.

В доме не было даже кофе, Ольга решила по пути заехать в кофейню, и пошла собираться на дело. Одеда приготовленную с вечера одежду, зеленая толстовка, очки и бейсболка скрыли внешность. Никто из знакомых ее не смог бы узнать, она никогда в жизни не выходила из дома без макияжа и высоких каблуков!

После кофе в небольшой забегаловке на три столика, Ольга поехала к дому Ксении, надо было найти место для наблюдения, и остаться незамеченной. Проезжая мимо, она увидела, что к дому подъехала машина, за рулем была женщина в возрасте, сзади сидели дети. Няня привезла детей из детского сада! Вот и идея! Вторая машина с охраной шла следом, и это нужно было учесть. Ольга хорошо рассмотрела няню, обычная русская кошелка, училка. Такую легко обмануть, взять на слезу.

Она несколько дней следила уже за няней, выяснила, что забирает она детей всегда в одно время — в три часа дня. Потом они едут домой, охранники сопровождают на другой машине. Ольга засекала время до минуты, нянька приезжала за две-три минуты, либо опаздывала так же не более трех минут.

Теперь нужно было как-то влезть в доверие к няне. Русские люди сердобольны, поэтому Ольга была уверена в успехе. Вот только няня очень редко выходила из дома, а познакомиться с ней при наличии охраны было нереально. На второй неделе она все же смогла подкараулить няню, вышедшую до ближайшего магазина одну. Быстро изобразив заплаканное лицо, якобы узнав в женщине русскую, Ольга обратилась к няне за помощью.

Мария Петровна, по виду напоминая учительницу из российской глубинки — гладко зачесанные и закрученные в шишку на затылке волосы, очки, никакой косметики, скромный деловой костюм — охотно пришла на помощь заблудившейся русской женщине. Помогла разобраться в карте города, рассказала, как и где лучше устроиться. Ольга в благодарность пригласила ее выпить кофе, и со слезами на глазах поведала, что ищет недорогое жилье, что ей нужен детский сад для двух маленьких детей, что деньги у нее есть, но она прячется от мужа...

Пожилая женщина, любительница сериалов про олигархов и бедных их жен, всему охотно поверила, рассказала о себе, о том, что дети ее хозяйки посещают очень приличный детский сад, там дороговато, но отлично. Они договорились встретиться через пару дней, и Мария Петровна обещала отвести ее в детсад, посмотреть, как там все устроено, чтобы принять решение. Действительно, они побывали в детском саду, там все было отлично. Только Ольга, предложившая няньке навестить подопечных, сообщила воспитателю группы, что с завтрашнего дня она новая няня госпожи Вальдес, и будет забирать ее детей. Когда Мария Петровна вернулась, воспитательница уточнила у нее тихонько:

— Эта сеньора мне все рассказала, это правда?

— Да, конечно, это правда!

— О, сеньора, нам так жаль!

— Жаль, но что поделаешь, это жизнь! — Пожала плечами Мария Петровна, думая, что

сочувствуют неудачной семейной жизни соотечественницы. Дамы попрощались и уехали, пожилая женщина отметила про себя, что работники сада смотрели на нее с жалостью, и прощались душевно. Просто хорошие люди, решила она.

На следующий день, Ольга приехала за двадцать минут до трех часов, зашла к воспитателю, та ее восприняла как уже законную няню, и ... отдала ей детей. Дети вышли спокойно, хотя в машине засыпали Ольгу вопросами.

— Нам сказали вы наша новая няня? А где Мария Петровна? А почему не приехала мама? А что случилось с нашей няней? Она говорила, что всегда будет с нами!

— Тихо-тихо, дети! — Ольга поморщилась, она с ума сойдет с этими детьми, надо скорее их усыпить, что ли. — У Марии Петровны инфаркт, она старенькая уже, ваша мама повезла ее в больницу, будет операция, это все долго, поэтому мама наняла меня и попросила побыть с вами пару дней. Мы сейчас поедем в одно место, где вам очень понравится! А пока вот. — Она протянула детям бутылочки с колой, с сильным снотворным. Кинула упаковки с печеньем и конфетами.

— Мама не разрешает нам до обеда есть сладкое! — Возразила эта противная девчонка.

— Сегодня можно, сегодня все неправильно. — Ольга постаралась улыбнуться девочке, и хотя получилось плохо, та успокоилась. Ольга ехала к снятой квартире, и напряженно наблюдала за детьми. Вот они открыли печенье, жевали, рассыпая крошки, вот все-же стали пить колу. Пока она ехала по городу, дети заснули. Ольга остановилась, вколола им снотворное. Усадила их на заднем сиденье полулежа, укрыла пледом, и поехала к границе, назад во Францию.

Глава 13. Недостижимое счастье

Дэн, с момента ухода Оксаны, а иначе он её не называл, жил и двигался как во сне. Он ругался с женой, она угрожала ему, а сам думал, как ему приблизится к детям и любимой женщине. Как вымолить прощение у той, которую уничтожил сам? Он еле-еле дождался, когда Ольга наконец-то уехала, и упав на кровать в одежде, вспоминал, каждую черточку, каждый шаг. Он видел глаза девочки, боже, она даже назвала её Даниэлой, как брата!

На следующий день он караулил Ксению на улице, и когда она утром уехала на работу, поехал за ней. Так Дэну удалось узнать, что она работает управляющей в довольно большом отеле. Однако охрана к ней не пустила.

Тогда Дэн забронировал лучший номер отеля, и переехал туда. С гостем отеля она не имеет права отказаться разговаривать! Добиться встречи было не просто, он пообщался со всеми менеджерами по нарастающей, но все же настоял, и Ксения его приняла.

— Я так понимаю, ты упорный, и не отстанешь от меня? То есть, с тем же упорством, с которым ты стремился меня уничтожить, теперь ты будешь меня преследовать? Скажи, Дэн, как ты мог — спать со мной, жить, и целый год планировать мое унижение, носить в себе ненависть? — Она говорила тихо, устало. Дэну было больно смотреть ей в глаза.

— Я любил тебя, я понял это сразу, как мне сообщили что ты покончила с собой....

— А до этого мы были вместе почти три года, больше года жили в одной квартире, спали в одной кровати — и ты меня презирал? Чего ты хочешь? О каком прощении может идти речь? Оксана умерла. По твоему желанию. А сейчас есть Ксения, есть Милана, есть сеньора Вальдес, в конце концов.

— Ты вышла замуж за испанца? И мои дети носят его фамилию? Как ты успела? — вопросы звучали глухо, и совсем не это хотелось ему говорить.

— Ну моя жизнь тебя не касается. Ты хотел поговорить — говори. У меня много дел. — Она отвернулась к окну, и ему показалось что на глазах ее сверкнули слезы.

— Прости меня, я все годы молю Господа, и теперь прошу тебя — прости меня. Я буду стоять на коленях, я сделаю все что скажешь, только прости меня... Я хочу видеть тебя и своих детей. Пожалуйста! У меня нет никого и ничего дороже вас! Я не уйду, позволь мне видеть вас... — Он и правда опустился перед ее креслом на колени, взяв в руки обе ее ладони. Ксения выдернула руки, Дэн горько улыбнулся, понимая убрал руки

— Как у тебя все просто! Решил — уничтожил, попросил прощения — опа, семья как по волшебству. А завтра опять что-то узнаешь и что? Нет, я не могу рисковать сердцем и детьми. Я прощаю тебя, но видеть не хочу, уходи!

— Можешь вызывать полицию, я не уйду. Мне нет жизни без вас, если ты не позволишь мне быть рядом, видеть вас хоть изредка, мне нет смысла жить. Я больше не могу жить без вас.

— Шантаж? Будешь пугать меня самоубийством?

— Нет, не пугать. Мое сердце просто не выдержит, я слишком долго умирал каждый день и каждую ночь, вспоминая тебя. Я казнил себя, я проклинал себя, я просил у тебя прощения. Если бы я мог что-то изменить, я отдал бы свою жизнь, чтобы этого не случилось... Я знаю, ты не можешь любить такого монстра, но позволь мне изредка приходить к вам, видеть тебя и детей, хотя бы раз в месяц. Я буду жить этой надеждой.

— Не могу любить... Не могу, но не буду врать — я-то люблю тебя как прежде. Но

рисковать детьми не буду. Поэтому, я разрешу тебе встречаться с детьми один раз в месяц, но ты клянешься, что они не узнают от тебя, что ты их отец. Если проговоришься — я расскажу ВСЮ правду и ты их потеряешь навсегда.

Дэн стоял на коленях оглушенный. Любит как прежде? Но не будет рисковать... Он боялся поднять глаза, чтобы Ксения не увидела в них бешеной радости. Если любит, он сделает все, чтобы вымолить ее прощение!

— Встань, — попросила Ксения, — сюда могут войти, и ты испортишь мне репутацию.

Дэн вскочил, неуклюже опершись о пол, потом суетливо сел в кресло напротив, отряхнул колени, и поднял глаза на женщину. Она смотрела на него с такой болью, что у него кольнуло в груди.

— Подходи завтра к шести вечера, я закончу работу и поедем домой. Сегодня я должна предупредить домашних, что завтра жду гостей. А ты будь готов, возможно сегодня к тебе придут, моя охрана. И завтра, извини, проверка обязательна, никакого оружия, из гаджетов — только телефон. Если обнаружат хоть что-то лишнее, забудешь о встречах. Все, свободен, сеньор Нейман. Мне нужно работать.

Дэн как пьяный поднялся в номер. Он не верил своему счастью, завтра наконец-то он увидит своих детей, поговорит с ними, и при этом с ним будет Оксана! О, дети же! Нужны подарки! Он кинулся к компу, выяснить, что интересуют детей пяти лет, где детский магазин. Мужчина был готов скупить весь магазин, и от отдела к отделу количество пакетов росло — здесь были и мягкие игрушки, и планшеты, и куклы, и машинки, и какая-то одежда. Ловкие продавцы, видя маловменяемого человека, быстро смекнули, что можно заработать. Они уточнили возраст детей, и несли все самое дорогое. Багажник автомобиля был полон под завязку, когда Дэн вспомнил про сладости. Еще один забег, и ещё пара огромных пакетов.

Ксения дома выдержала бой с Ником, который резко прекратил разговор и уехал на свою половину, впервые заперев двери на ключ. Потом ее ругал Макс по телефону. Потом звонил Игнат, и убеждал, что ее поступок опрометчив и напрасен.

— Дорогая моя, люди не меняются. Этот человек уже принес в твою жизнь горе, а теперь ты открываешь двери большой беде!

— Оставьте все меня в покое, он все же отец Алекса и Даньки! Это моя жизнь!

Детям она сказала, что приехал дальний родственник их России, и завтра придет к ним в гости. Дети, игравшие с няней в настольную игру, были увлечены, и только согласно кивнули головой.

Вечером Дэн ждал охранников Ксении, но никто не пришел. На следующий день он дергался с утра, а к выезду был готов за два часа. С пяти часов он сидел в холле, не отводя глаз с двери коридора, откуда должна была появиться Оксана. Потому не заметил, как к нему подошли двое.

— Сеньор Нейман? — голос вернул его к реальности.

— Да, это я. Что вы хотели?

— Мы охрана госпожи Вальдес. Если вы хотите попасть в дом, предъявите к осмотру машину, и все личные вещи. Так же мы будем вынуждены вас обыскать.

— Машина здесь на стоянке. Пойдемте. А что значит обыскать меня?

— Полный личный досмотр. Это условие обязательное, требование босса. Если вы против, мы вас не допустим в дом сеньоры.

— Я могу узнать имя босса?

— Это закрытая информация. Любое несоблюдение требований приведет к отказу в посещении.

После досмотра Дэну оставили небольшую упаковку печенья, и две маленькие игрушки. Все остальное пришлось унести в номер. Машину проверили досконально, потом так же тщательно его карманы. Швейцарский нож в бардачке сочли оружием и велели убрать. Выбросить было жаль, Дэн оставил временно его у администратора. Наконец унижительная процедура была закончена, появилась Ксения, ровно поздоровалась и прошла мимо, к своей машине. Дэн выехал следом, едва удерживая руль внезапно взмокшими руками. Охрана поехала за ним.

И вот, наконец-то, они вошли в дом. Ксения остановилась у входа и крикнула:

— Дети, я дома! — в ответ раздался вопль и по лестнице дробно застучали детские ножки. Они добежали до матери, и тут увидели постороннего человека, пошли чинно и перестали кричать.

— Дети, это дядя Дэн, наш дальний родственник из России, он хочет познакомиться с вами.

Дети прилипли к матери, и сверлили его своими темными глазами, потом мальчик, который видимо все-же был посмелее, сказал:

— Добрый день, меня зовут Алехандро Антонио. Можно говорить Саша, это по-русски, да мама? Или Алекс.

— Ну, а ты, принцесса? — Дэн опустился на колени, протягивая девочке мягкую игрушку — какого-то жуткого рогатого розового пони. — Как зовут тебя?

— Даниэла. Я ж тебе говорила, ты был тогда на пляже! — Маленькая вредина не взяла игрушку, спряталась за мамой.

— Хорошо, идемте ужинать, и пить чай. Мария Петровна! — Нянька выглянула из столовой. — Я заказывала доставку из ресторана, все привезли?

— Да, Миланочка, все уже на столе, я накрыла. Прошу всех к столу.

— Пригласи Ника, пожалуйста. А вы все мойте руки, и покажите дяде Дэну. — Важный от порученного дела Алекс, махнул рукой в сторону белой двери:

— Прошу вас, дядя Дэн, это сюда.

Даниэла шла сзади молча, Дэн вымыл руки, Алекс подал ему полотенце. Потом они сосредоточенно вдвоем мыли руки в одной раковине, тщательно вытирали. Такие большие и самостоятельные! Сколько он потерял, сколько он не видел! Ник не спустился к ужину. Ксении было даже легче от этого, хоть и немного жаль.

За столом Дэн расспрашивал детей об их садике, что они любят, и не мог оторвать глаз, как серьезно и старательно они орудовали ножом и вилкой. Потом Данька, все-таки сказала:

— Мам, а почему дядя такой глупый? Ничего не знает, и только все спрашивает и спрашивает.

— Селеста! Нельзя так о взрослых! Дядя хочет узнать вас поближе.

— Зачем? У него что, нету своих девочек и мальчиков? — Наивный ребенок всегда говорил, что думает.

— Нет, Данечка, у меня нет других девочек и мальчиков, поэтому я хочу стать вашим дядей, родным, понимаешь? — Дэн пытался с улыбкой ответить на выпад ребенка, но получилось плохо, и горечь в своих словах слышал явно.

— Я Даниэла, или Селеста, ты не моя мама, нельзя меня так называть! А почему ты не заведешь себе детей, у тебя же есть жена, я ее видела там! — Дочка махнула головой куда-то

туда, имея в виду пляж.

Дэн не знал, что сказать. Настолько неожиданным был выпад девочки. Он видел, как Алекс толкнул ее локтем, но девочка насупила брови и упрямо сложила ручки на груди, демонстрируя, что ушла в отказ.

— Наверное, кто-то не хочет десерт, а сегодня мороженое с фруктами. — Глядя в окно, между делом сказала Ксения.

— Нет, мамочка, мы хотим. Мы так больше не будем, правда Алекс? — Хитренькая малышка сразу забыла обиды.

После ужина Дэн пошел с детьми в игровую, Ксения провела его по дому. Дом впечатлял, легкий, светлый, просторный. Имитация под старину, но на самом деле современный и удобный. Он был поражен количеством картин, портретом Ксении на первом этаже, фотографиями на лестнице, отовсюду на него смотрели Ксения и дети.

Увидев его недоумение и восторг, женщина открыла дверь рядом с игровой — все стены были завешаны работами, явно талантливого человека. На центральной, где Ксения в профиль сидит у большого окна беременной, он узнал известный снимок:

— Я же видел этот снимок в журнале! Он выиграл какой-то конкурс! Неужели это ты? — Теперь он явно узнавал свою Оксану, еще ту, давнюю.

— Это работы моего мужа, Игнасио Вальдеса. Он художник, пишет картины и фотографирует. Это самая известная его работа, но вообще-то, он неоднократно выставлялся в выставочных залах Америки, Франции, ну и здесь, конечно.

— Да, это наш паппи Игнат, вот его портрет! А это — паппи Макс, а это паппи Ник. Мы ездили тогда в Диснейленд! У нас с Алексом целых три папы! Мы их всех любим! — Эту прибежала неугомонная Даниэла, и стала показывать фото, где все были с красными шариками на носу и воздушными шарами на палочках в виде животных.

Через полчаса дети свободно щебетали с Дэном, как со старым знакомым. Он играл с ними в машинки, пил чай «понарошку» с куклами, был волком из сказки, и возил царевича. Время пролетело незаметно, в девять Ксения сказала, что детям пора мыться и спать, а Дэну пора уходить.

Дети вприпрыжку убежали с няней, Ксения пошла провожать Дэна. Его сердце пело от радости и сжималось от горя, а вдруг и правда, только через месяц он сможет увидеть детей?

— Когда я могу прийти? — Тихо задал жгучий вопрос.

— Ты же скоро уедешь в Россию, и приезжать не сможешь? Приходи послезавтра, детям ты понравился. Они будут рады.

— А ты? — Он попытался взять ее за руку. Но женщина резко отстранилась, и ушла из холла. Охранник открыл перед ним двери, и как показалось Дэну, смотрел свысока и с презрением.

Да, все же шантажом он вынудил ее впустить его в дом, но будет ли ему от этого легче, ведь ему мало просто видеть ее, такую любимую, такую желанную и недостижимую. Металлические ворота закрылись за ним, отсекая его от самых любимых.

Две недели длилось его горячее счастье — через день-два ему разрешали встретиться с детьми. Он забыл обо всем, делах, жене и жил только этими встречами. Даже звонок его бухгалтера не разбудил в нем тревоги.

— Вадим, ты доверяешь своему заму? Мне не нравятся странные дела на фирме. — Новый главбух говорил как-то неуверенно, потому что знал об их многолетней дружбе.

— Сергею? Да, конечно, он мне как брат. Я дал ему самые широкие полномочия, пока

меня нет.

— Смотри сам, но лучше бы тебе приехать.

— Нет, я пока не могу, у меня дела, личные. Это очень важно, потом разберусь!

А потом грянул гром — разрушивший его жизнь, и жизнь Ксении. В этот день встреча с детьми не планировалась, и он сидел в номере. Вдруг ворвались четверо охранников Ника, скрутили ему руки. Следом на коляске въехал человек, в черных тонких перчатках, и с неподвижным лицом.

— Где дети, сволочь? Это ты подстроил их похищение? Тебе не жить! — Дэн узнал этот скрипучий шепот, но напугало его не это. Дети! Кто-то похитил его детей! — В машину его!

Глава 14. Любовь, которая убивает

Ксении позвонила на работу рыдающая няня. Детей похитили из детского сада. От такого известия ноги приросли к полу, она вспомнила предупреждение Игната, что Дэн принесёт ей большую беду. Неужели Дэн? Не может быть он таким подлым, втереться в доверие и увезти детей. Она набрала Ника, тот сразу же взял трубку.

— Я все знаю, мы едем за Дэном, полицию известили. Она уже едет, приезжай в детский сад, мы там будем через полчаса.

Ксения побежала к машине, долго не могла вставить ключ в замок, кое как вырулила со стоянки, дорога показалась ей бесконечной, слезы мешали видеть, и про себя она молилась, только бы живы, только бы вернули, пусть запросят любые деньги, она продаст дом, она отдаст всё...

В саду ее няня, воспитательница и полиция находились в кабинете директора, женщины плакали, путано объясняли. Показания различались — воспитатель говорила, что это няня привозила и представила ей новую няню, а Мария Петровна говорила, что эта женщина искала садик для своих детей.

Описание машины дали обе, синий минивэн, но номер не помнили. Полиция искала камеры наблюдения, где мог быть зафиксирован номер машины. Через два часа их отправили домой.

Мария Петровна, рыдая, просила прощения, рассказывала, как познакомилась с русской женщиной, та назвалась Машей, была такой расстроенной, сбежала от мужа, как она ее пожалела. Она винила себя, Ник в гневе велел ее уволить, полиция запретила уезжать, и бедную пожилую женщину посадили под домашний арест.

Пустой дом давил на нервы, Ксения не находила места. Дэна, после допроса в полиции, привезли к Нику, и Ксения присутствовала на допросе. По описанию женщины, Дэн не узнал Ольгу. Светлые волосы она прятала под бейсболкой, и кто это мог быть, ему не пришло в голову.

Через четыре часа по камерам наблюдения удалось установить номер машины. К утру выяснилось, что машина была арендована во Франции, и к моменту, когда полиция туда приехала, машину уже вернули. Имя арендатора — какая-то русская Марина Усольцева, никому ничего не сказало. Это женщину объявили в розыск. Но ни в одном отеле Испании такая женщина не проживала.

Ольга же, ненавидевшая детей в принципе, а детей Ксении особенно, со спящими детьми легко доехала до границы, её никто ни разу не остановил. Старалась заправляться на маленьких деревенских заправках, там же брала с собой стаканчик кофе. Ах, как замечательно придумали этот Евросоюз! Никаких границ, нет таможни, и она легко вывезла детей из страны! Что делать с детьми дальше, она не думала. Планировала оставить где-нибудь возле приюта. Возле Марсея обратила внимание на странное заведение — много арабов, негров, очереди с детьми, шум и гам. Она вышла, прошлась осмотрелась, это был пункт распределения беженцев. Толпа народа, суета, как раз то, что нужно. Ольга покрутилась в очереди, принесла детей, и усадила их прямо на бордюры, еще покрутилась немного, никто не поднимал шума, и она убежала в машину, и быстро уехала в аэропорт.

Следующий день она встретила уже у Маринки, та долго рассматривала её якобы новые губы, и сделала вид что все хорошо. Так же незаметно удалось вернуть документы на место.

Все, месть совершена!

Она упала и спала сутки, её не мучила совесть, она представляла горе Ксении и упивалась этим. Для усыпления бдительности Маринки посидела у нее еще два дня, наслушалась детских воплей, и улетела домой. Довольная собой до крайности.

А в Испании продолжались поиски похищенных детей. Всем патрульным машинам были переданы фото женщины в бейсболке и очках, охранники Ника, включая десяток, прилетевших из России, круглосуточно ездили по городу, вглядываясь в лица женщин. Но бесполезно, и похитительница и дети пропали.

Ксения не ходила на работу, боялась отойти от телефона, все ждала звонка похитителей. Но звонка все не было, от тишины в доме у нее начались галлюцинации, ей чудился смех детей, потом что они ее зовут. Она засыпала сидя в кресле, и просыпалась через полчаса, ей чудилось что звонит телефон.

Ночью она пришла в комнату, где держали Дэна, он так же выглядел измученным и почерневшим от горя.

— Зачем ты меня нашел, зачем? Ты опять принес мне только горе, это все из-за тебя! Из-за тебя я чуть не умерла в ледяной воде, я бежала из страны, я не мешала тебе жить! Ну почему ты, почему ты не забыл меня? Почему ты, как какое-то чудовище, появляешься и разрушаешь всё?

— Я не мог ожидать, что кто-то из моего окружения окажется таким монстром, прости, я виноват. Я опять виноват. Дети найдутся и уеду, и больше не буду тебе мешать. Пойми, для меня это тоже страшная беда.

— Скажи мне, что это за женщина, она же не навредит моим детям? Скажи! Почему ты молчишь! О, неужели...

— Не знаю я кто это, и на что она способна, я совсем, совсем ничего не знаю. Но она ненавидит тебя, это ясно. А может это враги Ника?

— Нет! Пока ты не появился, все было хорошо? О! — Ксения упала в рыданиях на пол. — Запомни, если с ними что-то случится, если их не найдут живыми, я сама убью тебя. И её. Когда найдут, а Ник найдет её, он найдет её, даже под землей. — Ее слова потонули в рыданиях, а Дэн слушал и умирал внутри — даже сейчас она надеется на Ника, а не на него.

Вошедший охранник поднял Ксению, оттолкнув Дэна. Её увели, в доме запахло сердечными каплями, такой знакомый запах, он преследовал его весь первый год после исчезновения Оксаны. Дэн стоял у окна, но ничего не видел, слезы застилали глаза, сжимал кулаки и проклинал себя.

Ник тоже сильно переживал похищение детей, он боялся всего, что их убьют, увезут в какой-нибудь заштатный приют, продадут на органы. Он знал, как страшно маленькому ребёнку остаться один на один с враждебным миром, и сожалел, что они в просвещенной Европе. Дома он бы давно нашел эту сволочь, и уже снял бы шкуру в буквальном смысле.

Его специалисты пытались добыть в телефонной компании данные по телефону жены Дэна — местоположение, разговоры и движение, пока она была единственной подозреваемой. Но Ольга Нейман улетела в Берлин, и из Берлина никуда не выезжала. Данные по телефону изъела полиция, а они действуют медленно, и в рамках закона, и если она была здесь на машине, а не прилетела на самолёте — не проверить, не поймать. Подкупить никого не получилось, и осталось только искать по улицам. Из местных баз данных получили все адреса съемных домов и квартир, сперва проверяли с русскими фамилиями, таких набралось более трехсот адресов. Но за пару дней все адреса будут

отработаны, но что мешает преступникам вывезти детей из города? А может они давно уже в другой стране?

Ольга вернулась домой, в их квартире с Дэном было тихо, пусто и невыносимо душно. Казалось, что стены смотрят с упреком, люстра кивает подвесками, да-да, мы все знаем, что ты наделала! Ольга бросила вещи и поехала к Сергею, как бы не упивалась она своим поступком, но хотелось поделится, получить поддержку, что она всё сделала правильно.

— Лялька, милая. То ты требуешь, чтобы я вывел все деньги, то лететь куда-то срочно. То появляешься внезапно, боже, что с тобой? — Любовнику уже надоели её истеричные звонки, метания, он уже мечтал от неё избавиться, но слишком многое их связывало, да и сумасшедшие глаза Ольги пугали.

Ольга села на диван, видно было, что она очень устала, под глазами синева, всегда безупречное лицо отекло, морщинки не разглажены десятком кремов, руки немного дрожат.

— Рассказывай, похоже мне есть что услышать. Что ты натворила?

— Почему ты так решил? Я была у сестры, просто переживаю из-за развода. Расскажи лучше, как у нас дела.

— Дела у нас отлично. Деньги уже на счетах на Кипре. Под все большие контракты я взял авансы, они тоже там. Счета фирмы на долевое тоже пусты, провел как предоплату за материалы и оборудование, пришлось отдать часть средств, где десять, где тридцать процентов. Фирму, ту дочку, через которую все выводили, я продаю, по доверенности Дэна. Через два дня сделка. Она уже по факту, ничего не стоит, но подвернулся идиот, почему не взять еще пол-лимона? Квартиру свою я тоже продаю, и, если Дэн не появится еще три дня, мы с тобой благополучно отчалим. Домик в Черногории я уже присмотрел. Только есть один момент, ты должна знать — деньги ушли все. Долевое будет завершать не на что, дольщики пойдут в суд, и твоего муженька посадят. Ты этого хочешь? Мне друга жаль, зачем так жестоко? Может оставим ему на жизнь, половину? — Сергей видимо еще мучился совестью, а его любовнице, после совершенного, это было раз плюнуть.

— Нет, солнце моё! Я сказала всё. Значит всё! Жаль, что его квартиру я не смогу продать. Завтра я к адвокату, развод надо оформить быстро. Он тянуть не будет, ему это не выгодно.

— Документы на развод уже у твоего адвоката, пришли неделю назад. Так что подпишешь, и адью.

— Отлично! Значит мы им отомстили. Что ж, можно начинать жизнь сначала.

Начали кутить они в самом крутом ресторане города «Купец», гуляли с размахом. Закончили дома у Дэна, так захотел Сергей — на кровати Дэна, на его белье. В его ванне он поливал Ольгу шампанским, целую ванну набрать, конечно слабо, но пару бутылок Моэта, с пеной и шумом вылил. Расслабленная и пьяная, Ольга стала рассказывать о похищении детей. Они сидели на диване, Сергей обнял её сзади, она откинула голову ему на грудь, и не могла видеть его лица. Сергей же слушал, и стремительно трезвел.

— Ты сошла с ума? Ты украла детей? — Он не мог поверить своим ушам, лохматая макушка на его груди принялась активно кивать.

— Где ты их оставила? В каком городе? — Попытался извлечь полезную информацию из пьяного бреда Сергей.

— А зачем тебе? Ты побежишь их спасать? Или позвонишь дружку, помочь? Так расскажи заодно, что ты его оставил голым! И про тюрьму, что его ждет не забудь! — Ольгу разбирал смех, истерика все-таки настигла этого монстра. — Не хочешь? Это дети Дэна!

Дэна и этой суки, его Оксаны! Я ненавижу их, и эту суку, и этого проклятого Дэна! Я хотела чтобы она узнала, каково это потерять близких людей. Отомстить.

Сергей вышел на кухню, сел на стул. Одно дело, махинации, там можно скрыться с деньгами, а похищение детей — это уголовка, это Интерпол, и бежать в целом мире будет некуда. На хрен ему сдалась эта бешеная сука?

Ольга бегала, истерила и что-то говорила, он ее не слушал и не слышал. Он лихорадочно размышлял, смогут ли его связать с этой бабой? И понимал, смогут. Телефон. Что делать? Только явка с повинной? Это тюрьма, доказать, что он не знал о похищении не получится. Надо бежать, бежать одному.

Он повернулся к Ольге, убить эту тварь? Но, вот только он не убийца... Женщина поняла, о чем он думает, и бросилась перед ним на колени. Обхватила его руки, и торопливо целуя кисти, не отпускала его.

— Я была осторожна, я... я прилетела в Берлин, и я была у сестры. Во Францию я летела по паспорту Маринки, машину брала по её девичьим правам, никто не свяжет это с нами. Они не найдут, не докажут. Мы все равно уедем через три дня. Я должна была отомстить, как ты не понимаешь? Должна.

Сергей упал на кухонный табурет, и рухнул лицом в ладони, на стол. Господи, и с этой бешеной сукой он связался? Что делать? Как от неё избавиться? Он больше не желал иметь с ней ничего общего.

Два дня ушли на последние дела, фирма была продана, деньги поступили на счет. Сергей сделал последний шаг, разделил счета с Ольгой. Пояснять ей свои планы он не планировал. Выехали из страны они через Казахстан, Узбекистан. И в аэропорту Ташкента Сергей просто ушел от Ольги, ничего не сказав. Его самолёт улетел на Бали, а она опоздав на свой рейс, искала его в аэропорту, писала заявление в полицию. Симку с телефона он выбросил еще в Красногорске, и больше не собирался иметь с ней дело. До Ольги дошло что её кинули только через сутки, она купила билет и поехала в Черногорию, документы на дом были у неё. Она тряслась от страха, что подельник оставил её без денег, но счета оказались в порядке. Даже больше, чем она ожидала.

Сергей долго сидел, глядя на экран телефона. Позвонить Дэну? Рассказать про детей? Но Ольга так и не раскололась, где она их бросила, а без этого смысла звонить нет.

Когда прошел угар побега, он не мог понять, зачем он сделал все это? Зачем увел деньги у друга? Чем была плоха та жизнь? У него все было — дом, друзья, работа, жизнь. Деньги есть — но нет друзей и родины, бегать до смерти по чужим островам? Без семьи, без детей и друзей? Да чтоб её, эту суку, это все она виновата! К сожалению, Сережа был из тех людей, у кого виноваты все, кроме него.

Глава 15. Земля из-под ног

На допросы Дэн ходил еще месяц, следствие передали в столицу, поэтому жил он в Мадриде, и видеть Ксению не мог. На звонки она отвечала, и он знал, что детей так и не нашли. Потом его отправили на родину, заявив, что отныне и навсегда он является персоной нон-грата для Испании. По закону, к детям он отношения не имел, и пострадавшим не являлся. А вот то, что вероятная похитительница была русской, и он тоже, стало главным фактором.

Покинуть Испанию Дэн должен был в течение 72 часов, он поехал из Мадрида в Хавею поговорить с Ксенией, о возможности совместных поисков в другой стране, во Франции. Он еще издали увидел, что особняк имеет нежилой вид, все окна закрыты, шторы опущены, нигде не горит свет. Долго звонил в ворота, но к нему никто не вышел. Звонил Ксении, абонент был недоступен. Тогда он решился позвонить Нику, тот взял трубку не сразу.

— Доброго, Ник! Куда вы спрятали Ксению? Её нет дома, телефон не доступен. Это все ты, да? Опять увез ее за тридевять земель от меня? — Он был готов биться головой в эти железные молчащие двери.

— Вадим? А почему ты ищешь Ксению? Ты прости, ей кто? — Шепот был издевательским, и Дэн видел мысленно, как улыбается это пластмассовое лицо «папы Ника».

— Ник, ты прекрасно знаешь, что я отец этих детей, и я люблю их всех, и не хочу терять. Где Ксения? — Гнев перекрыл расстройство, голос перешел на крик.

— Сеньора Вальдес уехала к своему мужу в Штаты, если ты ей там нужен, она тебе позвонит. Мне никто не разрешал давать тебе адреса или телефоны. Её муж довольно известен за океаном, ищи и найдешь.

— Как уехала к мужу? Я думал их брак фиктивный, он же пацан совсем...

— Не могу знать, свечку не держал. Лети домой, Дэн, у тебя там серьезные проблемы. Если успеешь, может спасешь свою вшивую фирмочку. — Трубку положили, а в ушах Дэна все еще звучал хриплый каркающий смех инвалида, который опять держит в руках его судьбу.

Он поехал в отель, стал собирать вещи, обнаружил, что в шкафу так и лежат детские игрушки и вещи, которые накупил в панике перед первой встречей с детьми. Потом о них просто забыл, и куда теперь это все девать?

Нейман позвонил горничной, пришла женщина средних лет. На плохом испанском, Дэн с трудом смог донести до нее, что все эти вещи нужно отправить в детский приют. Когда до горничной дошло, что русский просто хочет избавиться от горы дорогих вещей, и отдает их бесплатно, то тетка, залопотав быстро-быстро стала показывать ему фотографии каких-то детей в бумажнике.

— У вас есть дети? Ну забирайте всё себе, мне всё равно.

Женщина позвонила, к ней на помощь прибежала еще одна девушка, они быстро сгребли все пакеты, и с благодарностью удалились. Когда Дэн с чемоданом проходил мимо комнатки дежурной по этажу, оттуда слышался женский гомон и восклицания, горничные делили подарки, ну хоть кому-то радость.

Домой летел в недоумении, насколько он знал Ксению, она не должна была так с ним поступить. Что же могло случиться? Почему она уехала так внезапно, когда дети не

найденны? Но разгадать загадку без неизвестных невозможно, и ему осталось только ждать. Ждать и набирать старый номер, надеясь, что абонент появится в сети.

В квартире стоял мертвый пыльный воздух, он прошел, открыл балкон. Всюду — в шкафах, на кровати, на тумбочке — были разбросаны вещи Ольги. Он стал зло скидывать их в одну кучу, и тут с болью в сердце вспомнил аналогичную картину — он, пьяный до полусмерти, ночью скидывает в кучу вещи Оксаны, потом сгребает в сумку и выносит к мусорному контейнеру. Сейчас он хотел сделать тоже самое!

Достал из тумбочки Ольги записную книжку, нашел телефон ее подруги. Попросил приехать, забрать Ольгины вещи. Та появилась через пару часов, такая же как Ольга — накрашенная, ухоженная до кончика пальцев самка, в провокационном платье. Свободно прошла, подхватила с барной стойки бокал Дэна, отпила коньяк, оставив на стекле красную помаду. Дэн, внутри скривившись, достал себе другой бокал.

— А что случилось с твоей женой? Ольга сбежала от тебя с твоим замом? — Любопытная тётка хотела узнать все из первых рук.

— При чем тут мой зам? Мы с Ольгой развелись, она уехала. Видно, торопилась, раз все так раскидано. А при чем тут Сергей? У них что, был роман? — В голове начали крутиться подозрения, вспомнил звонок бухгалтера, и то, как друг не звонил, не встретил.

— Ах, котик, ну ты же знаешь, муж всегда узнает последним! Вадим, не стоит огорчаться, вокруг много достойных женщин, и многие, я скажу даже оч-ч-чень многие, будут рады составить твое счастье, — она так многозначительно облизывала губки, так выпячивала грудь и обнажала ножку, покачивая туфельку на пальцах ног, что Дэн понял — он опять предмет охоты силиконовых сисек.

Основной же сюрприз ждал его на работе — его друг, помощник и зам вывел практически все на дочернюю фирму, а потом эту фирму продал, деньги ушли неизвестно куда. При чем, виноват во всем как бы он, все документы подписаны его электронной подписью, которую он доверил своему другу. Стройки все стоят, нет денег на материалы, обманутые дольщики уже подают в суд. И если он срочно не примет меры, ему грозит не просто банкротство, а тюрьма.

Неделю он разгребал документы, подавал иски, и к концу недели определился с объемом, ему срочно нужно не менее десяти миллионов. И не рублей. Тогда он сможет выйти из судов, закончить доленое, продать долгострой, выйти в ноль, но хоть как-то избежать позора.

Бушуев выслушал его с удивлением, покачал головой:

— Нет Дэн, денег я тебе больше не дам. Я два раза выгащил тебя из дерьма, а ты уехал сидел в Европе своей, возле юбки этой телки, и даже ни разу не позвонил. Как ты мог до такой степени верить Сергею? Да хоть кому? Даже мне! Даже другу-свату-брату! Делай что хочешь, но я тебе не помощник, я уже стар, мне своим детям надо что-то оставить, ей-Богу. Не обижайся, но я тебя не понимаю.

Дэн пошел в банк, один, другой — репутация фирмы пострадала крепко, и кредит он получить не смог. Осталось последнее средство, и он опять позвонил Нику.

— Вадик, детка, забудь мой номер, я тебя прошу! — Вместо приветствия или алло, сказал Ник. — Я не скажу тебе ни номер Ксении, ни ее адрес.

— У меня к тебе дело, мой друг меня кинул...

— Я в курсе, не продолжай. А я тебе сколько раз намекал, не пора ли домой? Ты хоть держал дела под контролем? Или все мозги в штаны утекли? Пускал слюни на Ксению и не

интересовался как тебя тут на**али?

— Ник, мне нужны деньги, возьму под проценты, или под фирму...

— Фирма твоя мне не нужна даром, да она и гроша ломаного не стоит теперь. Брось и уезжай.

— Ник, это моя фирма, это моя честь, я не хочу позорить свое имя и своего отца... Мне надо достроить доленое, там тысячи людей останутся на улице. Я не могу так поступить, тут уже не до прибыли.

— Так стоп, кончай мне разводить свою демагогию, дня через два я прилечу, с командой. Будь готов, изложишь конкретный бизнес-план, денег дам. Нет — уеду обратно. Все, до встречи.

Ник еще долго смотрел на огонь в камине, зачем он собирается лететь, спасти этого глупого пацана? Зачем это ему? Опять в Робин Гуда играет?

Вспомнил глаза маленького Алекса, ставшего родным, ну да, вырастет и спросит, отчего папка родный в тюрьму сел, и почему не помогли? То, что он найдет детей очень скоро, Ник не сомневался. Вот только зачем ему их недоумок-папаша? В стеклянную дверцу камина полетел стакан из-под виски, но не разбилось ни то, ни другое. Заглянул Макс, поднял вопросительно бровь. Ник махнул рукой и закрыл глаза. Он опять отвечает за тех, кого приручает. Опять вокруг него сопливые пацаны, а он, с железным прутом от кровати, стоит впереди и защищает, и подгоняет и отвечает за них... Наверное, потому Господь и не дал ему детей, ведь он сам их взял себе, еще в 8 лет.

Ник знал, что эти дети стали его семьей, пусть не кровные, но родные, и теперь их глупые родители будут ему вечной ношей. Да он любил Ксению, но эта любовь уже давно горела тихо и ровно, как он бы мог любить младшую сестру. Мужского желанья и страсти давно уже не было, годы боли и операций, сделали свое — секс стал историей.

Глава 16. Ищи иголку в стогу сена

В это утро Ксения проснулась от того, что на первом этаже звякнуло окно. Опять разбили, третий раз за неделю. После подробного освещения в прессе, местное общество узнало, что здесь живет русская, у которой другая русская украла детей. Опять начались мелкие гадости — на ходу из машин выбрасывали пластиковые бутылки, целясь в её двор. Когда бутылки были стеклянными, то разбивались окна. Соседки перестали здороваться, вслед ей летело «руссо мафия». У ворот периодически появлялись репортеры, не давая прохода, когда она отказывалась давать интервью, они придумывали его сами, когда соглашалась, писали всякую чушь. Европейская свобода слова и свобода личности не касается русских, в этом за пару недель Ксения уже убедилась.

Она встала, убрала стекло с пола в кухне, и разъяренная, поехала на работу. У входа она увидела микроавтобус местной телекомпании. Сидела в машине минут десять, журналисты все не уезжали. Она пошла к входу в отель, но не успела — журналистка с оператором чуть не сбили её с ног.

— Сеньора Вальдес! Ваши комментарии, почему отец ваших детей живет в Америке? Что за мужчины проживают в вашем доме? Правда ли что у вас три мужа, а у детей три папы? — Камера лезла в лицо, журналистка, одетая в какие-то панковые тряпки, трещала без умолку, не дожидаясь ответов. Ей удалось прорваться до двери, там швейцар открыл дверь, оттеснив назойливую девицу.

Сев за стол, Ксения набрала телефон хозяина отеля. Ей нужен был отпуск, пока не найдет детей. Телефон, несмотря на раннее утро, взяли сразу. Хозяин, пожилой испанец, относился к ней очень хорошо, и всегда шел навстречу. И в этот раз Ксения не ожидала проблем, отпуск на месяц, не больше. Поэтому тишина на том конце провода не насторожила, просто удивила.

— Понимаете, сеньора Вальдес, ваша известность... Моему отелю не нужна такая реклама... Мне очень жаль, но у нас респектабельный отель, мы ориентируемся на самый высокий уровень европейского гостя... Ваша история привлекла внимание, к нам едет другой контингент... Одним словом, вы получите вознаграждение за месяц работы, и с сегодняшнего дня вы у нас не работаете. Рекомендации, если нужно, я вам выдам. Прощайте, сеньора, всего вам хорошего! — в трубке шли гудки, а Ксения еще не поняла, что она безработная. Брякнуло смс-оповещение, на карту поступили деньги — 6 тысяч евро, её месячная зарплата управляющего. Ну что ж, она свободна. Можно заняться поисками.

Она сама лично поехала в фирму, где был арендован автомобиль, там рассмотрела копию водительских прав, да, сходство с женой Дэна было, но слишком общее. Это была не она, но кто тогда?

Еще пару недель она моталась по городу, пытаясь найти неизвестно что, смотрела километры пленок с камер наблюдения — все бесполезно. И тогда страх взял свое, она первый раз подумала, что детей могут не найти. Да и Ник с помощниками уехал, оставшийся охранник не говорил куда.

Ксении с каждым днем становилось все хуже, она перестала есть, спать, почти не плакала. Каждую минуту её сердце замирало, её крошки где-то там, голодные и холодные. Засыпала в слезах, где придется, чаще всего в гостиной. Когда Ник вернулся, нашел её на террасе, отчаявшуюся, худую, почерневшую, не причесанную, с сигаретой в зубах.

Стало ясно, что она не переживет этого удара, и Ник поместил её в клинику. Самую лучшую, самую дорогую в Швейцарии. Там её держали на транквилизаторах, она постоянно спала, кормили почти насильно, капали глюкозу, фактически обеспечив полурастительное состояние.

Через два месяца ничего не изменилось, детей не нашли, Ксения худела и молчала, уйдя в свой мир, все друзья Ника рыли носом, но результата не было. Если бы детей продали и пристроили по плану, а не так — случайно выбросив на улице, наверное, осталось бы больше следов.

Ник опять уехал в Красногорск, он что-то говорил ей про Дэна, но она не слушала, бездумно раскачиваясь на стуле и глядя в окно, залитое дождем. Дни шли за днями, месяцы сменяли друг друга, но детей не находили, и состояние Ксении не менялось. Ника уже откровенно бесила такая слабость, он был готов рыть землю носом, а она тут раскисла, как квашня. И однажды он не выдержал, и схватив её за грудки, неожиданно для себя поднял женщину на ноги, встряхнув и начал кричать ей в лицо:

— Очнись, ты! Тряпка! Мне нужно искать твоих детей, а я тут тебя спасаю! Ты должна была уже пол-Европы объехать, а ты сидишь тут, ноешь! Встань! Возьми себя в руки, Кукла!

— Ник? — Женщина очнулась в его руках, почти осмысленно глядя на него. — Ник, ты стоишь? Ты можешь ходить? — Только тут мужчина заметил, что в гневе вскочил с кресла. Отпустил Ксению, попробовал переступить ногами, ноги дрожали, но он вполне их чувствовал. Врач давно говорил, что он должен ходить, и дело в психике. Видимо, нужен был такой стресс, чтобы замкнулись последние связи.

— Черт, — выдохнул Ник, отступил на шаг и опять упал в кресло. Испугавшись, что такое больше не повторится — встал. — Получилось. Черт, Ксюха, получилось! Да мы теперь с тобой всю Европу наизнанку вывернем, но детей найдем! — Он обнял Ксению, прижав к себе.

В палату забежали охранники, увидев босса на ногах, остолбенели. Ник, неуверенно улыбаясь, махнул им рукой, чтобы вышли. Следом прилетел Макс, его радость была неподдельной и полной. Он обнял Ника, и на его глазах были слёзы.

— Братишка, ты смог! Ты смог, я знал, я верил!

Они все вместе уехали в отель, где Ксения привела себя в порядок. Мужики же, виновато заглядывая ей в глаза, захотели отметить такое дело.

— Ксень, мы все понимаем, но ведь такая радость, пошли посидим в кабаке? Я шесть лет этого ждал, это такая радость! — Максим был сама кротость, женщина не удержалась, улыбнувшись.

— Конечно, пойдем! Вот дети будут рады, когда их папа Ник будет ходить! — При упоминании детей Ник потемнел лицом, но все же попытался улыбнуться.

Вечер они провели втроем, несмотря на горе, радость за друга так и хлестала из глаз. Они пили, смеялись, Ник все равно был на коляске, так как пока мог пройти не более пяти шагов, и впереди было еще море боли, тренировок, почти заброшенного массажа, но теперь все пойдет быстрее. И если судьба послала им такой дар, они обязательно все преодолеют!

Утром состоялся большой «военный совет». Было ясно, что детей вывезли из страны. При этом, в аэропортах они не появлялись, следовательно, увезли на машине или по морю. Было намечено около пяти возможных маршрутов, создано пять групп, которые двинутся по этим маршрутам, разыскивая любые камеры вдоль дорог, опрашивая людей.

Двое детективов полетели в Россию, искать Марину Усольцеву. К сожалению, в стране

таких было сотни, только в Красногорске их было двенадцать. Детективы должны были начать именно с них.

Ника врач попросил временно лечь в клинику, что-то там было нужно сделать, поэтому Ксения поехала на поиски в паре с Максом. Их маршрут вел на север, в сторону Франции. После выздоровления Ника, между ними установился паритет — Макс больше не наезжал на неё по каждому поводу.

Первая ниточка обнаружилась через неделю, на небольшой автозаправке Макс заметил камеру наблюдения, и как всегда, за деньги, купил запись за тот день, плюс двое суток. Они остановились в мотеле у дороги, и стали смотреть, на третий час машина была обнаружена. Неизвестная женщина в бейсболке и очках заезжала на заправку ночью, в тонированных стеклах ничего не было видно, но номер машины можно было увидеть. Макс тут же отозвал все группы, теперь стало ясно, что детей везли в сторону Франции.

Они разделили все направления и населенные пункты от этой заправки и далее, и с утра двинулись в путь, прочесывая каждый город или деревню. Через неделю было найдено еще две записи с камер, дата была та же, похитительница торопилась, она нигде не останавливалась, только брала кофе с собой в машину.

Детективы в Красногорске побеседовали со всеми найденными однофамилицами, от шестнадцати до девяноста лет. Кроме одной, которая в настоящее время проживала в Берлине. В том самом Берлине, где в это время была Ольга Нейман, и довольно быстро удалось установить, что она является двоюродной сестрой жены Дэна. Ник вместе с детективами вылетел в Берлин, слежка за женщиной ничего не дала. Та вела жизнь обычной тетки, погруженной в домашние дела и детей. Разговор с ней ничего не дал, она подтвердила, что Ольга была у нее.

Однако выяснилось, что она вовсе не жила у нее все время, а лежала в клинике. Клиника информацию о клиентах не давала, тут не помогли даже деньги. Тогда Марине Шульц показали ксерокопию водительских прав, и она узнала свои права.

Подумав, она проверила наличие дома документов, нашла эти права, все документы были на месте.

— Скажите, а где хранятся документы у вас? Это сейф? Знала ли ваша сестра код? Вообще, она могла их взять?

— Муж говорил мне хранить бумаги в сейфе, но сейф у него в кабинете, мне не удобно. И обычно все мои документы лежат просто в верхнем ящике комода. Конечно, Ольга видела, где именно, и при желании могла их взять.

Так подозрения стали уверенностью, и искать стали Ольгу Нейман, уже давно исчезнувшую из России.

Макс ехал по трассе из Хаваи в Марсель, Ксения спала на заднем сиденье, и на въезде в Марсель на глаза ему попался пункт приема и размещения беженцев. Не рассчитывая на удачу, он решил заглянуть. Толпа, шум и огромные очереди, категорический отказ предоставить информацию, привели к тому, что он готов был заплатить любые деньги за информацию чисто из упрямства.

За деньги все оказалось проще и быстрее. За тысячу евро им с Ксенией разрешили просмотреть картотеку детей за период три месяца после похищения. Карточек детей оказалось очень много, более трех тысяч. Сперва он вглядывался внимательно, потом просто листал, потом мельком просматривал. Вдруг Ксения сдавленно охнула, он подскочил к ней, на фотографии ребенок был похож на Алекса, но имя и фамилия указаны какие-то арабские.

Через еще пару страниц — Даниэла, та же арабская фамилия. На переговоры пошла Ксения, хотя французский она знала слабо, но все же у неё три языка, как-нибудь сможет понять.

Служащие центра, как оказалось, знали так же несколько языков, и испанский в том числе, поэтому разговор состоялся без проблем.

— Мадам, вот эти дети, как они попали к вам, они уже около года разыскиваются полицией Испании. — Ксения достала официальные листовки полиции с фото и описанием, свидетельства о рождении, свой паспорт и совместные фото. — Я их мать, я ищу детей, почему здесь указано другое имя?

Служащая посмотрела в картотеке, и предложила обратиться к работнику, который оформлял именно эту семью беженцев.

Работник по закону подлости был выходным, адрес его не дали, и они были вынуждены ждать, пока клерка вызовут на работу. Приехал плюгавый толстый мужичок, явно не чистый на руку. Долго крутил фотографии, но был вынужден согласиться, что дети имеют сходство.

— Была тогда странная ситуация, эти дети бродили по территории одни, их родителей не было. Мы вызвали органы опеки, но тут нашлись их родители. Беженцы из Марокко, документов у них не было, ни на взрослых, ни на детей, сами понимаете, у нас тут много таких. Но женщина их обнимала, дети перестали плакать, и не возражали, когда их спрашивали, это ли их родители. На них оформили бумаги и отдали родителям. У нас треть беженцев вообще без документов, и с детьми.

— Вы же понимаете, они могли взять чужих детей для получения пособий, а потом просто избавиться от них? Продать на органы? — Максим был зол, ему хотелось разбить это морду. Дети хорошо говорили на испанском, и если бы хоть кто-нибудь поговорил бы с ними, могли все рассказать, возраст пять лет, они знали и адрес, и имя матери. То есть, детей сознательно вписали кому-то в семью, и цели явно были не добрые.

— Месье, вы не гражданин Франции, и не имеете права со мной так разговаривать! Мы работаем здесь в ужасных условиях, в день иногда поступает до полутора тысяч этих грязных человечешек. И мы не можем позволить себе делать генетическую экспертизу всем этим нищим детям!

Макс вынужденно смирился, извинился и заплатил этому трудяге еще тысячу евро за адрес проживания этих арабских пройдох. Семейка жила в Париже, в одном из самых жутких окраинных районов. Соваться туда было опасно, и поэтому он позвонил Нику.

— Братан, кажется, я нашел детей! Эта сука оставила их в пункте приема беженцев, там их взяли себе какие-то арабы. У меня есть адрес, это черные районы Парижа, присылай бойцов. Но и с большой командой туда соваться опасно, надо выходить на кого-то из местных боссов.

— Макс, это здорово! Первая ниточка за год! Я подумаю, а вы пока заселитесь в гостиницу и ждите указаний. — И утром Ник был уже в Марселе, на своих ногах, с тростью, но все же шел сам.

Глава 17. Первый шаг

Целая неделя ушла на поиски местных боссов мафии, переговоры и передачу денег. Мужики шлялись по мутным барам, вели переговоры, а Ксения сходила с ума в отеле. Пустить в свой район их не захотели, но за двадцатку привезли избитых арабов прямо в гостиницу. Один из вертлявых бандитов взял на себя роль переводчика с арабского на испанский.

Избитый араб плакал, размазывая кровавые сопли, что-то быстро лопотал. Оказалось, дети были у них всего пару месяцев, да, они до сих пор получают на них пособие, а детей давно оставили в приюте в Лионе, да специально увезли подальше. Нет, оставили у ворот. Осенью. Да тепло одеты. Женщина плакала и говорила, что детки были хорошие, и она не хотела их бросать, но муж заставил. Ксения кусала губы, Макс хотел вмазать арабу, но Ник удержал его.

Утром вся команда выехала в Лион, Ксения рвалась ехать в ночь, но пришлось смириться, так как некому было вести машину. На сходке с местными всем пришлось выпить.

В Лионе в приюте с ними не стали разговаривать даже за деньги. Директриса, мадам Арлетт Жоликёр, на вид строгая и благородная, как классная дама в дореволюционной России, отказалась давать информацию так как дети отданы на усыновление. Пришлось отступить, и поселится в Лионе, для сбора компромата на директрису. Наблюдали за ней долго, почти месяц, но ничего не нашли. Ксения рвала и метала, но ничего поделать не смогла. Стоя перед зеркалом, она думала, кто может влезть в кабинет директрисы, и порыться в сейфе. Может подкупить кого-то из работников? Если бы она могла сама... Как тогда в клинике в Швейцарии, она вспомнила эти «шпионские игры» с копированием чипов и воровством электронных ключей. А почему бы нет? Она помнит все, подумаешь семь лет прошло...

Ксения просмотрела объявления, здесь так же, как в России, зарплата воспитателей была мизерной, и приюту требовались работники. Даже если директриса и запомнила её, вряд ли узнает в гриме. Но нужны документы, желательно настоящие, то есть без Ника никак. Идея всем понравилась, документы принес Макс, он их попросту взял у своей новой девицы. Девица Элиз Бадер была немкой по матери, отца не знала, мечтала о кино, занималась понемногу проституцией, крепко сидела на коксе, на работу её не брали, поэтому за пять тысяч евро согласилась одолжить социальную карту и паспорт. Внешне девушка была черноглазой и темноволосой, с довольно крупным носом. И опять Ксения колдовала перед зеркалом, вспоминая молодость. Только теперь появились силиконовые накладки, лифтовые наклейки для подтяжки лица и многое другое. На зеркале висела прикрепленная увеличенная фотография из паспорта Элиз, ведь Ксении нужно было быть похожей на документ, а не на живого человека.

Темные линзы, краска для волос (не рисковать с париком!), форму бровей поднять лифтовой лентой, тушь, яркая помада, и сходство с паспортом достигнуто. Осталось доработать легенду, здесь все просто — девушка из деревни, сирота. Могла же проникнуться? Опыта нет, согласна на любую работу.

Внедрение прошло легко, прием на работу проводил менеджер по персоналу, молодой веселый парень, успевший ущипнуть Ксению за задницу, и уже пригласивший вечером в бар. Взяли её на самую младшую группу детей, фактически санитаркой, смена памперсов, мытьё

детей, уборка в палатах. Детей было немного, человек пятнадцать, от шести месяцев до трех лет. Кормили их другие люди, поэтому женщина легко справлялась. Первый день за ней пристально наблюдали, а через неделю она стала всем своей. Для персонала имелась комната отдыха, где можно было отдохнуть и выпить чаю, раздевалка с кабинками, там все за чаем посмеивались над акцентом Элиз, над её мечтой о кино, и перестали бояться. Все это пока не приблизило её к кабинету директрисы, и она уже жалела, что не пошла уборщицей. Изображая добрую и глупенькую девочку, любящую детей, она помогала всем, одевать детей, таскать тюки с бельем в прачечную. И вскоре все стали пользоваться её услужливостью, и теперь она бывала уже на всех этажах, и вот, вызвалась помочь пожилой Сильван, которая мыла административный этаж по вечерам, когда директриса уже уходила.

Сняв слепки со всех ключей, Ксения домыла полы и ушла домой. К утру у неё был полный комплект всех ключей, на дело решили идти с Максом, так как Ник еще плохо передвигался. В ночную смену оставались дежурные нянечки или воспитатели, по одному на этаж. Они фактически не ходили по палатам, предпочитая смотреть телевизор или дремать в комнате отдыха. Это конечно, было нарушением, и узнала Ксения об этом на своем первом дежурстве.

На следующий день ей пришлось отбиваться от назойливого поклонника — менеджер по персоналу, которому она опрометчиво надавала авансов, поджидал её у выхода. К своему стыду, Ксения совсем забыла, как его зовут. «Что-то такое простое? Но не Жак, не Жан, не Марсель. Может Рено? Вот блин, как же мне с ним разговаривать?» думала Ксения, продолжая улыбаться, на пылкое рукопожатие парня.

Тот не теряя времени даром, привлек её к себе, и обняв за талию потащил к машине. Галантно открыв дверь, усадил девушку в машину, и быстро обежав вокруг, шлепнулся рядом за руль.

В стекло машины постучали, парень весело опустил окно.

— Арно, ты что, уже застолбил новенькую? А как же Лили? — ехидно проговорила секретарша, худощавая до предела дама, с таким желчным лицом, что смотреть то на неё было неприятно.

«О! Отлично, что напомнила, Арно Готье!» — Обрадовалась Ксения, притворно нахмурившись и вопросительно глядя на парня.

— Полетт, ты прекрасно знаешь, что с твоей племянницей мы расстались, когда она сбежала со своим байкером. И не рассказывай мне опять, что девочка ошиблась, и очень горюет. Пока! — И парень нажал на газ, так что Полетт пришлось отпрыгнуть от машины.

Новоиспеченный кавалер весело подмигнул Ксении, включил музыку, слишком громко для девушки, и подпевая вполголоса известной мелодии. Ксения осмотрелась, машина была явно дорогой, в люксовом исполнении, что никак не соответствовало должности простого менеджера. Явно здесь что-то было нечисто, хотя можно было полагать что парнем двигало только желание получить свеженькую девицу.

— Элиз, милая, мы сейчас немного прокатимся, а потом поедem в бар, небольшой и уютный! Мне так хочется узнать тебя получше! — Одна рука лежала на руле, а вторая уже захватила кисть Ксении, и нежно поглаживала. Ксения поняла, что этот французский мажор явно рассчитывает на продолжение.

«Похоже, что с гримом перестаралась, слишком молодо получилось. Хотя самой Элиз всего 25, было бы странно, если бы я выглядела на свои сорок» — думала Ксения, все так улыбаясь, и ненароком убирая руку, чтобы поправить волосы. Но все было напрасно, стоило

опустить руку, как она уже снова была сжата этим мачо.

Прокатится по Лиону в час пик была плохая идея, и вскоре они устали и остановились возле небольшого бара. Здесь Арно потянул её в самый угол, усадил на диванчик и фактически заблокировал пути отступления, одной рукой обняв за талию и второй обхватив кисть. Заказ так же сделал сам, не выпуская девушку из рук.

Пока несли вино, он успел сказать ряд комплиментов, поцеловать руку, и провести по лицу тыльной стороной ладони, якобы убирая волосы. Ксении был неприятен столь плотный контакт, но приходилось терпеть и улыбаться.

— Элиз, ты какая-то заторможенная, я не чувствую в тебе желания. Я так тебе неприятен? — вдруг отстранился парень, и посмотрел довольно холодно.

Принесли вино, и Ксения вцепилась в бокал, отгородившись от Арно. Парень был её не понятен, такая перемена была глупой, о каком желании он мог говорить?

— Расскажи о себе, — попросил парень, глядя поверх бокала.

— Ничего интересного, обычная девушка, у которой не сложилась мечта о кино. — Биографию настоящей Элиз пришлось заучить, и теперь нехотя, отдельными фактами, выдавать этому, явно не менеджеру. Арно, опять придвинувшись, взял её руку в обе свои, и глядя в глаза поцеловал обе по очереди.

— Элиз, не сердись. Мне просто хочется знать о тебе побольше. — Такая резкая перемена окончательно убедила Ксению что всё это — проверка. А значит, в приюте не всё чисто.

«Ну что ж, будем играть провинциальную дурочку.» — Ксения смущенно убрала, руки и запинаясь стала лепетать, что так сразу... не может.

Принесли тарелки с салатом и стейки, можно было взять небольшую передышку, но Арно всё время задавал уточняющие вопросы о жизни Элиз. Наивно хлопающая глазами девушка отвечала, все больше смущаясь.

— Нет, увы, своего отца я совсем не знала. Да, провалилась на экзаменах пять лет назад, но все ещё надеюсь, пытаюсь каждый год. Снималась в массовке, в небольших эпизодах на заднем плане. Мне просто не везет, ни один режиссер меня не заметил. А у тебя случайно нет знакомых в мире кино? Если бы на меня обратили внимание! Я знаю, что смогу, если мне дадут шанс! — лицо Арни поскучнело, он прикрыл зевок рукой.

— Милая, может поедem к тебе? — он опять притянул её за талию. Это было невозможно, так как жили на съемной квартире они втроем, не считая двух охранников. Если это увидит Арно, её легенде конец. Играя дурочку, она потеряла пояс, и пролепетала:

— Мы живем вместе с другом, но это совсем не то, что ты подумал! Просто он сдает мне комнату в квартире, так дешевле. А вообще-то он почти инвалид, и мне бы не хотелось его тревожить. Это друг моей матери, он как бы приглядывает за мной, с некоторых пор.

— Мы проскользнём как мышки, он нас и не увидит. — Шептал мужчина уже на ухо, касаясь его губами, а затем и скользнул губами по шее, желая вызвать реакцию девушки. Ксения, подыграв, вздохнула.

Перед выходом пришлось очень быстро написать сообщения Макс, чтобы в квартире кроме Ника никого не было, а тот должен появиться через пять минут после её прихода и устроить скандал. Подождав пару минут, удалила сообщение, мало ли на что способен этот господин.

Когда Арно садил её в машину, он успел не только потискать за талию и ниже, но и легко поцеловать в губы. Приехали они довольно быстро — минут за сорок, у Макса было

полно времени, чтобы создать видимость проживания только двоих человек. Но Арно, похоже это уже мало интересовало, убедившись, что имеет дело с дурочкой, мечтающей о кино, он просто хотел получить плату за потраченное время в виде секса.

Страстными поцелуями он покрыл её лицо и шею еще в лифте, пока она открывала дверь, обнимал за талию и гладил спину, а в прихожей впился в губы, приподнимая невысокую девушку на руках. Тут сзади раздалось покашливание, и тихий голос Ника на английском спросил:

— Что здесь происходит? Элизабет, ты опять за старое? Я же сказал, что вышвырну тебя на улицу, если ты будешь таскать сюда своих любовников! А вы, сэр, отпустите девушку и убирайтесь отсюда.

Арно опустил Ксению, и прищурился на Ника — тот стоял, опираясь на трость. В затемненных очках, дорогом костюме и действительно выглядел эдаким богатым дядюшкой. Парень окинул взглядом довольно богатую обстановку прихожей, убедился, что эта куколка здесь может жить только из милости.

Ксения вцепилась Арно в руку выше локтя, и плаксиво начала бормотать.

— Ты все неправильно все понял, это просто мой коллега. Мы немного выпили в баре... Он просто проводил меня... Да, Арно? У нас ничего не было, и не надо мне напоминать про тот случай, это была ошибка... Я больше так не буду, мой коллега сейчас уйдет, да, Арни?

Парень отстранился, поняв, что веселого вечера не будет, слегка поклонился Нику, подняв руки вверх в жесте защиты.

— Ухожу! Ухожу! Пока, кэнди! Простите, сэр, что помешали. Молодость, знаете ли, страсть. Вы то уже забыли об этом. — и с ухмылкой вышел, хлопнув дверью. Из машины он сделал один звонок, содержание которого вряд ли понравилось бы Ксении, да и Нику:

— Bonsoir, тетущка. Девчонка обычная дурочка, мечтает о кино. Похоже, что немного подрабатывает проституцией, это надо проверить, хотя в это трудно поверить, такая скромняшка. Думаю, ничего страшного, но понаблюдаем. Я свободен? — Получив ответ, насвистывая завел машину и выехал со двора.

Ксения же, заперев дверь, сразу же пошла в душ. Ей казалось, что горячие ладошки Арно оставили свой липкий след везде.

Ник же позвонил Макс:

— Макс, Ксению проверяют, эта девица надежно спрятана?

— Ну как надежно, у неё сейчас есть деньги, она со своим бойфрендом свалила на пруду недель на море, вряд ли будут копать так глубоко.

— Смотри, если что, ты за это отвечаешь. Проколы недопустимы. Проверь где она, и легко ли её найти, если что — спрячь подальше вместе с её парнем.

— Слушаюсь, босс! — Макс вздохнул, вот теперь спать некогда, надо до утра убедиться, что настоящая Элиз не появится до срока.

Глава 18. И первый результат

В следующее дежурство, дождавшись, когда к трем ночи все задремали, Ксения открыла окно на лестнице, со стороны двора и впустила Макса. Они быстро поднялись на третий этаж, открыли приемную и кабинет, вошли и заперли двери. Свет зажигать не решились. На поиски у них было часа два, но учитывая, что директриса выглядела педантом, у нее должен был быть порядок в бумагах. Картотеку нашли сразу же, она занимала целый шкаф, и была четко распределена по годам, возрасту детей, и даже национальности.

Карточки детей обнаружили, сняли на телефон. В карточках было указано — у Даньки, усыновление и все, а в карточке Алекса стоял знак, красным карандашом восклицательный знак, и никаких данных усыновителей.

За спинкой кресла располагался огромный древнейший сейф, от которого ключей у Ксении не было. Макс попытался найти ключи, но ничего не вышло. Он тщательно сфотографировал сейф, включая заводскую табличку, и они так же тихо покинули кабинет.

Утром, расстроенные, доложили результаты Нику.

— Ник, у тебя же есть знакомые медвежатники? Как нам вскрыть сейф? Бесшумно и быстро жлательно.

— Ребятки, вы меня за кого принимаете? Буду думать. — Перед надеждой в глазах Ксении не устоял бы никто. Здесь Нику пришлось вспомнить все свои связи из девяностых. Получалось, что есть один человек, Седой. Но он уверен, что Ник погиб. Хотя перед ним никаких обязательств у Ника не было, это он, наоборот, когда-то помог Седому, за что и получил «свободу» — был сам по себе и ни под кем не ходил.

Разговор был трудным, Седой отошел от дел, жил в штатах, но телефон для «своих» еще работал. Седой долго не мог поверить, что Бешеный Ник жив, потом задался вопросом зачем ему надо было «умереть», но после сотни каверзных вопросов, поверил, что это Ник.

— И что ты хочешь, хлопче? Я уже не при делах.

— Мне нужен медвежатник, сейф дрянь, старый Burg-Wachter, но там шуметь нельзя, у меня только бойцы, сам знаешь, да и риск большой. У моей подруги украли детей, это приют..., — пришлось рассказать всю историю.

— Понял, жди звонка. Когда решишь все дела, заезжай навестить старика, потолкуем за стаканчиком виски.

Ксения ничего этого не знала, но в следующее дежурство, через три дня, она впустила в окно двоих — Макса, и ... тощенького дедка, лет за семьдесят.

— Блин Макс! Это что? Это кто? — Зашептала она вслед быстро и тихо шагавшим мужчинам.

— Тс, не мешай. Это Ник спеца нашел, говорят ас в своем деле.

Ксения на цыпочках двигалась за мужчинами, мысленно костеря Ника. Что может этот старикан? Открыла дверь, быстро впустила их в кабинет, закрыла все двери. Дедок забрал у Макса чемоданчик, одел налобный яркий фонарик, сел лицом к сейфу, достал инструменты, фонендоскоп. Потом обернулся и попросил не смотреть. Пожав плечами, Ксения отвернулась. За спиной было тихо, только сипловатое дыхание старичка. Потом оп! Щелчок.

— Готов, мадам! А вы сомневались! Дед Гриша еще ни разу не ошибся!

Макс бросился к сейфу, выгреб бумаги на стол, и они с Ксенией стали их разбирать. Вдруг девушке послышалось что-то, она на носочках вышла в приемную — где-то звали

Элиз. Она быстро выскользнула в коридор, и неслышно сбежала на второй этаж к своей палате. Здесь все было тихо, тогда она уже не скрываясь пошла вниз.

В комнате отдыха спали двое дежурных, пронзительно звонил телефон. Ксения подняла трубку, оттуда быстро зазвучала французская речь.

— Мадам, это полиция, вы кто?

— Я ночная сиделка Элиз Бадер. Я сегодня дежурю.

— У вас все спокойно?

— Да, месье.

— Мадам, к нам поступил звонок, что в здание пробрались воры. Соседи видели, как кто-то влез в окно. К вам едет полицейская машина, откройте двери и позвольте полиции осмотреть здание.

— Хорошо, месье, я сейчас выйду встретить полицейских.

Положив трубку, она позвонила Максу.

— Макс сюда едет полиция, у вас пять минут. Спускайтесь сюда, быстро!

В подсобке она нашла два комплекта униформы — серо-зеленые штаны и рубахи, шапочки с эмблемой приюта. Прибежавшему Максу сунала в руки одежду, и дала указания:

— Быстро переодевайтесь, я поведу их на осмотр с верхнего этажа. Ты закрыл приемную? Папки убрал?

— Нет, убрать не успел, дверь закрыл.

— Пусть, у дежурных все-равно не может быть ключей от кабинет директора, пусть звонят Арлетт, может пронесет. Да, этих куда-нибудь спрячь. А то на дежурстве должно быть трое, а не пятеро.

Ксения вышла на крыльцо как раз вовремя — машина парковалась у крыльца. Флики, шесть человек, высыпали из машины в бронежилетах и с автоматами. Ксения предъявила свой пропуск, и пригласила их внутрь. Она повела их к лестнице, думая, что осмотр можно начать сверху. Но её отодвинули плечом, и разбежались по этажам по два человека, открывая и заглядывая во все двери. Ксению облило холодом, ведь она думала Макс с эти дедком вряд ли успели спрятать спящих и переодеться. Она пошла вслед за полицейскими в сторону комнаты отдыха, те зашли в туалеты и проверили все кабинки, потребовали открыть кладовку, и каждая минутка наполняла её душу надеждой.

— Что здесь? — Кивнул дулом автомата один из полисменов.

— Комнат отдыха персонала, мы дежурием втроем, есть еще два санитара.

Полисмен толкнул дверь, и она увидела, что Макс и дедок, в форменных рубашках и шапочках пьют кофе.

— Месье, все в порядке? — спросил флик, — вы никого не видели, ничего не слышали подозрительного?

— Нет месье, все спокойно. — флик кивнул и пошел дальше. Макс выдохнул и откинулся назад, и девушка увидела, что форменные штаны они не успели одеть. Кивнув на них Максу закрыла дверь и пошла за полицейскими. В палатах кое-где заплакали детки, ей пришлось их успокаивать, когда старший из фликов окликнул её.

— мадам, у вас есть ключ от кабинета директора? Мы не смогли его проверить.

— Нет месье, нужно звонить мадам Жоликёр, или её секретарю, они приедут и привезут.

На лице флика было сомнение — в здании тихо и все спокойно, а ждать два часа пока приедет директриса, чтобы проверить один кабинет, совсем не хотелось.

— Так вы точно ничего подозрительного не видели и не слышали?

— Мне показалось, был шум на первом этаже. Но пока я добежала по лестнице со второго этажа, все мои палаты месье, на втором этаже, я обнаружила только открытое окно. Я его закрыла, прошла по этажу, но никого не увидела. Наверное, я их спугнула, когда бежала по лестнице.

Полицейские уехали, Ксения закрыла входную дверь и побежала к Макс.

— Куда вы дели санитаров? Надо все вернуть, уже пять часов, скоро придет первая смена.

— Да вон они, за диваном спят. Уехали? Да, надо очень быстро, времени много потеряли, придется не фотографировать, а забрать все дело Алекса, иначе не выйдет. Второго шанса у нас не будет.

Ксения и Макс побежали на третий этаж, дед Гриша остался дежурить у выхода. В кабинете быстро затолкали все лишние дела в сейф, папку с бумагами Алекса Макс засунул за ремень.

— Ты сможешь закрыть сейф?

— Дед Гриша сказал просто захлопнуть, но проверить внутри цифры. Он взял листок бумаги, сверил цифры на внутренней стороне дверцы сейфа, и захлопнул её.

Ксения осмотрела кабинет — вроде бы все чисто, пробежалась по всем поверхностям тряпкой, смоченной в обезжиривателе. Протерла ручки, замкнула двери, и они помчались вниз.

Спящих санитаров уложили на диваны и не снимая формы санитаров вышли из здания. Только сев в машину, девушка почувствовала откат от пережитого — руки задрожали, по спине побежали мурашки. Они были на грани провала! Дед Гриша хекнул, выпил глоток из фляжки и сунул ту ей в руки.

— Что это? — Девушка понюхала. — Спирт?

— Самогон! Лично изготовил! Пей, не сс... то есть не бойсь. Отпустит.

Ксения с отвращением сделала один глоток, вкус был лучше, чем запах. В желудок прокатилась горячая волна, и дрожь немного унялась.

Утром в гостинице, да и в Лионе уже не было двух русских, ни сеньоры Вальдес, ни тем более старенького дяди Гриши. Элиз Бадер спала под дозой, в компании крепкого негра, который для начала послал полицейских, а потом позволил арестовать девушку.

Но вот фокус, девушку не опознали в приюте! А украсть документы у проститутки под кайфом? Да просто!

А сеньора Вальдес с друзьями поселилась в отеле в Женеве, и проспав всего пару часов, приступила к изучению дел по усыновлению. Ксения изучала папку дочери, Ник — Алекса. Макс помогал и мешал обоим.

В приюте дети числились как Алекс и Даниэла Вальдес, видимо с ними все же поговорили. Но почему-то не сообщили по месту жительства. Вместо этого детей отдали на усыновление. На усыновителей было собрано огромное досье, сведения о здоровье, в том числе психическом, об имуществе, месте жительства, наличии своих детей, отношении к алкоголю и наркотикам, вероисповедание.

Алекса увезли в штаты, его усыновила богатая семья фермеров из Джорджии, Даниэлу же нужно было искать почти рядом, в Женеве. Зачем детей разлучили, за сколько продали в эти семьи, и с какой целью, может, как носителя подходящей почки? И Ник, и Макс, и Ксения понимали, что время работает против них. Но папки отличались разительно, в папке

Алекса были документы о его медицинском обследовании, причем широчайшем. Чем больше Ник их читал, тем хуже ему становилось. Обследования сердца, куча непонятных анализов, и какие-то пометки тем же красным карандашом.

Зато у Даниэлы, никаких обследований не проводилось, лишних документов не было. Зато был адрес! Адрес проживания семьи, и это было совсем рядом! Пригород Женевы, или окраина.

Ник был сметен натиском, за час они покинули гостиницу, обратились в полицию, предоставив все документы, и скоро выехали вместе с полицией в приемную семью Даньки. Семья оказалась пожилой парой, Хуберт и Мария Вебер, совершенно нормальные люди, усыновили сиротку из религиозных побуждений. Они выслушали Ника и полицию, но согласились вернуть ребенка только после генетической экспертизы. Даже увидеть Ксении девочку не позволили. Она и плакала, и на коленях молила, но травмировать ребенка ей не позволили.

— Мадам, ваша девочка рассказывала очень странные вещи, она сказала, что у неё три папы, то есть вы живете сразу с тремя мужчинами! Это пагубно действует на детскую психику, и считаю, что ребенка вам возвращать нельзя. Вашу семью должны проверить органы опеки!

Ксения пыталась что-то пояснить, но полицейский уже тянул её на выход, и она вынуждена была уйти.

Три дня Ксения металась по номеру в отеле, мужчины ничего не могли с ней поделать, и только смотрели с жалостью. В назначенный день Ксения с шести утра сидела полностью готовая к выходу, хотя лаборатория открывалась только в девять.

К открытию лаборатории приехали приемные родители Даньки, полицейский представитель, штатский дядька из опеки, и Ксения с друзьями. Конверт вскрыли, полицейский зачитал, что вероятность родства 99.9 процента, опека проверила. После чего представитель опеки предложил подписать добровольное соглашение о передаче опеки над ребенком биологической матери, и тут Ксения поняла, что эти люди вправе отказать, и в этом случае ей не видать свою дочь! Она чуть не рухнула в обморок, но Макс поддержал её за локоть, шепнув на ухо по-русски «украдем».

Но, к счастью, религия не позволила верующим людям противиться, они подписали бумаги, и наконец-то все вместе поехали за Данькой в школу. Доченька Ксении вышла в строгом темном платье, в котором выглядела крохотной монашкой, с туго заплетенными кудрями. Ручки сложены впереди, тихо поздоровалась, и, о Господи! Сделала книксен! Ксения присела, чтобы глаза были на одном уровне и тихо произнесла:

— Даниэла, доченька! — Голос прервался, и упал до шёпота. Девочка подняла глаза, внимательно всмотрелась в её лицо, минута и проблеск узнавания. Она беззвучно открывала рот, в глазах уже стояли слёзы, а голоса все не было.

— Доченька, это я! Твоя мама, мы наконец-то нашли тебя! Иди ко мне, моё солнышко!

— Ма. ма! Мама! — Девочка сперва шагнула, потом сорвалась вихрем и упала матери в объятия. — Где ты была, мама? Алекса забрали, отдали в другой дом! Мы так скучали, сперва мы жили у Амины с Ахматом, они говорили называть их мама и папа, а потом отдали в приют. Амина была хорошая, а Ахмат ... — Данька, рыдая торопилась рассказать все матери, приемные родители, видя, что девочка узнала мать, тихонько ушли. Господин из опеки отдал бумаги Максиму и тоже удалился. Данька, выглянув из-за плеча матери, узнала Ника и Макса.

— А-а-а, папиато Ник и папиато Макс, вы меня нашли! Где же вы были так долго!

Макс подхватил девочку на руки, и они быстро расселись по машинам и уехали из школы. Учителя и охрана провожали их взглядами, и у всех глаза были на мокром месте.

Ник не хотел делиться подозрениями с Ксенией, но мысли об Алексее мучили, и хотелось еще поговорить с мадам Жоликёр. Зачем такие подробные медицинские обследования? Маялся он до утра, но потом все же рассказал друзьям о своих подозрениях. Ксения впала в ужас, Макс потемнел лицом и встал, готовый ехать немедленно. Собрались быстро, ехали молча. Каждый переживал страх внутри, боясь говорить вслух, дабы не накликасть беду.

Макс созвонился с друзьями, мадам Жоликёр начали проверять по банкам и переводам. И нашли — нашли тридцатилетнего сына, который играл. Играл в интернете, на букмекерских сайтах, и платил огромные суммы. Через сутки они знали о Пьере Жоликёре все — единственный сын, отца нет. Игрок, наркоман, но нежно любимый сын, которому маман снимает жильё, и видимо содержит.

На встречу пошли вдвоем, Ник и Ксения, под видом семьи русских миллиардеров, желающих усыновить ребенка другой расы, ну как Джоли, например. На встречу записались у секретаря, прибыли с помпой — на лимузине, с охраной, на Ксении было умопомрачительное количество блестяшек (почти все — имитация), но разве с двух шагов определишь? Если ожидаешь настоящих миллиардеров?

Платье было куплено по принципу — самое дорогое в самом дорогом магазине, туфли так же. Прическу сделали модельную, да так, что Ксения сама себя не узнала. Конечно, вечерний вид с утра в обществе был бы неприемлим, но ведь все знают, что русские именно так и носят дорогие вещи.

Директриса встретила их стоя, свою бывшую работницу не узнала, да и женщину, разыскивающую детей — тоже. После знакомств и приветствий, во время которых Ксения держала высокомерный и холодный вид, они уселись на низкие кресла у невысокого столика, секретарь принесла кофе, и мадам Арлетт решила перейти к делу.

— Моя секретарь Полин сказала, вы хотите усыновить ребенка? Какого именно ребенка вы бы хотели?

— Ах, мадам Арлетт, дети, это так волнительно! Вы знаете, каких милых крошек усыновила Джоли? Ну эта американка? У неё такие крошечные африканцы, китайцы ... ах, это так мило! — Закатывая глаза вещала Ксения, не забывая о кофе, и демонстрируя мадам Арлетт свою ручку, щедро украшенную драгоценностями. Дождавшись, что мадам заметила украшения, девушка продолжила. — Возможно, нам подойдет мальчик грек, или итальянец. Возможно, испанец. Но вы знаете, нам нужен совершенно, совешенно особенный ребенок! Вы понимаете, о чём я?

— Кажется, понимаю. Вам известно, что подобрать ребенка под конкретный параметр очень сложно, и это очень долго. Может занять год и более!

Тут в разговор включился Ник, он поднял руку, останавливая разговор.

— Мадам, мои хорошие друзья рекомендовали нам именно вас! И цена меня не волнует, я заплачу гораздо больше! Моему сыну осталось жить может пару месяцев, и мы очень, очень будем Вам благодарны.

— У вашего малыша какие-то проблемы?

— Да, ему требуется пересадка почек, причем двух.

Мадам Арлетт была в ярости, кто-то из её клиентов проговорился! Она понимала, что так или иначе, но новые клиенты откуда-то берутся, но обычно к ней обращались сперва

бывшие клиенты, и рекомендовали её только после тщательной проверки новых. А здесь напрямую, неизвестно кто... А если это спецслужбы?

На протянутой салфетке была указана сумма в два миллиона евро, можно было написать и пять, ведь платить их Ник не собирался. Ник наблюдал, как в голове мадам быстро крутились шестеренки, как жадность боролась с трусостью. И победила как всегда — жадность.

— Хорошо, я подумаю, чем вам можно помочь. Вы привезли медицинские документы своего малыша?

— О мадам! Прекрасно! Вот только мадам, нам нужен один конкретный мальчик! — И Ник протянул мадам Арлетт фото Александра. — Этот мальчик, Алекс Вальдес, которого вы отдали на органы в штаты.

Мадам попыталась вскочить, но в кабинет вошли Макс и охранник. Она упала на кресло, её губы кривились, руки дрожали, но она все же попыталась напугать их полицией.

— Вы мне угрожаете, я сейчас вызову полицию!

— Отлично мадам! И мы вместе с полицейскими еще раз внимательно послушаем этот познавательный разговор! — Ник выложил на стол диктофон. Женщина сдалась, осев в кресле мешком, старая и отвратительная.

— Расскажите все об Алексее. Кто, когда и самое главное — как скоро должна состояться операция.

— Эта семья Робинсонов давно искала ребенка для пересадки сердца, ваш мальчик подошел идеально. Забрали его не так давно, всего месяц назад. Пересадка обычно делается не сразу, как минимум три месяца занимает подготовка. У вас есть в запасе еще два месяца. А кто, вы и так знаете, ведь это вы украли у меня из сейфа дела по усыновлению? — несмотря на убитый голос, Ник видел, что эта змея не сдалась. Он кивнул Максиму, охранник поднял Арлетт за шкуру, а Макс заглянул под стол.

— Здесь тревожная кнопка, она могла успеть нажать. Уходим! — в приемной Ксения увидела, что секретарша Полетт лежит лицом на столе.

— Вы её что? Убили? Идиоты что ли?

— Нет, просто оглушили. Пошли, некогда проверять! — И они быстро покинули здание.

Когда посетители ушли, Арлетт долго смотрела в окно. Ах сынок, все ради тебя! Но теперь, прости, пора позаботиться о себе. Она взяла из сейфа пакет с заготовленным паспортом и деньгами, вызвала такси и поехала в аэропорт. На юге Африки в небольшом городке скромная вдова давно прикупила себе домик на случай побега.

Ник торопился, психовал и дергался, но все же отправил Ксению в полицейское управление. Там, начальнику отдела, занимающегося похищениями людей, она оставила диктофон с записью разговора с директрисой. Так что улететь мадам никуда не успела, а ещё за пару дней полиция раскопала столько интересного, что уже и не улетит.

Ближайшим рейсом они все вместе вылетели в Америку. Там Ник даже не рассчитывал на подобный прием.

Глава 19. Найти, не значит вернуть

В Америке к большой компании присоединился Игнат. В глазах закона он являлся отцом мальчика, и гражданином США, поэтому в полицию обращался Игнат. С учётом представленных документов, их внимательно выслушали, но состава преступления в действиях усыновителей не нашли. Подозрения по возможности изъятия органов у ребенка высмеяли, и угрожали сроком за клевету. То есть, законным порядком изъять ребенка было невозможно, более того — их взяли на заметку, и теперь даже если бы она решили пойти на похищение Алекса, выехать из страны вместе с ним не смогли бы. Им предложили обратиться в суд, но время! Времени не было.

Мужчины пытались найти выход, а Ксения хотела одного — увидеть сына. Но и это было невозможно, власти уведомили приемных родителей, и ребенка поместили в закрытый военный интернат, с полным запретом посещения и выхода в город. Так же семья Робинсонов отказалась от встречи с Ксенией, земли вокруг фермы неподалеку от Медисона, считались частной территорией и охранялись головорезами с оружием, при этом Ксении запрещался даже въезд в штат Джорджия, а в случае попытки увидеть сына — грозила высылка из страны. Утешало одно, если ребенок в интернате, вряд ли смогут использовать его как донора. Но возможности этих людей были неизвестны, поэтому тянуть было страшно.

Узнать местонахождение сына было сложно, и опять Ксении пришлось рисковать и вспоминать молодость. Она вместе с адвокатом и Игнасио пришли в полицейский участок, и долго и обстоятельно пытались убедить офицера, что ребенку угрожает опасность. Ксения в этот раз опять играла тупую блондинку, с силиконовыми грудью и мозгами. Грудь наполовину обнажало суперкороткое красное платье. Она строила глазки, закидывала ножку, облизывала губки. Потом попросила кофе, и несколько желающих повели её к автомату в углу большого зала. В это время офицер полиции повел Игната с адвокатом к начальнику участка. Ксения сделала вид, что у неё кружится голова, как раз рядом с пустым столом офицера. Её заботливо усадили и побежали за водой, она же быстро вставила в комп флешку, выданную её Максом. Три минуты, потом надо забрать.

Два офицера подошли к ней со стаканом воды. Она попила, смочила платок и стала обмахиваться влажным платком, одновременно привлекая внимание к декольте. Увидев, что полицейский с Игнатом возвращаются, она встала и немного качнувшись, смахнула сос тола папку с бумагами. Пока офицеры поднимали бумаги, извлекла флешку, и присев стала помогать собирать бумаги.

— Стойте, мэ! Вам нельзя смотреть эти документы.

— Ой, простите, я хотела помочь. — И тут же повернулась к Игнату, — дорогой, ну что вам сказал начальник?

— Нам отказано, милая. Мы будем готовить заявление в суд!

— А можно мне поговорить с начальником? Почему ты никогда не разрешаешь мне говорить о серьезных делах? — все такой же идиоткой высказывала Ксения. Все офицеры вокруг уже улыбались, и сочувствовали Игнату.

Игнат взял её под руку, попрощался со всеми, и потащил к двери. У выхода она оглянулась, у офицера был странно задумчивый вид, и смотрел он на неё.

— Уезжаем немедленно, тот офицер странно смотрит, а у меня флешка в бюстгалтере,

не успею передать адвокату.

— Не спеши, будет хуже. — Игнат крепко держал её под руку, не давая ускорить шаг. Они покинули здание, сели в машину и уже завели мотор, когда адвокат показался на пороге. Как только он сел в машину, Ксения тут же передала ему флешку, и они стремительно уехали.

В гостинице Макс со спецами открыли флешку — установленная на ней программа просто скопировала все файлы на компьютере офицера. Файлов было много, система не известная, но по Фамилии Робинсонов удалось довольно быстро найти место, куда поместили Алекса. Милледжвилл, совсем недалеко от Медисона, видимо хотят иметь ребенка рядом на экстренный случай. Это пугало, они могли не успеть.

Ник, обосновавшись в Мексике, разрабатывал почти боевую операцию по похищению Алекса. Опять понадобились деньги, деньги и ещё раз деньги. В интернат на должность кастелянши было решено внедрить женщину, которая должна была помочь вывезти Алекса с закрытой территории. Конечно, Ксения считала, что это будет она. Но Ник боялся, что Алекс узнает её и выдаст, поэтому искали местную любительницу риска. Такую нашли среди бывших осужденных, лет тридцати пяти мулатка, крупного сложения, и явно тяготившаяся своим положением официантки в баре.

Дальше, три группы вооруженных охранников на машинах должна была доставить мальчика в штат Флорида, там пересесть на яхту, уйти в Мексику и уже из Мексики — вылет в Москву. Другого способа вытащить ребенка из-под юрисдикции хваленной демократической страны не было. Расчетное время в пути от семи до десяти часов, но поскольку операцию планировали вечером, рассчитывали, что основная часть пути будет без пробок.

По мере готовности, Ник дал команду Ксении с Игнатом выехать в Россию, но женщина отказывалась, хотя и понимала, что как только станет известно о похищении, ей грозит тюрьма. Угрозы и уговоры не действовали, тогда Ник обманул её, сказав, что мальчик уже в машине и едет к границе. Только тогда Игнат смог увезти жену в аэропорт. Как только они прошли на посадку, началась операция по похищению Алекса.

Кастелянша пришла поменять белье в комнату Алекса, и попросила его помочь донести узел белья до подвала. Там, не поясняя ничего, вколола ему снотворное. Быстро укрыв его в тележке узлами с грязным бельем, выкатила тележку к машине из прачечной. В той машине уже были люди Ника. Ребенка достали, чтобы не задохнулся и по дороге в прачечную пересели в другой автомобиль. Автомобиль, вместе с двумя другими, сразу же направился в сторону границы с Флоридой. В первом же городке высадили кастеляншу, вручив ей триста тысяч долларов, как и обещали.

Макс, руководивший операцией, не сомневался, что погоня начнется не позже, чем через два часа. Они были еще в районе города Маунт-Вернон, когда наблюдатель сообщил, что в интернат прибыла полиция. Еще через полчаса полиция была в прачечной, и через три часа был объявлен розыск по всему штату.

В районе города Кингсленда, на подъезде к границе штата, на трассе уже стояли посты полиции, три автомобиля почти перекрыли дорогу, машине Макса дали знак остановиться. Алекс, спящий и загрированный, спал на заднем сиденье во второй машине, которая шла следом с интервалом в пять минут. Но её тоже остановили, как и третью. На посту машины осматривали одновременно. Алекса обнаружили, но не смотря на девчоночье платье и банты, велели разбудить и подтвердить, что это девочка. Макс и третьей машине дали знак

уезжать, из полицейского автомобиля к Алексу шла женщина, на ходу одевая резиновые перчатки. Стало ясно, что придется прорываться с боем, собственно, этого они и ожидали. Макс отъехал на сто метров вперед, дал команду, бойцы достали из тайников укороченные автоматы, и резко развернувшись машина понеслась назад, поравнявшись с полицейскими машинами, аккуратно выставленными в ряд на обочине, дали очередь по колесам. Полицейские кинулись прятаться за машины, а второе авто с ребенком рвануло вперед. Чудом уцелевшая машина полиции бросилась за Максом, полицейские с пистолетами пытались стрелять, но весь обзор им закрыла третья машина, водитель которой как раз стал объезжать полицейские автомобили.

Две машины пересекли границу штата, им нужно было еще проехать чуть более ста километров, и там в порту Сент Огастина их ждал Ник на быстроходной яхте, арендованной в Мексике.

Гонки на трассе были непродолжительными, ребята стреляли по колесам, и через полчаса машина полиции отстала. Макс, оторвавшись от преследователей, съехал на грунтовку, сверился по карте, через тридцать километров его должен был ждать сменный автомобиль. Такие подмены из арендованных машин были выставлены вдоль трассы в трех расчетных точках. От него они по объездной вернулись на скоростную трассу. Плохо, что они разделились, но еще одну засаду они не ожидали, все получилось, как рассчитывали, полиция их ждала у границы штата.

После моста через реку Сент Морис, две первые машины тоже ждал сменный транспорт, бегом сменили машины, Алекс был уже одет в мальчика, и опять гонка. До порта гнали как сумасшедшие, благо скоростные трассы позволяли. Алекс понемногу просыпался, и со страхом смотрел на незнакомых людей.

— Малыш, мы возем тебя к папе Нику, хочешь я ему позвоню? Не бойся! — Охранник набрал Ника и сунул телефон Алексу.

— Пап? Пап, это ты? — прошептал мальчик.

— Да сынок, это я! Я жду тебя, мы нашли тебя! Мама ждет нас в Москве! Не бойся ничего, ты в безопасности! — Ник старался говорить громко, но связки подводили, и он почти плакал от невозможности сказать твердо и четко. Но именно это и стало узнаваемым моментом, и малыш расслабился, узнав тихий голос названного отца.

— Папа, я так тебя ждал! Я знал, что ты найдешь меня, — в трубке послышались рыдания, тихие и горькие.

— Сын, мы вместе, и все будет хорошо! Подожди, через час я тебя заберу насовсем.

Две машины летели по ярко освещенной трассе, все дальше унося мальчика от страшной судьбы, к папе. И он закрыл глаза, улыбаясь.

Макс должен был нагнать своих до отплытия яхты, он потерял на объезде где-то минут сорок, на путаных петлях проселочных дорог. Теперь приходилось гнать под двести, на незнакомой дороге Макс уже пару раз простился с жизнью. Но вот, и мост на пограничной реке, за ним — один автомобиль на стоянке, значит два других уже забрали. Бегом пересев в новую машину, выскочили на трассу и помчались на предельной скорости. Сейчас нарушать правила, и попасться полиции уже второго штата было никак нельзя.

В порт Макс успел в последнюю минуту, к его удивлению, на яхте был Ник, со своей тросточкой и ехидной ухмылкой. Двигатель уже работал, и не успел он поставить на палубу вторую ногу, как сходни стали убирать и яхты отчалила от причала. В каюте доктор-мексиканец осматривал Алекса, и удовлетворенно покивав головой, не велел его будить.

Макс принял душ и упал спать, но заснуть не мог, адреналин кипел в крови. Блин, сорок пять лет, а он, вспомнив молодость, участвует в погонях! Ник до утра сидел рядом с названным сыном, отмечая похудевшее и повзрослевшее лицо, вытянувшиеся руки и ноги. Сейчас сходства с сестрой не осталось совсем, Алекс превратился в высокого тощего пацана, ушла округлость щек, губы сложены в волевой и упрямый рисунок, горькая складка между нахмуренных бровей. Да, выпало деткам, не приведи Бог. Больше года скитаний по миру.

Он смотрел в панорамное окно каюты на восход солнца, когда мальчик пришел в себя. Он заворочался, потом испуганно вскочил.

— Тихо малыш, мы едем домой, к маме! — Повернулся к нему Ник.

— Папа! Папа Ник! Ты правда меня нашел! — Пацан запрыгнул на колени, обхватив Ника ногами. Его трясло, слезы горячим ручьем обжигали Нику щеку и шею. — Где мама? Папа, где мама?

— Сынок, Сашка, мама ждет нас в Москве, в России. Здесь по закону нам тебя не отдали, потому мы украли тебя с боем. Сейчас мы идем на яхте в Мексику, и завтра будем в Москве, где ты увидишь маму. — Ник встал вместе с сыном, пытаясь перехватить его поудобнее.

Алекс удивился, но потом опять горько заплакал, уронив голову на плечо Ника:

— Папа, ты ходишь! Пап, я не сберег Даньку! Её отдали в другую семью, я не знаю куда! Папа, что мы скажем маме, что я потерял сестру? — От слез и стресса пацан начал икать.

— Данька с мамой, не плачь сынок, её мы уже нашли и забрали. Она была недалеко, и её приемные родители были неплохие люди. Твои не хотели тебя отдавать.

— Папа, я знаю зачем они меня усыновили, их родному сыну нужна пересадка сердца, а я подошел. Я слышал еще в приюте, там, в Лионе, еще давно. Они ждали, я не знаю, чего, но меня собирались везти в госпиталь, а вдруг увезли в военную школу.

Уцелевшие волосы Ника встали дыбом, получается, еще бы пару дней и малыша уже не было. А его сердце досталось бы неизвестному человеку. В эту минуту врач понадобился самому Нику, он нажал кнопку вызова стюарда.

— Кто там, Барс, ты? Быстро! Врача, Макса и завтрак сюда!

Врач быстро успокоил расстроенных отца и сына, бледный от пережитого, Макс пришел пить кофе и травить анекдоты. До прихода в порт они валялись в одной каюте уже втроем, и Ник поклялся себе, что больше он этого пацана от себя не отпустит. Пусть Ксения делает что хочет, а Сашка останется с ним, в Сочи.

Глава 20. Радость и боль

Ксения ждала сына вместе с Игнатом в отеле в Москве. Ник не разрешил никому приезжать в аэропорт, чтобы не привлекать внимания. Поэтому Ксения ходила по номеру, нервничая и запинаясь за все подряд, Данька следила за ней, все еще молчаливая и испуганная. Игнат мрачно смотрел телевизор, он не знал, что можно сказать в этом случае. Ему еще предстояло объясняться с властями, и доказывать, что он не причастен к похищению ребенка. Ксения гнала его обратно, но он тоже не мог уехать, не увидев мальчика живым и здоровым.

Когда в дверь постучали, ноги Ксении отказали, и открывать дверь побежала Данька. Её крик разбудил весь этаж, она плакала и кричала, обнимая брата. Макс подхватил их на руки, и внес в номер. Ксения смотрела и не узнавала сына — тощий, коротко стриженный, серьезно-строгий, он вырос не на полтора года, а на все пять. Ноги так и не давали ей двинуться, сын сам подошел к ней и обнял за пояс, как дотянулся.

— Мама, — выдохнул он ей куда-то в живот, и только тут Ксения ожила. Она подхватила сына на руки, подняла и прижала к себе.

— Сынок, — больше ничего выговорить не смогла, опустилась на диван, держа сына на руках. Так они и плакали вдвоем, обнявшись, пока Данька не заревела тоже, кинувшись к ним в объятия третьей. Мужчины понятиливо ушли, дав Ксении и детям прийти в себя.

Через час, все с распухшими глазами и носами, весело завтракали и строили планы. Ксения понимала, что с похищенным ребенком ей нет места в Европе, и в Америке. Зато она могла вернуться в Россию, по которой давно скучала. День прошел суматошно, ни Ник, ни Ксения не желали даже на минуту расстаться с детьми, потому Макс и Игнат бегали в магазины за одеждой детям, за игрушками и вкусняшками. Когда дети все же уснули, Ник кивнул Ксении на гостиную, с желанием поговорить.

— Детка, ты уже взрослая баба, но как показала жизнь, истеричка и психически не устойчива. Я больше не позволю поставить детей под угрозу. Особенно Сашку. Говорю сразу — делай что хочешь, но с этого дня Сашка будет жить со мной, всегда. Ты можешь ехать к своему Дэну, но девочку даже к Игнату за границу не пушу тоже.

— Ой, слушай, я забыла про Дэна. Надо ему сообщить, что дети нашлись. Надо позвонить! — Она побежала за телефоном.

— Стой! Не позвонишь ты Дэну. Дэн в тюрьме. — Рано или поздно, но придется говорить и плохом.

— Как в тюрьме? Что он сделал? Почему ты мне раньше не сказал?

— Я не сказал? Я-то сказал, да ты была не в себе, тебя такие вещи не трогали.

— Расскажи, что случилось? — Женщина опустилась на кресло, лицо выражало вину за то, что пока Ник искал её детей, она сидела в клинике без памяти и сознания.

Ник рассказал, как её бывшего кинули друг и жена, как он пытался ему помочь. Удержать фирму на плаву не удалось, завершить строительство смогли только двух из трех многоэтажных домов, фирма ушла с молотка, а за деньги дольщиков Дэну дали три года, один уже позади.

— Ты мог ему помочь? — Все-таки задала свой вопрос Ксения.

— Я пытался, но твой придурок увяз крепко, почти все транзакции были подписаны его цифровой подписью, и доказать, что он ни причём, не удалось. Я не мог одновременно

изъять из своего бизнеса десять лямов баксов, все же твой любовник столько не стоит. Тем более, я все это время искал детей, по всему миру. Ты в клинике, поиски, все это стоило денег. Если бы не пропажа детей, я бы смог его вытащить. Прости. Твоих денег тоже почти нет.

— Где он? В каком городе? Что у него осталось?

— Там же, где-то в Сибири. Ничего, у него не осталось, даже крыши над головой. Он же порядочный, квартиру продал и машину. Выплаты были 11 копеек за рубль долга. Смешно. Приехать к нему ты не сможешь, ни жена, ни невеста. Адрес дам, напишешь письмо.

— Тебе всегда смешно. Мы, простые и слабые, для тебя всегда смешны. Я поеду к нему. Сколько у меня денег?

— Около ста тысяч евро, да за триста тысяч можно продать твой дом. Ты же в Испанию больше не поедешь?

— Нет, не поеду. А эти деньги помогут? — Убитым голосом спросила Ксения, водя пальцем по стеклу. Вид её пугал, она была похожа не себя, такую, как была в клинике год назад.

— Нет, приговор уже вынесен. Учти, ты поедешь одна. Даньку я с тобой не пушу. Про Сашку ты уже слышала. Если твой хахаль будет себя хорошо вести, через полгода подадим на условно-досрочное. Не сдохнет.

— Я все поняла. Ник, ты можешь восстановить мой паспорт, я хочу опять быть Ксенией Брюхановой. Милана Вальдес не может быть невестой уголовника, а Ксения Брюханова — вполне. Если надо, я назовусь невестой. Меня предупреждали, что этот путь самый длинный, и что я его выбрала зря. Пора вернуться, я его осудила, что не мог простить меня. А сама? Нет, я поеду к нему. Завтра.

— Детка, твои мозги закипели. Поехали домой, поговорим через неделю, а? Кстати, Сашка сказал мне кто их похитил — это жена твоего Дэна, Ольга. Мы давно уже знаем, как ей это удалось, хотя по сведениям полиции она не выезжала из Берлина. Эту мадам уже ищут, заодно найдутся и деньги Дэна, как мне кажется.

Ник замолчал, увидев, что Ксения его не слушает, а смотрит за стекло, плачущее вместе с ней московским мелким дождем. Резко развернувшись, ушел в спальню к детям, эти маленькие верные сердечки не забудут и не предадут. И им все равно, что у папы Ника почти не работают руки, плохо ходят ноги и лицо наполовину из силикона, они видят его сердце, его любовь к ним, и ... словом, пошло все к черту! Пока у него есть эти дети, он не будет один.

Конечно, утром Ксения никуда не улетела. Точнее улетела, но вместе со всеми, в Сочи, к Нику. Месяц она была с детьми, наладила жизнь и быт, а через месяц улетела к Дэну, со своим восстановленным паспортом. Теперь к ней не было претензий, дело давно было закрыто.

Глава 21. Встреча за колючей проволокой

Дэн, как всегда, проснулся раньше пробуждения. Узкая кровать, тонкое одеяло, холод в большом помещении, непокой в сердце не давали доспать последние минуты. Сегодня ещё добавился тревожный сон, не мрачный, а какой-то светлый, царапающий душу своей невозможностью. Еще два года колонии, два года жизни в мрачных бараках с двухъярусными кроватями и толпой народа, нигде и никогда никакого уединения, даже в душе и туалете.

Чтобы хоть как-то отвлечься от дум, Дэн все время работал, их колония специализировалась на разведении свиней, и все осужденные, или «жулики», как их называли здесь, работали в свинарниках, либо строили их. Дэн, к счастью, занимался строительством нового здания для молодняка, потому что выдержать шум и запах в свинарнике было не по его силам. На стройке же можно было задержаться до вечера, потому что в бараке было делать нечего.

Колония была продвинутой, был и спортзал для «жуликов», но его больше держали для проверяющих, чистым и пустым. Была библиотека, была школа для желающих. Но собрание книг было жалким и неинтересным, да и читать он не мог. Поэтому, сидя в своем кабинете на стройке, он вечерами чертил по работе, и просто для себя. Чертил, уходил в себя, и листал свою память, каждый хороший момент. Почему-то его жена Ольга никогда даже не возникала в его мыслях, а тот месяц, когда он видел своих детей, был самыми драгоценными страницами.

Когда Дэну сказали, что к нему в колонию приехала невеста, он думал, что это ошибка. Но развлечений у сидельцев немного, и он пошел глянуть. В однокомнатной квартире, отводимой для долгосрочных свиданий, он увидел Ксению — повзрослевшую, с легкой сединой в светлых волосах и морщинами возле рта. Он шагнул назад, страшный, худой и плохо выбритый, ему было стыдно, что она видит его таким.

— Зачем ты приехала? Унизить меня? Увидеть меня в этом дерьме? — Голос от злости был глух, а с языка хотели сорваться словечки, которые здесь в особом ходу.

— Стой, Вадим. Не беги, мы с тобой и так наделали ошибок, набегались. Иди садись, вот я привезла еду. — Устало проговорила Ксения. — Да, у нас радость! Ник нашел детей! Они у него в Сочи, и теперь охраны еще больше...

Дэн не мог поверить, что дети нашлись, он так мучился их пропажей, считая себя виновным. Теперь с его плеч свалилась гора, и он закрыв глаза, прислонился спиной к двери. Из-под сомкнутых век покатились горячие слёзы, и остановить их он не мог.

Ксения подошла к нему, неловко обхватила поверх опущенных рук, и прижалась к черной робе.

— Все, теперь всё. Они живы, мы их нашли. Поплачь, это нужно. И прости меня, я тебя должна была простить сразу, я не должна была уезжать тогда. Не сказав про беременность.

— Я очнулся, я сразу очнулся, как только увидел тест на беременность. Как морок сошел, я любил тебя... И люблю, не понимаю, что на меня нашло... Но я умираю без вас всех, уже седьмой год умираю... и все никак не умру.

Она подняла мокрое от слёз лицо, и рыдая покрывала поцелуями его губы, подбородок, и уткнулась в шею. Он неловко погладил её по голове шершавой ладонью, и прижал к себе.

Через полчаса Ксения накрывала на стол, а он смотрел молча, и не мог поверить, вот она, рядом, протяни руку, и коснешься. Он опустился на расшатанный табурет, и смотрел на

свою женщину, а она все говорила и говорила, двигалась, ставила на стол посуду и еду, и все говорила, но слова не достигали до его сознания.

— Ну Вадим, ну что ты сидишь? Давай ешь, я сама готовила! — рука толкнула его в плечо, и он очнулся. Схватил ложку, хлеб, и опять замер.

— У тебя есть их фото с собой?

— Ой, фото в телефоне, а его забрали. Может, я позову охрану, попрошу? При них посмотришь?

Она постучала в двери, и долго уговаривала охранника, обещая, что всего на пять минут, посмотреть при нем фото детей. Пожилой охранник вздохнул, вышел. Через полчаса пришел оперативник, принес телефон, придирчиво стоял за спиной, пока Дэн листал фото детей. Потом выхватил телефон, посмотрел вопросительно. Понятливая Ксения сунула ему в руку сто долларов, и он исчез, просочившись через дверь.

Дэн поел, вымылся в душе, вышел одетый в привезенные вещи, и стало ещё заметнее, насколько он изменился. Сколько ему? Сорок пять? Этому битому жизнью, явно старому мужику можно было дать и пятьдесят, и пятьдесят пять, без щетины на лице морщины стали еще заметнее, худоба сильно старила его, ранее прямая спина немного ссутулилась. «Боже мой, — думала Ксения, — как же мне его вытащить? Он же не протянет еще два года!»

— Что, страшен? Не бойся, я сильный. Теперь у меня есть цель, я доживу. Только как твой Ник, подпустит меня к детям? — Вопрос был резонным, но преждевременным.

— Давай об этом потом, сперва нужно дожить до освобождения. Сашка сказал, что их похитила твоя жена, они её тогда видели на пляже. Колола чем-то, потом выбросила на пункте оформления беженцев... — Рассказ занял много времени, она держала Дэна за руку, поглаживая кисть и наблюдая, как ходят желваки на лице.

— Вы знаете где она? — Глухо спросил Дэн в конце.

— Ник, наверное, знает, её проверяли, она была под подозрением вместе с тобой. Но полиция убедилась, что она была у сестры в Германии, и про неё забыли.

— Я опять не смогу ничего сделать, я хотел бы сам свернуть ей шею... Вот сука, они фирму обанкротили, ей что денег мало было? Дети-то причем?

— Не знаю, Дэн. Не знаю. Только теперь я невыездная, мы Алекса украли в штатах, теперь меня, возможно, в розыск объявят. Так что, вся надежда на Ника. Не суди его, ты его не знаешь. Он любит детей, он их с детства с рук не спускал. И если он решит, что не доверит нам детей, будем жить по его правилам. Под его охраной. Пережить этот ужас еще раз я не хочу.

Они далеко за полночь пили чай, разговаривали. Обоим было не до сна, хотя Ксения пыталась обнять любимого и потянула его к кровати. Он задержал её руку, и покачал головой.

— Не сейчас, милая моя. Сейчас это жалость с твоей стороны, не унижай меня еще больше. Может когда-нибудь потом, когда я буду свободен, мы и сможем быть вместе... Но не сейчас, когда я чувствую себя грязным, в этом ужасном месте... Нет, нет!

Они заснули рядом, поверх одеяла, одетые. Утром их никто не будил, проснулись уже почти в десять, как-то по-семейному умывались, разговаривали, пили чай, потом Ксения готовила привезенную курицу, опять разговаривали. И то ли она уже привыкла, или лицо Дэна разгладилось от счастья, но сейчас он не казался ей таким старым. Хотелось быть поближе и она подошла сзади, обняла его, прижалась к спине.

— Как же я скучала по тебе все эти годы, а твои глаза — они смотрели на меня каждый

день, с лица нашего сына. Сколько лет мы потеряли по своей глупости, и когда мы еще увидимся. — Спина Дэна под её щекой напряглась и замерла. Потом он осторожно повернулся, поднял её лицо вверх, всмотрелся в глаза и прижал к себе.

— Девочка моя, я всё для тебя сделаю, вы моя душа, моя жизнь. — Ксения приподнялась на цыпочках, и прильнула к нему губами. С каким-то стоном Дэн перехватил инициативу, углубил поцелуй и поднял её на руки. Его горячие губы и руки были везде, обнимая, лаская и раздевая её. Она сама не оставалась в долгу, стягивая с плеч рубашку и целуя все, что было ближе, плечи, шею, лицо. Вихрь давно забытой страсти надолго замутил их разум, и они вместе то взлетали в небо, то падали вниз. И даже пик наслаждения не дал им разомкнуть руки, они так же крепко держали друг друга, боясь потерять, и вновь разгораясь огнем.

Пришли в себя оба часа через два, мокрые и разгоряченные, в разгромленной комнате, с раскиданными вещами и одеждой. Его голова лежала у Ксении на животе, и она бездумно теребила коротенькие волосы на голове Дэна.

— Ничего себе, жалость, — прошептала Ксения, — меня не трожь, я сейчас отдохну и уберу.

— Не надо, лежи, я всё сам! — Он поцеловал её в живот, встал, и подняв разбросанную одежду ушел в душ. Ксения повернулась на бок, чувствуя влажное шершавое казенное белье, поморщилась, и тоже встала. Можно было привезти даже свое постельное, но она же не знала! Махнув рукой, пошла к Дэну в душ.

Ванная комната была обычной — ванна, шторка из клеенки, лейка душа на стене. В ванной пахло хлоркой, от усердной дезинфекции, и то ладно. Дэн впустил её за шторку и стал мыть, целуя и лаская. Его руки, ранее такие мягкие, стали жесткими и шершавыми, но зато старания было хоть отбавляй. Он понимал, что его руки слишком грубы, и старался касаться нежнее.

— Ты зря ко мне пришла, если устала. Потому что просто так я тебя теперь не отпущу. — Они целовались под струями воды так, как будто только увиделись, как будто не было двух часов в постели. Между поцелуями женщина шептала ему — не отпускай, больше не отпускай!

Когда они вышли из ванной, за окнами уже были сумерки. Дэн посмотрел на часы, скоро восемь вечера, его заберут и уведут в барак, а он так много не успел сказать!

Проследив глазами за его взглядом, Ксения тоже увидела, что их время подходит к концу. Быстро одевшись, застелив кровать и собрав вещи, они встали обнявшись. Через пять минут загремели замки, дверь открылась, и из коридора крикнули:

— Осужденный Нейман, на выход! Вещи к досмотру! — выпустив её из рук Дэн вышел, заложив руки за спину, встал лицом к сиене, а охранник стал досматривать сумку с вещами, принесенную Ксенией. Это было так привычно, обыденно и страшно. Непонятно — ведь все что она привезла, детально просмотрели на проходной?

Рядом со вторым охранником на поводке в жестком ошейнике стоял мощный ротвейлер, равнодушно смотрящий на всех, но под его шкурой ходили такие мускулы, что женщине стало страшно.

— Ничего нет, — доложил обыскивающий, и выпрямился. — Вещи берем, и вперед.

Дэн быстро нагнулся, поднял вещи, частично разбросанные по грязному поду, затолкал в сумку, и застегнув её, пошел по коридору не оглядываясь.

— Вы, дамочка, готовы? Тогда вперед, на выход. — Второй охранник насмешливо

смотрел на Ксению. Она заторможенно пошла по коридору, задерживая дыхание. Как во сне — замки, решетки, проходная, проверка документов, еще замки. И наконец, солнце, воздух и свобода. И слезы на щеках, она представляла, как Дэн идет по этим коридорам, под конвоем. Как ему еще два года здесь жить?

Глава 22. Любовь к симметрии

Ксения улетела, дети были под присмотром Марьи, Ник застрял в кабинете, а Макс один маялся в доме. Потом, не выдержав, постучался к Нику.

— Заходи уж, я слышу, что ты круги нарезаешь под дверью.

Макс вошел, настороженно всматриваясь в полумрак. Ник сидел у окна, и смотрел в сад. Эта задумчивость явно к чему-то вела.

— Ник, дружище, ну уехала она, ты же всегда знал, что она вернется к нему, рано или поздно. Хорошо, хоть все живы на этот раз.

— Знал, я не об этом думаю. Пусть она делает, что хочет. Но детей я ей больше не отдам, или живет здесь с ними, или уезжает одна. Пережить такое еще раз я не хочу. Так что с этим решено. Я о другом, что будем делать с этой тварью, что бросила детей черт знает где?

— Собираем доказательства, передаем в полицию. А твои планы? — в целом Макс не сомневался, что ответочка будет симметричной, простить такое Ник не мог.

— Ну дамочка любит деньги, нужно их отнять. Вернем на фирму, достроим дома, освободим нашего зэка, это минимум. Только дамочку надо оставить без всего, совсем, ни дома, ни машины. А чтобы поняла, что натворила, оставим её в том же положении, что и она детей.

— Это как? Подбросим в приют, или к беженцам? — Хохотнул Макс, представляя картину подбрасывания зрелой тётеньки.

— Зачем в приют? В любой трущобе их любимого Парижа, без документов и денег, к бомжам. Какой язык она знает? Английский? Тогда куда-нибудь во Францию, Португалию, или Марокко. Чтоб знала каково это, когда тебя никто не понимает, и слушать не хочет. Ты знаешь где она?

— Помню, в деле было, где-то в Черногории у нее дом, хахаль её там так и не появился, мы ж тогда бабло искали. Они ровно сидела, денег при ней не нашли, где счета, если сама не скажет, хрен найдешь. Этот её дружок был не дурак, хорошо прокрутил, следов не нашли.

— Ну тогда спросим настойчиво. Сколько человек нам понадобится?

— Думаю, человек пять возьмем. Да, и надо на местных выходить, чтобы нам по рукам не дали, что шалим на чужой территории.

— С местными я уже договорился, оружие и машины берем у них, и если у дамочки найдем бабло, двадцать процентов их. Согласны за проценты взять её дом и машину, ну цацки всякие, если есть.

— Отлично, когда?

— А что тянуть? Послезавтра и выезжаем. Завтра отберешь людей, купишь билеты, наличку там и все такое подготовишь.

— Ну что, по вискарику? На почин дела?

— Неси, знаешь же, что не пью. — Ник повернулся от окна, и друг невольно вздрогнул, это был старый бешеный Ник, как будто очнувшийся от сна.

Они переместились на террасу, Марья накрыла им столик, и долго сидели под осенними звездами, потягивая виски, и разговаривая, как в далёкой молодости.

И вот, уже через неделю, они сидят на другой террасе, уже в Будве, и наблюдают за соседним домом, где проживает Ольга Нейман, зачем-то оставившая фамилию мужа после

развода.

Ольга, все такая же ухоженная блондинка, которой не дашь её сорока, жила в отличном двухэтажном доме, кроме приходящей домработницы, в доме никого больше не было. За дамочкой ухаживал местный молодой красавчик, лет тридцати, бизнесмен-торговец, явно целящийся на её деньги, но ухаживал шумно, с цветами и комплиментами, и было видно, что баба велась на этот развод.

Вот и сейчас, он привез Ольгу домой, и шумно выражал свое сожаление, что вынужден с ней расстаться, что ранит его сердце.

— Вот блин, если она его опять оставит на ночь, мы и сегодня зря просидим. — Чертыхнулся Макс, ставя на стол бокал от сока. — И не бухнешь, и море рядом, не искупаешься.

— Осень, вода уже не та. Парни вчера ходили. Терпи и наблюдай, дыши воздухом, — посоветовал Ник, он был похож на овчарку, которая взяла след, его ничто не отвлекало.

Парочка наконец рассталась, женщина вошла в дом, её кавалер уехал. На втором этаже открылись окна в спальне и гостиной, видимо хозяйка собиралась отдохнуть.

— Отлично, собирай ребят, работаем сегодня. — Руки в черных перчатках ударили по подлокотникам.

— Есть босс! — Макс быстро спустился по лестнице к парням, которые сидели в саду. Операция была давно разработана и десять раз прокручена. Ник с Максом войдут через парадный вход на улице, парни через сад, с черного хода и через окна.

На улице стемнело, в девять вечера, в дверь коттеджа позвонили. Хозяйка подняла домофон, недовольным голосом спросила:

— Кто там? Я ничего не покупаю, проваливайте!

— Мадам Нейман, мы от вашего мужа. Вадим Нейман просил вам кое-что передать. — Голос в трубке домофона был незнаком, но от Вадима она ничего плохого не ожидала, вся вина была на Сергее, она вроде как ни причем. Ольга открыла дверь, быстро сняла патчи из-под глаз, и пошла вниз. Ей очень хотелось вернуться, домой в Россию, к мужу. Жизнь в чужой стране была скучной и пресной, ни друзей, ни врагов. А деньги? Что деньги, сами по себе они не ввели её в круг местных богачей. Она была чужой, одинокой и забытой. Разве что этот мальчик...

Вошедший смуглый красавчик заставил её сердце вздрогнуть, этот мужчина был явно опасен. Следом в дом вошел хромая, мужик с тростью, но когда Ольга посмотрела ему в глаза, тут же забыла, что он инвалид. Такого жуткого лица ей еще не приходилось видеть, а глаза — черные, огромные, ледяные, страшные, смертельные. Она попятилась, сзади её придержали уже сразу четыре руки.

— Ну что ж, дамочка все поняла. — Холодно произнес Ник. — В кресло её, привязать, укол, потом будем говорить.

— Кто вы такие? Я буду кричать! — Севшим от страха голосом, прошептала женщина, поняв, что это не просто ограбление.

— Кричать ты будешь, обязательно, и много, но потом. — На ухо ей прошептал один из мужиков, державших её сзади, и приставил к горлу нож. Ольга почувствовала такой ужас, что ноги ослабли и она просто повисла на руках налетчиков.

— У, да мы такие жиденькие, нервишки никуда. А когда детишек у матери похитила, была смелая? А когда бросила их в трущобах, не боялась? — Эта фраза добила испуганную женщину, она поняла, что эти люди все знают, и пощады не будет.

— Кто мы? Да так вот, любители симметрии, за справедливость мы. — Добавил от себя красавчик, усмехаясь одним углом рта.

Дальнейшее было просто и деловито, ей ловко одели наручники, усадили в кресло, в плечо укололи. Подождав пять минут, красавчик включил камеру и начался долгий нудный допрос. Она не могла сопротивляться, и отвечала на вопросы, понимая, что копает себе могилу.

— Ваше имя, возраст, гражданство. — слышала вопрос, и дальше слышала уже свой механический голос.

— Ольга Нейман, сорок три года, гражданка России... — Дальше она рассказывала, как украла детей, как втерлась в доверие к няньке, как взяла документы у сестры, как везла детей под снотворным, как оставила их на клумбе возле толпы беженцев. Нет, не сожалеет. Да, ненавидит эту суку Оксану, да, хотела сделать ей больно.

Запись окончили, теперь вопросы касались Сергея, их афёры. И Ольга с ужасом осознавала, что говорит, где записаны счета, пароли. Что красавчик уже сидит за ноутбуком, входит в её банк, и переводит деньги назад на фирму Дэна. Действие укола слабеет, она начинает все понимать, но поздно, поздно...

Потом, она подписывает невероятное количество документов, появляются ещё какие-то люди, с местным нотариусом, он проверяет документы, ставит печати и передает пришедшим. Эти люди жмут руки первым и уходят. Страшный человек с тростью улыбается страшно и холодно, при этом его лицо не движется, только губы. Маска, маска жуткая и неживая пугает Ольгу еще больше.

— Мадам, сейчас мои друзья помогут вам одеться в дорогу. Как вы поняли, ваш дом и машина отныне принадлежат нашим друзьям-славянам. Вы должны покинуть этот дом. Мы любезно отвезем вас на ваше новое место жительства.

Женщину поднимают под локти, и ведут наверх. Там, под безразличными взглядами мужчин она торопливо одевает джинсы, кроссовки, свитер. Достает дорожную сумку, и начинает кидать в неё вещи. Мужчины ухмыляются, но не мешают. Ольга собирает документы, паспорт, права, вид на жительство. Одевает куртку, берёт теплый шарф, шапку сует в карман. Чтобы ещё взять, как задержаться, как сбежать от этих бандитов. Но бандиты не сводят глаз, кивают на дверь, и она идет вниз, подхватив сумку. Внизу никого нет, её ведут во двор, у ворот машина. Она озирается вокруг — ну выйдете хоть кто-нибудь, посмотрите, закричите, вызовите полицию! Кругом тишина, никого нет, и она садится в машину. В шею слева чувствует укол, и теряет сознание.

Она спит почти двое суток, и не чувствует как её грузят на яхту, как опять сажают в машину в порту, как двадцать часов машина едет по Италии и Франции, как её выгружают в каком-то загаженном проулке, и за сто евро покупают у бомжихи её тряпье, и эта же клошарка снимает с неё одежду, и одевает на неё свои грязные тряпки. Бомжихе приглянулись даже кружевные трусики, она снимает и их, натягивая трикотажные лосины прямо на голое тело.

Очнулась Ольга с головной болью, от жуткой вони и пинка. Она лежала прямо на мостовой, на гнилых отбросах, сперва попыталась встать, но ноги не держали, и снова получила пинок под ребра. Открыла глаза, и чуть не вырубилась снова, огромный негр, седой и толстый, в грязной одежде, орал на неё и пинал в живот.

Она пыталась кричать по-русски и по-английски, но её никто не понимал. Кое-как поднявшись, выползла по стеночке из проулка, и прислонилась спиной к единственной

опоре. Вокруг были обшарпанные девятиэтажки, толпы людей, арабов, негров. Все шумели, куда-то шли, толкали, по дороге двигались машины и мотоциклы, голова закружилась, и она опять потеряла сознание. Следующее пробуждение не принесло облегчения, хотелось пить, в туалет, и вымыться. Она видела на себе жуткие вещи, помнила смутно как в её дом пришли люди, и потом все, тьма. Осматриваясь вокруг, она поняла, что находится где-то в трущобах Европы, да-да, есть такие и она это знала.

Вспомнились глаза этого мистера Смерти, и второго — любителя симметрии. Вот и ответ, она так же, как брошенные ею дети, оказалась на самом дне цивилизованной Европы, и выбираться теперь нужно самой. Думать ей не дали, толчок в бок почти сбил её с ног. Какой-то негр схватил её за руку, притащил в полуподвальное помещение, где уже было шпук пять раскрашенных и избитых женщин, и швырнул на пол. Он коротко что-то велел этим женщинам, они подняли её и довели до туалета, и первый час Ольга была даже рада, напилась воды из-под крана, умылась и посетила туалет. Одна из женщин принесла ей платье, и знаками показала скинуть грязное тряпье. Платье пришлось одеть без белья, его у Ольги на теле не было, да и при такой длине и декольте, белье не имело смысла.

Она сидела на полу под раковиной, на снятом тряпье, пока женщины не потащили её назад. Там уже были какие-то галдящие мужики, дым с резким запахом конопли, визг женщин, мерзкий хохот, голова закружилась, и Ольга поняла, что попала в бордель, самого низкого пошиба. Ужас пронял её, она обхватила себя руками и забилась в угол. Только уже через час её продали первому клиенту, пьяному негру с замусоленными дредами. Ад приветливо распахнул нежные объятия для своей верной почитательницы.

Стащить телефон у клиента и позвонить сестре Ольга смогла только через два месяца, до этого все попытки были неудачными, как и побеги в полицию. Её почти все время били, и клиенты, и сутенеры, насиловали, в полиции отказались слушать и вытолкали взащей. Другие женщины сидели на наркоте, иначе эту грязь вынести было невозможно. Ольга тоже пристрастилась к травке, коксу, на серьезные наркотики пока не села, все-таки срабатывал разум.

Сестра забрала её через два дня, худую, избитую, с букетом болезней, и поместила сразу в клинику. Её муж категорически отказался впустить родственницу в дом. А через месяц её арестовали, депортировали в Испанию, где судили и дали срок в двадцать лет. Но лежа на чистом белье, в крошечной, но отдельной камере, с душем и унитазом, она радовалась, что выбралась из того ада. Думала ли она о похищенных детях, что их ад был другим, и тянулся больше года? Раскаивалась? Нет, никогда. Она жалела себя, считала, что ей просто не повезло, и ненавидела всех, сестру, её мужа, Дэна, Ксению, и особенно — того жуткого Мистера Смерть, который был представителем Ксении на судебном процессе. Он пресек все попытки защиты найти смягчающие обстоятельства и добился максимального срока.

Глава 23. И целого мира мало...

За спиной Дэна захлопнулись железные ворота, лязгнули замки. Он, до сих пор не верящий в это, шагнул вперед и остановился, оглушенный светом и синью неба, свободой и свежим воздухом. Казалось, этот воздух опьяняет, хотелось смеяться и кружиться от счастья, крича во все горло, как в детстве. Но не к лицу бывшему зеку так радоваться, потому он закинул вещмешок на плечо и пошагал к остановке. Он знал, что до города ходит автобус, час езды, и он в городе. Только вот куда идти, дома то у него нет.

— Нейман! Ты что такой гордый, друзей не узнаешь? — Раздалось откуда-то сбоку. Он оглянулся, из машины выходили Пашка с Сашкой, и улыбающийся Серега в милицейской форме. Дэн пошел к ним, они окружили его, хлопали по плечам и обнимали.

— Слышь пацаны, я ничего не понял, отчего новый суд, срок скостили, какие деньги и откуда, как вам удалось их найти и начать достройку домов?

— Это ты своей Ксении спасибо скажи, нашли твою Ольгу, и она деньги вернула. Прямо на счет компании! А твоя девушка тут по адвокатам билась, с дольщиками встречалась, короче подняла такой шухер, что все газеты за тебя встали. Клеймили произвол. Не дают честному бизнесу выполнить свои обязательства и тэде и тэпэ.

— А где она? Я думал, она будет здесь. — Признался Дэн, одновременно заметив, что они никуда не едут.

— Ждем, сейчас будет. Видимо, оркестр опаздывает. — Хохмил Пашка, дружески толкая в плечо.

На дороге показался черный джип, на скорости тормозящий и разворачивающийся. Из двери выпрыгнула Ксения, потом показался смуглый красавчик, крепкий и коренастый. Это же Макс, что он здесь делает? Почему-то его присутствие Дэну сильно не понравилось, он выбрался из машины и пошел к Ксении, она бросилась бегом и повисла у него на шее.

— Получилось, у нас все получилось! Ты достроишь дома, судимость снимут, сегодня у тебя интервью, будешь местному каналу правду вещать. Все нам некогда, ребята, ждем вечером в ресторане! — Она потянула Дэна за собой к джипу, он попытался оглянуться на друзей, но те понимающе махнули рукой — до вечера.

— Так, сейчас летим в гостиницу, приведешь себя в порядок, вот тебе речь, что говорить, что не говорить. Заучи пока едем. В гостинице нас ждут Ник и дети, он не отпустил их со мной. Обедаем с ними, потом адвокат, потом пресса, потом на фирму, потом вечером банкет в ресторане, там будут все друзья, и с фирмы люди. Завтра у тебя разговор с Ником, он тебе что-то хочет сказать, это же он нашел Ольгу, узнал у неё, где деньги! А теперь уже почти нашли твоего друга, скоро он тоже вернёт твои деньги, и ты сможешь все закончить, достроить и вернуть честное имя! Пока живем в гостинице, потом сам решишь, где жить. Только, Дэн я уеду, детям в школу надо, а Ник их здесь не оставит! Но мы тебя будем ждать на Новый год!

Дэн засмеялся от её трескотни, обнял её за плечи, привлек к себе, вдыхая её запах, шампуня, теплой кожи, и легких холодных духов. Она замерла в его руках, прильнув к плечу.

— Я болтаю много, да? Нервничаю, и поверить не могу.

Дэна привели в номер, он принял душ, нормальный, с хорошим гелем и шампунем, и запах тюрьмы перестал преследовать его. Свежая одежда, новая и чистая, доставляла удовольствие ощущать её на теле, легкие ботинки после тяжелых сапог были невесомы,

хотелось летать. Он повязал галстук, посмотрел на себя, да, после появления Ксении, за три месяца из глаз ушла обречённость, и он будто выпрямился и помолодел. Но все же, все же... Рядом с ней такие мачо, как Макс. И ещё этот припрется, испанец. Так, не думать, не думать.

Мужчина сел в кресло, и продолжил читать рекомендации юристов и имиджмейкеров. Да, они хотят создать образ такого порядочного простофили, которого кинула жена с любовником. Ну и как ему потом дела делать с таким имиджем? Ну уж нет, он сам решит, как себя подать. Но пока не будет пугать Ксению с командой.

Ксения пришла уже не в джинсах, а в платье. Придирчиво осмотрела его внешний вид, поправила галстук, и повела к детям. Они жили в большом люксе, с Ником и охраной. У дверей стоял один из них, пристально осмотревший Дэна несмотря на то, что тот был с Ксенией. Они вошли внутрь, номер был огромным, из нескольких комнат.

— Дети, мама пришла! Ник, мы пришли! — Крикнула Ксения, и тут послышался стук трости, в большую гостиную вышел Ник. Он не улыбался радостно, но был вежлив, слегка ироничен.

— Ну что, узник, вернулся? Думаю, тебе полезно было подумать о делах, не будешь таким доверчивым. — он пожал руку Дэна. Это было ново — раньше правая рука не работала совсем.

Дети вышли из соседней комнаты спокойно, но не подошли, а встали за спиной Ника, отгородившись от отца.

— Дети, подойдите, поздоровайтесь с отцом! Ну что же вы, он так ждал! — Бурно просила Ксения, те, насупленные, не сдвинулись с места.

— Не надо, не насилуй их. Алекс, Даниэла я очень раз вас видеть. Могу я вас обнять? — Дети отступили на шаг. — Ну или пожать руку.

Даниэла шагнула вперед и протянула ручку, Дэн осторожно пожал её.

— Я вас помню, вы тоже наш папа. Только теперь у нас один папа, мы так решили, и это папа Ник. А вы, муж той злой тётки, которая нас увезла от мамы. Папа нашел её и сдал полиции, теперь она будет сидеть в тюрьме. — Девочка говорила все это, четко и громко, глядя прямо в глаза. Алекс же вцепился в руку Ника и не сделал ни одного шага.

— Эта злая тётка давно уже не моя жена, мы расстались. И она хотела мне отомстить, потому вас увезла. Больше это не повторится, я обещаю.

— Мы знаем, что не повторится. Нам папа обещал! — Выкрикнул Алекс, и дернулся уйти, но Ник его удержал. — А ты нам не папа! И я не хочу тебя обнимать! — Мальчик всё же убежал в спальню и плотно закрыл дверь.

Ксения опустила руки, попыталась пойти за сыном, Ник удержал её. Совместный обед не удался, парочка ушла в ресторан вдвоем, Ник остался с детьми, и заказал еду в номер.

Дэн видел, что Ксения очень расстроена, отлично понимая детей, кто он для них? Дядька, чужой и страшный, его появление разрушило их маленький мирок, и сколько они натерпелись после этого! С этими мыслями он беседовал с адвокатом, с ними же пошел на запись интервью. Говорил, что думает, как все было, не пытаясь вызвать жалость к себе, обещал все достроить и вернуть фирме репутацию. Ксения с адвокатом поначалу испугались, а потом поняли, вышло еще лучше.

Банкет с друзьями и коллегами прошел так же мимо сознания, все думалось о детях и о будущем. Друг Сашка, посмотрев на него, позвал выйти покурить.

— Дэн, очнись. Ты опять где-то не здесь, это уже было, когда ты фирму прос**ал. Если

сейчас ты ошибешься, тебе конец. Я понимаю, проблем море, но мы же с тобой.

— Понял я, понял. Это все дети, они как чужие, сын даже не подошел, руки не подал. Как мне с ними быть?

— Никак, не подлизывайся. Не морочь себя и их, будь собой. Дети видят ложь, и когда к ним лезут насильно, сторонятся, нет, надо просто жить. Честно разговаривай, не ври, не сюсюкай. Время расставит все по местам. Займись делом, фирмой. Ты уже наделал дел, пока сидел возле них в Испании.

Последний удар он получил утром, от Ника. Тот рассказал, почему они забрали сына, украв его из военной школы. Поняв, что его сын чуть не стал донором сердца, и самое страшное, ребенок знал об этом! Господи, что пришлось пережить его мальчику!

— Ник, я твой должник навсегда. Ты спас моего сына, я тебе... ну не знаю... готов жизнь отдать.

— Я спас *моего* сына, — так явно был сделан упор на слове «моего», — кроме того, я же нашел и Даньку, и выкупил её. Я столько раз спасал твою Ксению, да и тебя самого, что сбился со счёта. Теперь, считаю, я вправе диктовать вам свои условия. Так вот, моё тебе слово, дети будут жить со мной. Всегда. Под моей охраной, в моём доме. В моём городе. И я буду решать, когда, куда и с кем я их отпущу. А я не отпущу — никуда без меня. Понял?

Дэн, раздавленный справедливостью всего сказанного, не мог возражать, не мог говорить. Слишком свежи в памяти запахи колонии, осознание беспомощности, своей вины.

— Ты хоть позволишь их видеть? — В конце концов, справившись с собой задал вопрос.

— Вы можете тоже жить в моем доме. Только по моим правилам.

Дэн шел в свой номер, и вспоминал, как он вчера дышал свободой, и думал, что перед ним вновь весь мир. Но вот, оказалось, что в жизни его детей, ему опять уготовано крошечное место сбоку, роль приживала, что ли?

И оказалось, что всего этого мира ему стало мало, ему нужны эти два любимых человечка, возможность коснуться их, обнять, вдохнуть запах детских головок.

Глава 24. Строить новую жизнь

Ксения проснулась от того, что сразу с двух сторон к ней под одеяло влезли маленькие обезьянки с ледяными ногами, которые тут же начали подпихиваться под неё, чтобы согреть. Она сгребла обоих в объятия, прижала к себе, и сонно спросила:

— И куда уже вы с утра бегали? — Она стала щекотать детей под одеялом, они визжали и крутились, стараясь не столько убежать от щекотки, сколько прижаться к маме.

— Там дядя Макс поехал на рыбалку, мы его проводили. Знаешь какую он мне привезет рыбку? Настоящую золотую! Как в той сказке, что ты читала. — Данька была любительницей сказок, и, хотя уже сама неплохо читала, любила слушать Ксению, держась за руку матери.

— И что же ты хочешь попросить у золотой рыбки? Чего не хватает моей капризке? У тебя же игрушки уже в комнату не помещаются.

— Не хочу игрушки! Знаешь, что я хочу! — Дочка сделала большие глаза и зашептала ей на ухо громким свистящим шепотом, — ну, во-первых, чтобы папа Ник выздоровел, совсем-совсем, ведь он тоже хочет на рыбалку! Потом, я хочу мотоцикл, как у дяди Макса. Ну и-и-и, я хочу рисовать как папато, ой, то есть дядя Игнат!

— Мама, мама, а у меня зуб шатается! — На другое ухо зашептал Сашка, и открыл рот, показывая шатающийся передний зуб. — А папа сказал, что на новый зуб подарит мне ролики! Новые!

Дети увлеклись роликами, и теперь почти каждый день кто-то из взрослых возил их на площадку, Сашка уже немного умел выполнять прыжки и повороты, а дочь просто каталась за компанию. Последней Сашкиной мечтой были какие-то крутые ролики, которые он увидел на площадке у взрослого пацана. Ксения же была против этих забав, дети все время падали, и несмотря на «защиту», приходили битые и поцарапанные.

Зазвонил телефон, пришлось прервать утренние потягушки, Ксения встала, сняла телефон с зарядки, нажала на ответ, не глядя. Она и так знала, что это звонит Дэн, и он уже три часа ждет, когда она проснется.

— Доброе утро, любимый! — Дети убежали, услышав, что мать будет болтать с Дэном, причем дочка в дверях скорчила рожицу и прошептала «тили-тили-тесто, жених и невеста!», и убежала за братом.

— Доброе, родная. Как спали мои девочки? Как твой токсикоз? — Ксения встала перед зеркалом, обтянув округлившийся животик, и рассматривая его в профиль. — Твои девочки спали отлично, мне кажется, она уже шевелится! Токсикоз тоже хорошо, спасибо. Теперь я хочу мочёной брусники, и яблок, и еще солёный арбуз!

Беременность Ксении была не просто приятным сюрпризом, а подарком судьбы, единственный раз они забыли о предохранении, там, на свидании в зоне, и вот, подарочек! Ксения, думая, что в сорок два нарушения цикла могут быть, климакс не за горами, прозевала этот момент, и узнала о беременности уже после трех месяцев. И в душе была рада, потому что могла испугаться, и сделать аборт. А сейчас она купалась в всеобщей любви и заботе, давно сделала УЗИ, и ждала дочку. Дэн не сразу поверил своему счастью, он пока жил в Красногорске, завершая дела, но всей душой стремился к семье. Узнав, что будет ещё один ребенок, они решили строить себе дом рядом с Ником, так, чтобы можно было жить отдельно, но рядом со старшими детьми.

О том, что Ник поставил ему условие, Дэн рассказал Ксении сразу, она пожалала плечами, взяла его за обе ладони, и попыталась убедить:

— Дэн, ты не представляешь, что он пережил, пока нашел детей! Ты был в тюрьме, я в клинике, а он рыл землю, сколько поисков, сколько взяток и шантажа. Он рисковал свободой, жизнью своей и своих ребят. И я до ужаса, просто до ужаса, боюсь повторения. Это же возможность шантажа, могут потребовать выкуп, могут убить, чтобы отомстить. И уже не нам с тобой, а папе Нику, потому что все вокруг знают, кто их искал. Кто платил, кто опять отдаст за них и жизнь, и фирму. Поэтому я согласна на все, лишь бы их безопасность была обеспечена. У Ника охраны теперь двадцать с лишним человек, они постоянно присматривают за детьми, но я их даже не вижу. Так что смирись, как смирилась я.

За это время отношения Дэна с детьми никак не продвинулись, тем более жили в разных городах. Но сестренку ждали оба, особенно Данька, которая полагала младенцев типа куклы Барби. Задумавшись о детях, Ксения потеряла нить разговора.

— Ксень, ау? Ты еще здесь? Ты меня слышишь? — Раздалось в трубке, женщина спохватилась, и поспешила ответить. — Да, да милый, задумалась. Представляешь, у Сашки первый зуб качается!

— Я говорю, я не хочу, чтобы мой третий ребенок родился вне брака, вдруг твой дружок тебе еще липового мужа пристегнёт, я зову тебя замуж, между прочим, третий раз! А ты все задумалась!

— Ой, милый, конечно же я согласна! Но осталось всего четыре месяца, и последние два я буду как дирижабль!

— Поговори с Ником, я приеду в пятницу, на субботу можно договариваться на регистрацию. Ты же не планируешь пышной свадьбы? А платье за неделю готовое можешь купить. По справке о беременности можно же без ожидания расписаться?

— Ой, класс! Значит у меня через неделю свадьба! Я согласна! Ника уговорю!

Они еще сорок минут говорили, о всякой «ерунде», как доложил Нику сынишка.

— Папа, почему взрослые люди становятся такими глупыми, когда влюбляются? Они такое лицо делают, глупое-глупое, и говорят такие-то сю-сю: зайка, пальчики, солнышки. Фу, аж тошнит. — «Взрослый» семилетний Сашка сделал такое умильно-приторное лицо, что Ник невольно увидел влюбленную Ксеньку.

— Ничего сынок, ты вырастешь, и тогда узнаешь, как это влюбиться и остаться умным. — Ник обнял мальчишку, прижав его к плечу.

— Пап, а тебе не обидно, что мама любит этого, ну Дэна? — Пацан все же задал волнующий его вопрос, уткнувшись в плечо Ника. — Почему она не любит тебя, потому что ты сгорел, да?

— Нет, сынок, мне не обидно. Главное, что ты со мной, мой сын, моя надежда. А женщины, они же слабые, мы их просто должны защищать и беречь. Вот, ты свою сестру от других пацанов защищаешь? Так и я твою маму люблю и защищаю. Не даю ей делать глупости.

Ксения собирала в первый класс свою младшую дочь, нервная и на слезе, пытаюсь сдерживать бурю эмоций. На этот праздник в доме собрались все близкие и друзья, на площадке между их домами устроили легкий шатер и к вечеру планировался большой банкет. Ждали не только взрослых, но и детей, потому на участке был бедлам, сновали официанты, оформители, привезли реквизит фокусники и флористы. Распорядитель праздников уже тихо сатанел, потому что взрослые отмахивались от него, а хозяйка заперлась с дочкой и собирала её на линейку.

Приехал Игнат, и весь август семью сотрясали грандиозные бои и споры. Дети в марте получили паспорта, и к огорчению родителей, Алекс взял фамилию Ника, который давно вернул свое настоящее имя, и стал Александром Костаниди, а дочь осталась на фамилии Вальдес, отбросив вторую часть — Войцеховская. Более того, она собралась ехать к Игнату в штаты! Вот только всё наладилось, семь лет они живут спокойно и счастливо, растут их дети, а тут раз, и дочь уезжает! За океан! В четырнадцать с половиной лет!

У Даниэлы был талант, она занималась в художественной школе, и ей прочили большое будущее. Она писала прозрачные акварели, в основном цветы и кошки, даже пробовала себя как портретист, у Ксении был припрятан их портрет с Дэном, сделанный два года назад еще детской рукой, пастелью, немного не выдержанный в пропорциях, но такой цепляющий, казалось, что ребёнок подметил в них что-то самое главное. Игнат, так и не создавший семью, всячески этому потворствовал, и уже подобрал колледж, а Дэн с Ником, впервые объединившись, были категорически против. Вся семья, уже месяц постоянно находила аргументы за и против, но пока убедить мелкую поганку не получалось.

Сашка же считал все мечты сестры блажью, учился на отлично и собирался работать с Ником, тем более, что и Макс, и Дэн работали в холдинге и входили в совет директоров. Подросток с детства много времени проводил со взрослыми на стройках, ему было это интересно, и он мечтал построить что-то такое! А пока он посещал архитектурный кружок, изучал экономику и даже право. Дэн не понимал, как в таком юном возрасте можно увлекаться такими нудными вещами, и всячески пытался сына отвлечь.

Они катались на горных лыжах, меняли спортивные секции, записывали сына на курсы программирования, он везде добивался хороших результатов, но неизменно возвращался к своей идее.

И вот, сейчас завязывая Маняшке белые банты на светлых кудряшках, Ксения переживала, что завтра её старшая дочь улетит с Игнатом, и они будут видаться только раз в год. Маняшка же подпрыгивала на месте от нетерпения, и все время боялась, что они что-нибудь забудут.

— Мам, а ты пенал положила? С розовыми единорогами? А фломастеры? А мой альбом?

— Доча, сегодня только торжественная линейка, учебники и тетради не нужны! Мы возьмем цветы для учительницы, и все!

— Мам, ты чё? Совсем? И ранец брать не будем? — Дочь явно собралась плакать, скривив губёшки.

— Возьмем ранец, и пенал, и альбом! — Это пришел торжественный папа, уже в костюме и галстуке, и согласился на все капризы своей крошки.

Дэн подхватил дочь на руки и высоко подкинул, она сперва засмеялась, а потом вспомнила, что уже большая и закричала:

— Папа, ты мне всю школьную форму помял! — Отец поставил её на пол, она придиричиво расправила складки кружевного белого фартучка, и строго сказала:

— Как маленький, честное слово! — И хмурилась на смеющихся родителей, уперев ручки в бока. — И что вы ржёте, как кони!

Они приехали в школу всем кагалом, на четырех машинах. Сашка сразу же убежал к одноклассникам, он даже цветы для учителя брать не стал, чё пацан, чтоль. Там они хлопали друг друга по плечам, говорили ломающимися басами, кивали друг другу, подражая взрослым. Несколько парней пришли в пирсинге и с цветными волосами, повергнув остальных родителей в ужас. Ник, стоял, опираясь на трость, рядом с ним замерли два телохранителя. Он не сводил глаз со своей гордости — Алекса, этот мальчик был ему близок по духу так, что стал родным. Он не стал мажором и баловнем, а сохранил стержень, стремился к цели. Хотя мог бы иметь всё, вряд ли Ник или мать могли ему в чем-то отказать. Единственное, что так и не удалось вылечить любовью и заботой, его сын категорически отказывался выезжать из страны. Даже на учебу, уже не говоря об отдыхе. Все близкие помнили пережитый ужас, и понимали его отказ. А хороших вузов и у нас достаточно, решил Ник.

Данька, документы которой из школы уже забрали, увидев одноклассниц, сквасилась, ей хотелось туда, в толпу, в праздник, в кипение бантов и цветов. Игнат сжимал ей локоть, желая поддержать, а мать смотрела вопросительно, может передумаешь.

Вот и Маняшка, надев на плечи ранец, ушла к таким же малявкам, их построили в два ряда, важных и серьезных людей, для родителей, таких маленьких, трогательных и незащитных. Мама утирали слёзы, папы делали серьезные лица, пытаясь скрыть свои чувства. Дэн обнял жену сзади за плечи, и прижал к себе, незаметно целуя куда-то в висок.

— Как я счастлив, что вы у меня есть. Эти семь лет пролетели, как один день. Как не хочется, чтобы Машуня выросла так же быстро, как старшие!

Ксения прислонилась спиной к мужу, и тоже подумала — вот оно, счастье. Пусть путь был долог и извилист, зато они все вместе, счастливы, и теперь так будет всегда! И о чем они спорят целый месяц — даже там, за океаном, её девочка останется той же доченькой, упрямой и точно знающей, чего она хочет.

Ну, а океан между ними? Самолеты летают, скайп работает, а земля в конце концов, круглая.

Больше книг на сайте - Knigoed.net